А. В. Демкин

ПЕТР ВЕЛИКИЙ
И УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В предлагаемой читателю книге, приуроченной к 350-летнему юбилею Петра I, рассматривается проблема местного управления в Петровскую эпоху’. От предшественников государю достался опыт воеводской власти на местах. Она имела свои недостатки. Кроме того, в условиях начавшейся Северной войны. Петр I заботился о резком повышении доходов казны. В этой связи были проведены две городские реформы (ратушская и магистратская), в результате которых городское население было выведено из-под власти воевод, а последние, на время, стали заменяться комендантами и ландратами. Также в данный период использовались новые временные учреждения (палаты и канцелярии), а также Оружейная палата, в целях повышения приходной части бюджета. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Андрей Владимирович Дёмкин
  -
  - Введение
  - Глава первая. Воеводское управление. 1689–1698 гг
  - Глава вторая. Воеводское управление. 1699–1705 гг
  - Глава третья. Коменданты, воеводы, ландраты. 1706–1718 гг
  - Глава четвертая. Воеводы во главе провинций. 1719–1725 гг
  - Глава пятая. Ратуша
  - Глава шестая. «Из потешных»
  - Глава седьмая. Оружейная палата. «Молодое вино в старые махи»
  - Глава восьмая. Главный магистрат
  - Заключение
  - Список источников и литературы
  - Список имен
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

Андрей Владимирович Дёмкин
Петр Великий и управление территориями Российского государства

© Дёмкин А. В., текст, 2021
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2021

Введение

Рубеж XVI–XVII вв. ознаменовался для Русского государства Началом Нового времени. Переход от Средневековья к этому новому периоду истории пришелся на правление Ивана Грозного. Описываемые многими поколениями отечественных историков трагедии грозненского царствования связаны не столько с его характером, сколько определялись именно своим временем. Средневековье в лице своих представителей в рядах феодальной знати (вспомним, хотя бы, князя Андрея Курбского) яростно сопротивлялось. Кстати, подобные процессы происходили и в странах Европы, где новое пробивало дорогу тоже с большей или меньшей кровью.

В Средневековой Руси управление территориями поручалось князем-государем наместникам и волостелям, и называлось «кормлением». «Кормленщики» буквально «кормились» за счет местного тяглого населения, представляя, вместе со своей дружиной, военную, административную и судебную власть. С середины XVI в. «кормленщики» постепенно лишались своих прерогатив в связи с мерами верховной власти по перестройке принципов местного управления. Так борьба с разбойниками стала задачей выборных от местного дворянства «губных старост». Также выборные, но от горожан и крестьян «излюбленные головы и целовальники» теперь отвечали за поступление в казну налогов. Одновременно, вначале в порубежных городах, стали назначаться воеводы. Как и «кормленщики», они олицетворяли собой военную, административную и судебную власть. Однако отличие было принципиальным: «кормленщики» со своими людьми жили за счет местного населения, воеводы же являлись служилыми людьми, в перспективе – чиновниками. Их доходы с приданными им также служилыми людьми были строго определены и воеводы подчинялись формировавшимся центральным органам власти – приказам. В XVII столетии местное управление перешло к воеводам.

Представляемая вниманию читателя книга посвящена исследованию проблем местного управления в период правления Петра I. Петру в наследство от предшественников досталась воеводская власть со всеми накопившимися недостатками. Царь, круто реформировавший все сферы общественной и государственной жизни, не мог пройти мимо и нашего вопроса. Причем для него коренной стала проблема резкого пополнения казны. С 1699 г. начались поиски решения этой проблемы: вывод

из воеводского подчинения посадских людей и проведение в этой связи первой (ратушской) и второй (магистратской) городских реформ. Одновременно на максимальное использование ряда доходных статей были брошены вновь образованные временные учреждения и пригодилась старая Оружейная палата. Но это еще не все: с 1706 г. воеводы стали фактически заменяться новыми должностными лицами (комендантами, ландратами). Однако, в конце своего правления Петр I все же вернулся к воеводскому управлению со всеми присущими ему ранее чертами, но уже на более высоком уровне: воевода с 1719 г. был уже поставлен во главе провинции и мог непосредственно обращаться к центральным органам власти.

Отечественная историография изучала проблему воеводского управления, а также проведение городских реформ в петровскую эпоху. Меньше повезло новым временным учреждениям. Автор впервые специально рассматривает проблему местного управления в петровскую эпоху в комплексе. Кроме того, ранее не был использован представительный объем документов, непосредственно раскрывающих особенности функционирования всех упомянутых выше институтов власти.

Классики отечественной историографии, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, в своих обобщающих трудах обратили внимание на проблему воеводского управления, начиная с XVI в., и рассматривали упомянутые нами вопросы местного управления в петровскую эпоху. М. М. Богословский специально разрабатывал тему Областной реформы 1719–1727 гг. и в том числе описал роль воевод как глав провинций[1]. Выводы этих авторов, в целом, были поддержаны советской и современной историографией.

Крупные специалисты по отечественной истории XVI в. А. А. Зимин и XVIII в. Н. И. Павленко и А. А. Преображенский в многотомной труде по Истории СССР рассматривали вопросы перехода к воеводскому управлению, его особенности в петровскую эпоху, равно как и новации Петра применительно к местному управлению[2].

А. Б. Каменский в работе, посвященной реформам в России в XVIII в., не мог пройти мимо петровской политики в сфере местного управления. В своем очерке, посвященном системе государственного управления в России XVIII столетия, Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина смогли не только обратить внимание на известные решения власти по интересующим нас проблемам, но и представить свое видение, например, вопроса о временных учреждениях, занятых сбором казенных доходов. Новейшая работа Л. Ф. Писарьковой о государственном управлении в России в XVIII в. как бы подытоживает достижения предыдущей

историографии по рассматриваемой нами проблеме[3].

Применительно к петровскому царствованию о первой и второй городских реформах, назначениях, а затем выборах, ландратов, создании временных учреждений, Оружейной палате и иных примыкающих к ним проблемах писали: Е. В. Анисимов, М. М. Богословский, Я. Е. Водарский, автор этих строк, В. Н. Захаров, Н. В. Козлова, П. Н. Милюков и Д. О. Серов. Использованы также данные Путеводителя по фондам РГАДА (Т. 1)[4].

Основной источник, задействованный в настоящей работе – это именные, сенатские, значительно реже – коллежские указы, а также Боярские приговоры, наказы и инструкции, опубликованные в 3–7 томах Полного Собрания Законов Российской империи. Всего использовано 532 подобных распоряжения верховной и центральной власти[5].

Нужным подспорьем также стали свидетельства современников событий: И. А. Желябужского и имперского дипломата О. А. Плейера[6].

Книга состоит из Введения, четырех глав (с первой по четвертую) о воеводском управлении в 1689–1725 гг., четырех глав (с пятой по восьмую) о новых учреждениях и Оружейной палате, а также Заключения, Списков имен, источников и литературы.

Глава первая. Воеводское управление. 1689–1698 гг

Формально, Петр I стал царем в 1682 г., после смерти старшего сводного брата, царя Федора Алексеевича, в десятилетнем, без одного месяца, возрасте. Понятно, что самостоятельно править он не мог. В результате стрелецкого восстания в Москве правительницей стала царевна Софья, представительница клана Милославских, оттеснившего от власти клан Нарышкиных. Лишь в 1689 г. семнадцатилетний Петр смог устранить Софью и стал править страной (его соправитель, сводный брат Иван V, до 1696 г. исполнял, практически, лишь представительские функции).

Вначале обратимся к истории воеводского управления. Оно берет свое начало с упразднения Иваном Грозным системы «кормлений» в середине XVI в. С. М. Соловьев так отзывался о феодальной системе «кормлений», близко к летописному тексту: «Бояре, князья и дети боярские сидели по кормлениям, по городам и волостям (назывались “наместники” и “волостели” – А. Д.) для расправы людям и всякого устроения земли, себе же для покоя и прокормления». Они оберегали свои «кормления» «от всякого лиха… а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что им государь уложил». То есть в соответствие с феодальным порядком государь отдавал определенные территории своим приближенным, где они должны были представлять военную, административную и судебную власть, и «кормиться» со своими отрядами за счет населения. С. М. Соловьев продолжает: «И вошло в слух благочестивому государю, царю, что многие города и волости пусты учинили наместники и волостели… много злокозненных дел учинили, не были пастыри и учителя, но сделались гонителями и разорителями». Конечно, негативные стороны системы «кормлений» проявлялись и раньше, но к середине XVI в. процесс централизации государственного управления достиг такой стадии, когда Иван Грозный мог уже инициировать отказ от феодального принципа управления территориями государства и упоминание об этом негативе было очень кстати.

Еще раньше, где-то с 1539 г., началась «губная реформа» (от понятия «губа» – определенная территориальная единица). К 1556 г. она завершилась. В ходе нее у «кормленщиков» были отняты права судить население по тяжким уголовным преступлениям и вести розыск разбойников. Это стало

прерогативой «губных старост», избираемых из местных дворян. С начала же 50 гг., постепенно, вместо «наместников» и «волостелей» суд и сбор податей передавался в руки «излюбленных голов» и «целовальников» при них, которых избирали из зажиточных горожан и крестьян. В. О. Ключевский назвал эти меры «Земской реформой», поскольку «наместников и волостелей (заменили – А. Д.) выборными и общественными властями, поручив самим земским мирам не только уголовную полицию, но и все местное земское управление вместе с гражданским судом». Важно отметить, что эта новая власть подчинялась создаваемым тогда же Приказам – центральным органам управления. Так по вопросу сбора податей – Четвертям, в которых они аккумулировались.

А. А. Зимин отметил, что «Земская реформа была проведена в полной мере только на черносошном Севере». В пограничных районах сохранялись «наместники», но постепенно их сменили воеводы, олицетворявшие собой объединение «военного и гражданского управления на местах». Известно, что воеводское управление приходило на смену земским органам власти. В. О. Ключевский заметил, что при царе Михаиле Федоровиче «воеводство… стало повсеместным учреждением», а это означало «решительный поворот от земского начала… к бюрократическому порядку местного управления». В отличие от «кормленщика», воевода «ведал уезд» не в своих интересах, а в пользу государя, поскольку подчинялся Приказам. Однако, автор полагал, что «для местного населения воеводство стало не только восстановлением, но и ухудшением наместнического управления». Очевидно, он имел в виду известные многочисленные злоупотребления воевод, о которых и мы ниже скажем. Все же, на наш взгляд, Василий Осипович увлекся: вряд ли населению при наместниках в Средневековье жилось легче, чем при воеводах в XVII в., в Начале Нового времени. При этом признаем, что воевода обладал военной, административной и судебной властью на территории вверенных его управлению города и уезда[7].

Охарактеризуем обязанности воевод по выдаваемым им наказам: черниговскому 1696 г., нерчинскому 1696 и 1701 г., казанскому, терскому, тобольскому и верхотурскому 1697 г., ярославскому 1698 г., тюменскому и новгородскому 1699 г., астраханскому 1700 г. и владимирскому 1701 г. В наказах очень подробно перечисляются обязанности воеводы и предписывается его поведение применительно к различным категориям служилых людей, местного населения, как русского, так и не русского с самого приезда в соответствующий город, где предусматривалась его резиденция.

Вначале новый воевода принимает у прежнего все его воеводское хозяйство: городскую печать, городские ключи, крепостные сооружения, казенные постройки, артиллерию («наряд»), вооружение и припасы к нему (порох, свинец, фитили), а также запасы хлеба и соли, денежную и иную казну, документацию (приходорасходные книги, дела, присланные указы, списки служилых людей). Далее он служилых людей «пересматривает», «перевешивает и перемеряет» указанные выше запасы. Результаты этого осмотра «порознь, по статьям» записываются. Под этим ставятся подписи старого и нового воевод, местных приказных людей. Один экземпляр этих «тетрадей» отсылается в Москву, в соответствующий Приказ, а другой остается на месте, в Приказной (или Съезжей) избе, где вершат дела воевода и приказные. Если к старому воеводе претензий нет, он отпускается. В противном случае ему приходится остаться, чтобы покрыть, как правило, финансовую недостачу.

Тогда же новый воевода собирает служилых людей различных категорий и обращается к ним с «милостивым словом» от имени государя. Суть его сводится к тому, что воевода будет о них всячески заботиться, защищать их интересы, обеспечивать поступление положенного жалования, а те, в свою очередь, должны добросовестно нести службу, не притеснять местное население, не склоняться к измене, а, узнав о ней, выдавать изменников воеводе. Там, где имеется нерусское население, воевода отдельно приглашает его верхушку («князьцов», «улусных людей» и т. д.) Им также предназначается «милостивое слово» от имени государя, в котором новый воевода обещает собирать ясак по правилам и не допускать имевшиеся раньше злоупотребления, радеть об их интересах. Местную знать призывают по-прежнему «быть под высокой рукой» государя, жить «в покое и тишине», а «воров», кто «шатость обнаружит», выдавать воеводе. Власть же их будет оборонять от недругов. Затем следовало устроить для приглашенных пир: «Напоить и накормить довольно», а затем отпустить в свои дома. Однако воеводе обычно рекомендовалось брать у нерусской знати заложников («аманатов»), которые должны быть гарантией своевременного и полного поступления ясака и «поминок» (подношений).

Отметим, что требовалось от воеводы как начальника гарнизона, который мог насчитывать не одну тысячу служилых людей разных категорий. Воевода обязан следить за состоянием городских укреплений, организовать их починку и строить новые при необходимости. То же касалось и домов, где проживал гарнизон и его семьи. В городе он должен был проверять караулы,

не допускать, чтобы служивые пьянствовали, дрались, играли в азартные игры, воровали и проматывали вооружение и снаряжение, а также пресекать столкновения с местным населением. В пограничных местах воевода должен был организовать службу на заставах с целью недопущения внезапного появления неприятельского войска. При вторжении врагов сообщать о них соседним воеводам и в Москву, и, естественно, организовать оборону города силами гарнизона и уездных жителей. Служилым людям положено выдавать определенное денежное и хлебное жалование, не разрешать командирам использовать рядовых в своих интересах. При убыли, пополнять гарнизон за счет родственников умерших и погибших, а при их отсутствии – подходящими «нетяглыми» людьми.

Об административных обязанностях воеводы. Денежную и иную казну воеводе «держать за своей печатью». Городские печать и ключи иметь при себе. По отношению к русскому и нерусскому населению проявлять «ласку», их лишними податями и повинностями не отягощать. Разыскивать про «измены», ловить изменников и «воровских людей», и чинить им «розыск» и наказание, а «будет дойдет до пытки – пытать». О «воровских письмах» и о выявленных «лазутчиках» (шпионах), расспрашивая их, писать в Москву. Обнаруженных беглых крестьян и людей на службу не принимать, их задерживать и отсылать в Москву, в соответствующий Приказ.

Местные жители должны подавать воеводе и приказным людям челобитные, если захотят ехать в Москву и другие города. Как кто-либо уедет «без отпуску» – того «сажать в тюрьму и чинить наказание смотря по человеку и по вине». Всех приехавших в город для проживания и каких-либо дел в Приказной избе записывать в книги, без чего проживать в городе нельзя.

Казенные здания, если населению «не в тягость» и «сметясь с доходами», строить кирпичными. Если нужны материалы, то писать в Приказ, в Москву. Необходимых мастеров привлекать из ближних мест, чтобы все обошлось «недорогой ценой».

В Приказной избе работающих подьячих без указа из Москвы «не переменять и вновь никого не принимать». Годовое жалование им выдавать на основание грамоты из Приказа. Присланным из Москвы лицам из разных Приказов без соответствующих грамот полномочий и людей не предоставлять.

Смотреть, чтобы никто казной «не корыстовался». О всех денежных доходах подьячие должны записывать в соответствующие книги. Их за нарушение порядка воевода мог наказывать вплоть до «разорения без всякой пощады».

Если обнаружится, что приезжие прибыли из мест, где имеет место быть эпидемия («моровое поветрие») за рубежом или в какой-нибудь части Русского государства, то воевода должен тут же писать об этом в Приказ, в Москву. Никуда не отпускать тех приезжих до распоряжения оттуда. При получении «вестей» об эпидемии, на выставленных на всех дорогах заставах расспрашивать приезжих и принимать письма «через огонь». Из зараженных мест и в зараженные места никого не пропускать. Далее составлялись «распросные речи» и посылались по назначению. Письменные сообщения переписывались «на новую бумагу дважды и трижды», а прежние на заставах следовало сжигать.

Ввиду причинения большого ущерба от пожаров воевода должен «учинить заказ крепкий», чтобы население жило «с великим бережением». Летом избы и бани, «опричь торговых бань», не топили и держали бы «кади с водой для пожарного береженья». Печи, на которых готовили пищу, делали бы «на полых местах». Кроме того, в городах чтобы ездили «объезжие головы» по улицам и переулкам, день и ночь, и смотрели бы, чтобы «от огня было береженье».

Воевода не имел права непосредственно вмешиваться в дела администрации таможен и кружечных дворов. Однако от него требовали контроля за нею. Пошлины и доходы головы и целовальники должны были собирать «с радением». За «воровство и нерадение» воевода мог их наказывать: «бить батоги» и даже кнутом за серьезные прегрешения. Воевода должен был всячески пресекать «корчемство», то есть незаконную продажу хмельного и табака. Населению разрешалось варить пиво и мед только для личного потребления к свадьбе, именинам, «родинам, крестинам» и поминкам. При этом воеводе следовало бить челом, а он разрешал «варить» определенное их количество и держать определенные дни. В казну с этого питья брали пошлины: с четверти (бутыли) пива по 2 к., а с пуда меда по 3 к. Вино «курить» запрещалось. Кто все же занимался «корчемством», тот должен был платить пени и нести наказание: в первый раз – 25 р., в с «питухов» по 1–2 р. с каждого, во второй раз – 50 р. и подвергнуться наказанию кнутом, а «с питухов» – по 4 р. с каждого, и в третий раз – 100 р. и отправиться в ссылку. За обнаруженный табак били кнутом «нещадно» и определяли на неделю в тюрьму. Во второй раз также описывали имущество в казну. «Корчемные» хмельное и табак шли в казенную продажу.

В целом, воевода должен был по административной линии исполнять все требования наказа, «посулов и поминков не брать», проявлять в службе «радение» интересам казны и «чинить»

государю во всем прибыль. Если же он допустит нарушения порядка из оплошности или корысти – то ему «быть в опале и разорении».

Воевода был обязан чинить суд и расправу над виновными. Он должен соблюдать нормы Уложения 1649 г. и «новоуказных статей», брать судебные пошлины по установленным расценкам: с русских людей по 10 к. с 1 р., «с пересуду» (повторный суд) – 20 к. и «с первого десятка» (за пересмотр дела) – 2 к. С иноземцев пошлин не брать. «Лихомания» и «неправого суда» не допускать. «Смертные дела делать по указам» и писать о том в Приказ, в Москву. Оставшихся от прежнего воеводы «тюремных сидельцев» переписать и составить «статейный список»: по какому делу и сколько времени «сидят», «пытаны ли и что с пытки говорили». Прислать этот список в Приказ. Воевода должен разобраться с «тюремными сидельцами» по Уложению и «Новоуказным статьям», чтобы их в тюрьме «не множилось». «Татей» (воров), мошенников, «пропойцев», должников «в небольших деньгах» долго в тюрьме не держать. По кому решения принять не может – писать в Приказ.

Наказы запрещали воеводам, а также их родственникам, свойственникам и «знакомцам» торговать, «курить» вино, что необходимо покупать беспошлинно, строить или ремонтировать что-либо для своих нужд на казенные деньги.

Ввиду того, что наказы воеводам выдавались применительно к разным городам и территориям, обратимся к их особенностям.

Пограничный город и уезд. Много внимания в таком наказе уделялось роли воеводы в сношениях с сопредельными владетелями, в отношении к приехавшим из-за рубежа лицам, особенно купцам. Приехавших посланников и гонцов следовало расспрашивать, из каких государств они прибыли и «для каких дел». Пропускали их дальше, по пути в Москву, когда приходило оттуда соответствующее распоряжение. Воевода обязан был выяснить: не приехали ли из сопредельных стран «лазутчики» или для какого-нибудь «воровства». Если обнаружатся пришлые из-за рубежа «тайно» люди, их следовало задерживать и расспрашивать о цели их появления. То же относилось и к русским, пробиравшимся за рубеж «с вестями». Таких лиц следовало «имать и расспрашивать, а доведется до пытки – пытать». «Распросные» и «пыточные» речи – отсылать в Приказ, в Москву, а задержанных держать в тюрьме до указа.

Иностранные купцы из-за рубежа и русские за рубеж должны ехать по определенным дорогам, где есть таможни, чтобы таможенная пошлина «не терялась». У купцов-иностранцев требовать подорожные и проезжие грамоты. Если с ними «явятся»

лишние иноземцы, то их не отпускать, пока не будет распоряжения из Приказа. Торговля русских с иноземцами должна вестись по указам, со взиманием пошлин. «Заповедные» (запретные) товары иностранцам не продавать. Воевода должен отъезжающих за рубеж русских купцов инструктировать, чтобы они там «проведывали про всякие вести тайным обычаем».

Терской воевода должен был регулировать отношения с «горцами». Так лошадей у них следовало покупать на Терском базаре, а отнюдь не в их «улусах», тем более – не красть. За это служилых людей наказывали «нещадно» кнутом и сажали в тюрьму до государева указа. Если служилые люди «в полках» захватят у неприятелей «ясырь» («женок, ребят и лошадей»), то воевода приказывал тот «погромный ясырь» «явить» в таможне и продать русским людям с уплатой пошлины. Астраханский воевода был обязан «велеть» «ногайским и едисанским мурзам» и их людям кочевать под городом на прежних кочевьях. При этом следовало обзавестись «аманатами».

От воевод могли требовать заниматься поисками полезных ископаемых и их разработкой. Так казанский воевода должен был отчитаться о разработке медной руды с 1653 г. Где-то она «вышла вся без остатка», а где-то есть «медная руды жила толщиной в бревно». Воеводе приказано «досматривать и сыскивать медную руду против прежнего» И где «сыщется… – заводить медные рудные заводы». Из Москвы «для рудокопного дела» послан «рудознатного и медного дела мастер» и с ним 500 р. Также казанский воевода должен организовать «варку» селитры и «зелье» (порох) делать. Тобольский воевода обязан узнать, кто из местных жителей «знает руду золотую или серебряную, и медную, и слюду» или разыщет их месторождения позже. На те места следовало посылать «для досмотра» людей «добрых». А им – составлять описания и руду для опытов привозить в Тобольск, а после писать в Москву. Также необходимо было разведать о возможностях «варки» селитры и о местах, где есть «сера горючая» – все для порохового дела. Воеводе в Нерчинске «со всяким радением осматривать, где слюда объявится». Место это «описать, а слюды наломать» и образцы прислать в Москву. Поскольку на слюду есть спрос в Китае, то послать туда ее и менять на золото, серебро и на другие товары, чтобы казне «было прибыльнее». Также от нерчинского воеводы требовалось искать места, где есть «корень ревень копытчатый… прямой, а не черенковый». Его нужно было «накопать и на солнце высушить кусками, а покласть в мешки, и в сундуки», и отправить в Москву 2–3 пуда. Если же «сыщется» такой ревень «добрый», то накопать его уже 20–30 пудов и послать туда же. В случае возможности

купить его у бухарцев по 2–3 р. за пуд, то приобрести для казны 50 пудов.

В наказах воеводам тех мест, где имелось нерусское население, платившее «ясак», этому вопросу уделялось особое внимание. Для воевод сибирских городов вся процедура, начиная со сбора «ясака» и заканчивая его отправкой в Москву, в наказах представлена чрезвычайно подробно – она составляет большую часть всего текста. И это не случайно, ибо «ясак» из Сибири – это особо ценная пушнина, дававшая значительный доход.

В наказах из Сибирского приказа отмечено, что о злоупотреблениях при сборе «ясака» воевод, приказных и служилых людей известно. Поэтому везде звучит призыв этих злоупотреблений не допускать под угрозой жестокого наказания. Воевода должен был наказывать сборщиков «ясака», допускавших «насильства и грабежи» по отношению к «ясачным», вплоть до смертной казни. Сказано, чтобы он организовал «неоплошный» сбор «ясака». Причем его следовало брать с «ясачных» людей, мужчин не моложе 18 лет. «Ясак» состоял из самой ценной пушнины: соболей и лисиц «черных, черно-бурых и бурых добрых», ценой по 8–50 р. «и больше». Эти меха предназначались только в казну: никто, ни воевода, приказные и служилые люди не могли ими пользоваться, торговать ими было нельзя, и за рубеж их тоже вывозить запрещалось. Если эта ценная пушнина, по каким-то причинам не сдавалась, то «ясак» мог состоять и из других мехов.

После того, как «ясак» собран, на месте воевода должен следить, чтобы пушнина была разобрана по сортам (в зависимости от цены). Причем оценка на месте должна быть «прямой», то есть цена не должна быть завышенной. Последнее как раз относилось к числу злоупотреблений: воеводы с приказными завышали цену, а поскольку они должны были отчитываться перед Москвой не только за шкурки, но и за определенную сумму по оценке «ясака», то имелась возможность утаивать часть шкурок. В Москве были реально обеспокоены тем, что шкурок привозили все меньше, а стоимость все время росла. С этим постоянно боролись. Тем более понятно, что цена шкурок в Москве была намного большей, чем в сибирских городах.

Кроме того, воеводам, приказным и служилым людям строго запрещалось вывозить пушнину из Сибири в Европейскую Россию. У нарушителей ее изымали, причем им полагалось суровое наказание кнутом и тюрьма «до указа». Воевода мог купить, «про себя», ограниченное количество шкурок на Гостином дворе, исключая ценные меха, упомянутые выше: «красных» лисиц, куниц, песцов, белку «себе на платье», по 2–3 шубы или сшитых

меха, торговать которыми купцам разрешалось. Кроме того, воеводы, возвращавшиеся из Сибири, могли вести с собой: тобольские и томские по 500 р., из остальных городов, равно, как и дьяки, по 300 р. Все обнаруженное сверх того – отбиралось в казну. Вообще же официальными воротами в Сибирь был город Верхотурье. Из Европейской России в Сибирь и обратно можно было провозить товары и имущество, предъявляя в верхотурской таможне. Причем воеводы, приказные и служилые люди, назначенные служить в сибирских городах и острогах (крепостях), могли вести только определенные в соответствующих грамотах предметы и припасы. Особенно строго следили, чтобы количество хмельного для личного употребления не превышало установленную норму. Купцы, нарушавшие условия провоза товаров их лишались. Особо оговаривалось, чтобы они не покупали у местного населения пушнину, даже разрешенную к продаже, до того, как был собран весь положенный «ясак».

В Сибири могло случиться так, что «князьцы и улусные люди учнут изменять». Воевода должен тогда организовать против них военную экспедицию. Вначале изменивших следовало «уговаривать лаской». Если же они станут «биться», то над ними «промышлять всякими обычаями», а пойманных сажать в тюрьму и писать об этом в Москву. Когда потом «немирные» станут вновь проситься под государя «высокую руку» и платить «ясак», то им пленных «на откуп» отдавать. Крещеных нерусских можно было определять на «убылые казачьи места». Нерусским народам строго запрещалось продавать огнестрельное оружие и боеприпасы.

Воевода также должен был заботиться о расширении государевой власти. На те земли, «где ясак не платят», он обязан был посылать служилых людей и приводить тамошнее население «под государеву высокую руку», чтобы они платили «ясак». «Неясачные» инородцы могли сами приезжать к воеводе и проситься в подданство. Воевода должен «им показать всякий привет и ласку», и обещать, что никаких обид им не будет, а государь им покажет свою «милость». Если они будут платить «ясак», то их будут жаловать и от недругов защищать. Новых «ясачных» нельзя было чем-либо ожесточать, то есть не допускать злоупотреблений. За приращение подвластных территорий в Сибири государь своих служилых людей будет жаловать «деньгами, и сукнами, и камками, и тафтами». Но за присвоение «мягкой рухледи» их будут наказывать, бить батогами или кнутом.

Сибирь являлась местом ссылки как виновных по законодательству из простонародья, так и лиц из высшего

сословия. Отмечена категория «опальных людей», которые жили в сибирских городах и острогах, и служили, получая денежное и хлебное жалование. Воеводы должны были за ними «смотреть, чтоб от них воровства не было», и проведывать: «Не знает ли кто какого дурна». Другие ссыльные должны заниматься каким-либо «рукоделием». Если кто не служит и не имеет какое-либо ремесло, то «чтоб они завели пашню не в тягость». Присланные в Верхотурье ссыльные, до отправки дальше в сибирские города и остроги, должны содержаться в тюрьме до указа. «Для прокормления» тех тюремных сидельцев предписано было отпускать в город «скованных» по 2–4 человека «за приставом» (то есть они должны были собирать милостыню).

С самого начала освоения Сибири снабжение служилых людей и населения хлебом относилось к острым проблемам. Рядом с городами и острогами были поселены «пашенные крестьяне», которые пахали «государеву десятинную пашню», а также «собинную» (на себя). Хлеб с «десятинной пашни» воевода должен был принимать «в приход», в амбары и давать «в расход» служилым людям. Однако часть городов и острогов относилась к «непашенным». Служилые люди из них приезжали в города, рядом с которыми была «десятинная пашня». Они могли покупать на свой обиход в год на человека не более 6 четвертей (40 пудов) овса, ржи и ячменя. Причем следовало писать к их воеводам, сколько они закупили. В некоторых городах служилым людям давалась пашня. И они служили с нее. Но если пашни у них было мало, то им выдавали определенное «хлебное жалование» (не более 4 четвертей в год на одного). Вообще воевод всячески призывали развивать сибирскую пашню, чтобы, в идеале, обеспечивать население своим хлебом. Хлебопашеством занимались крестьяне, служилые и посадские люди, а также церковнослужители. Последние две категории населения были обязаны платить оброк: четвертый – шестой «сноп» (в зависимости от их состоятельности). При этом наказы призывали воевод, чтобы пашня не являлась «большой тягостью» для разных категорий населения.

В наказах воеводам волжских городов, где в уездах компактно проживало нерусское население, ставился ряд необходимых условий. Так казанскому воеводе предписывалось смотреть, чтобы «татар, черемис (марийцев – А. Д.), чуваш и вотяков (удмуртов – А. Д.)» не только представители русской администрации, но и их «братья» из высокопоставленных «молодших людей… не обидели напрасно и продаж, и убытков не чинили». Также в Казанском уезде в поселения чувашей и черемисов купцы «панцирей, пищалей и никакого железа, что годно к войне, не продавали».

(Ясно, что власти боялись восстаний, да еще с применением современного оружия). Далее: «Кузнечного и серебряного дела чуваши и черемисы не делали (бы – А. Д.), и кузнечной, и серебряной снасти ни у кого б в чуваше и в черемисах, и в вотяках не было». У кого это будет найдено, то отвозить в Казань. У нарушителей расспрашивать: у кого взяли? Их следовало предупреждать, что, в случае повторного нарушения, последует наказание «и смертная казнь». Представители этих народов должны были покупать топоры и косы, серпы и ножи в Казани. Причем местные торговцы должны были продавать им едва ли не поштучно, в одни руки, чтобы «лишнего» не запасали. С торговцев, нарушивших такой порядок, воевода и приказные брали пени по указам.

Воевода обязан был также следить, чтобы высокопоставленные русские, мурзы, татары, чуваши и черемисы у представителей этих же народов и у вотяков ни их земель, ни жен и детей «ни в каких долгах и закладах к себе не имали и ни в какие крепости не писали». Нарушителей ожидала смертная казнь, а «кабалы и крепости» силы не имели[8].

Основные положения наказа воеводе привел еще С. М. Соловьев. Он же обозначил перечень «обыкновенных» мирских расходов на воеводу: по приезде нового ему собирали 120 р., «на хлеб» в месяц давали по 12 р., да до 20 пудов разного хлеба, с ямщиков он брал 30 р. и на сено лошадям 50 р. в год. Все это кроме регулярных подношений продуктами и пивом. А. А. Преображенский так оценивал воевод еще времен царя Алексея Михайловича, отца Петра I: «Воеводы правили как маленькие царьки… Будучи почти полновластным хозяином уезда, воевода имел большие возможности для наживы. Вымогательство и произвол стали обычной нормой повседневной административно-судебной практики воевод и их окружения». Следует отметить, что в крупные города воеводами назначались члены боярской Думы – бояре и окольничие – и у них имелись «товарищи», то есть младшие воеводы. В современной историографии воеводская служба представлена в таком же ракурсе[9].

В рассматриваемый период больше всего указов касалось сибирских воевод. Особенно беспокоили власть их злоупотребления по поводу привоза в Сибирь и вывоза из Сибири запрещенных товаров. В 1692–1693, 1695–1696 гг. принимались наказы таможенным головам Верхотурья и указы в таможни, касавшиеся, помимо прочего, порядка пропуска воевод, дьяков и «письменных голов», их родственников, свойственников и «знакомцев» с различными товарами. Поскольку нас интересуют воеводы, постольку мы будем упоминать только их. Так вот,

воеводы, когда ехали на службу в Сибирь, везли с собой много вина, медов, иных запасов и товаров для торговли, «для бездельных своих прибытков». И в сибирских городах, на службе, сами они и их дети, не соблюдая требования наказов, тем торговали, а иные меняли на «мягкую рухледь» в том числе на запрещенных к приобретению соболей и лисиц. Не брезговали воеводы и тем, что все это «емлют насильством» и вывозят сами, их дети, родственники и «знакомцы». Они же могли подряжать для подобных целей торговых и промышленных людей. А «ясачная» пушнина оказывается «худая» так, что в Сибирском приказе «доброй… не объявляется». Учреждались особые заставы, где товары, привозимые через Верхотурье в Сибирь и обратно, осматривались и все, что сверх указов, провозить не разрешалось. Также разных чинов людям, провозившим запрещенные воеводские товары и деньги, предлагалось объявлять их на заставах. За то, что будет обнаружено, у них конфискуют «животы», будут их бить кнутом, «водя по торгам нещадно и сажать в тюрьму до указа». Объявившим воеводскую «мягкую рухледь» и деньги положена их четвертая доля. Что будет найдено у самого воеводы и его родни – конфискуется в пользу казны.

Предусмотрено, что верхотурские воеводы и дьяки «учнут норовить» воеводам-нарушителям. Таможенный голова должен об этом писать в Москву. То же следовало делать и в случае их собственных злоупотреблений. Также сибирским воеводам не разрешалось брать с собой в Европейскую Россию «опальных», сосланных в Сибирь, а также представителей сибирских народов[10].

Специально оценки мехов в сибирских городах (кроме Тобольска) касался данный из Сибирского приказа именной указ 18 декабря 1695 г. В нем развивалась тема, поднятая в наказах. В последнее время, в Москву «ясачная» пушнина приходит, оцененная в сибирских городах гораздо выше, а меха против прежних «плоше». В Москве гости их оценивают еще выше, а иногда приходится пушнину «уценять». В Сибирский приказ поступают «изветы» из разных сибирских городов от «ясачных людей», где сказано, что «многие воеводы воруют лучшие ясачные соболи и иным зверем берут себе, а вместо того кладут худых». Вместе с воеводами действуют и «ясачные сборщики» и взамен «доброй» пушнины тоже «кладут худую». Поэтому воеводы на месте, чтобы «цену исполнить, велят ценить ценой дорогой». Всем сибирским воеводам, кому послан этот указ, объявлено, что в случае, если в Москве из-за их завышенной оценки пушнины придется делать ее «уценку», то последняя будет «доправлена» на

них и их оценщиках. Кроме того, воеводы и оценщики должны расписываться в «ценовных» отписках. (Та же тема поднята 22 марта 1697 г.)

Беспокойство по поводу того, что от частых перемен сибирских воевод в государственной казне «учали быть великие недоборы», выражал именной указ 24 апреля. Нормальными сроками их службы объявлены 4–6 лет. Воевод приходилось часто менять из-за их злоупотреблений, о которых сказано выше. Так даже «в малые годы» они наживают себе «великие пожитки и богатство», а челобитчиков по поводу их произвола в Москву не пускают. Из-за многих обид местное население служилых людей «на зимовьях побивает», а иные бегут в Китай. Да еще «изменники мунгалы» «побивают» и служилых и «ясачных» людей. Указ констатировал необходимость в воеводских наказах подробно прописать права и обязанности воевод, а тех из них, кто будет нарушать их положения, населению не слушать и подавать на них челобитные в Москву.

Такой же указ 26 декабря снова обличал злоупотребления бывших сибирских воевод. Здесь также отмечено, что воеводы и их подчиненные, несмотря на запрет, вино «курили» и продавали его, а также табак и игральные карты. Также без доклада в Москву «многих людей пытали и смертию казнили», соболей и другую пушнину забирали у «ясачных» «из-за муки». Снова сказано о бегстве их в Китай и «в разные дальние безвестные места». Не «стерпя мучений», в Якутии «ясачные иноземцы» «ясачных сборщиков» и служилых людей «на дорогах побивают до смерти». Также воеводы в таможенные дела «вступают», что им строжайше запрещено. Без государева указа и проезжих грамот посылают людей для торга в Китай беспошлинно.

Указ строжайшим образом запрещал всю незаконную практику. Пытать и казнить как русских, так и инородцев можно было только по государеву указу (пытки разрешалось применять самостоятельно только в случаях, описанных в Уложении 1649 г.) Сбор «ясака» следовало поручать только «добрым» людям. Вновь пренебрегшим запретами грозила смертная казнь и конфискация всех «животов». Специально воеводам, которые продолжат практику прежних нарушителей государевых указов и наказов, грозили «великим разорением» вплоть до смертной казни и конфискации вотчин, поместий, дворов и всех «животов». Воеводам же, которые будут добросовестно выполнять свои обязанности, обещали прибавку сроков их воеводства на 3–6 лет «перед прежними». Понятно, что сибирская служба, даже без вопиющих злоупотреблений, давала хороший доход.

Боярский приговор 8 января 1696 г. стал весьма полезным

начинанием для воевод и дьяков, отправлявшихся на сибирскую службу: Верхотурская таможня не должна была проверять, сколько они брали с собой денег. Однако, именной указ 16 января вновь повторял обвинения воевод в махинациях с пушниной, в грабеже «ясачных» которые разбегаются. Здесь снова содержатся угрозы сурового наказания ослушникам. Показания с торговых людей на притеснявших их сибирских воевод должны были собрать по именному указу 23 января. Приведенный нами выше порядок размещения «колодников» в Верхотурье из соответствующего воеводского наказа прописан и в именном указе 21 января.

Боярский приговор 30 июля касался вмешательства сургутского воеводы М. Трусова в дела местной таможни. С него за это велено «доправить» 1,6 тыс. р., во что оценен ущерб казне. Таким же решением 31 августа бывший туринский воевода И. Морев, не отдавший новому воеводе казенные деньги и уехавший не дождавшись сменщика, должен был уплатить и долг казне, и пени за все прегрешения в размере около 1 тыс. р. Не случайно именной указ 30 сентября 1697 г. напоминал положения воеводского наказа о строгом исполнении порядка передачи должности от прежнего к новому воеводе.

Две грамоты в 1697 г. были направлены в Енисейск стольнику, воеводе Глебову. В первой, 28 октября, отмечено, что государю «ведомо учинилось», что в сибирских городах, особенно в Якутске, многие служилый люди делают себе, женам и детям одежду из дорогих «золотных и серебряных» шелковых тканей с дорогими же кружевами. «Иные» ходят в собольих и дорогих лисьих мехах, «чего им по чину своему носить не довелось». Такую роскошь они себе позволяют путем «кражи» государевой казны и «грабежа» «ясачных людей». Воеводы закрывают на это глаза, потому что и им справляют шубы лисьи и собольи «самые добрые». Служилые люди же, «что у них сверх обычных пожитков окажется», должны тратить на покупку себе «доброго» вооружения и «панцирей», чтобы к «боям с неприятелями» быть всегда готовы, или же строить себе хорошее жилище. Глебову предписано потребовать от своих служилых людей, чтобы они такого платья не носили. Если же подобное «объявится» – забирать в казну, а виновным чинить наказание «по вине смотря».

Другая грамота Глебову 26 ноября сообщала, что государю стало известно о бесчинствах «домовых детей боярских» Сибирского и Тобольского митрополита. Посланные в сибирские города взимать церковную десятину они разоряли местное население и брали «взятки великие». Глебов должен был учинить «розыск» в своем уезде и держать этих «десятильников»

в Енисейске до указа из Москвы «скованными». Ему же 18 апреля 1698 г. был предназначен именной указ, который запрещал строить новые монастыри без государевых грамот, поскольку в Сибири и мужских, и женских монастырей уже «довольное число есть».

Именной указ 18 декабря 1696 г. направлял в Томск грека А. Левадиани «с товарищи» для розысков серебряной руды. Сколько серебра он найдет, грек должен привести в Томск к воеводе В. Ржевскому. Последний же обязан был переправить образцы руды в Москву, в Сибирский приказ. При этом у Левадиани воевода должен взять «сказку», где бы он определил: сколько надо людей, чтобы в год «накопать» руды, из которой 1 пуд серебра выйдет, и во сколько это станет казне. На расходы в Томск тогда было бы послано 500 р. О постройке заводов на месторождениях железной руды сказано в именном указе 10 июня 1697 г. Верхотурский воевода должен был осмотреть подходящие места нынешним летом и «учинить чертеж». Следовало отметить, где были у «мужиков» небольшие железные заводы и есть ли от них доход. Найденную руду проверить «опытами».

Ряд именных указов касался специально работы таможен. Так 3 декабря 1697 г. в Нерчинске таможенные пошлины указано брать только серебром и золотом. Если воевода задерживает торговых людей и тем причиняет им убытки, то с него брались пени. В таможнях по пути из Сибири к Москве 16 декабря велено внимательно осматривать сани с грузами, в том числе и воеводские, чтобы в них не везли «заповедные товары». Вновь о таможенных пошлинах в Нерчинске сказано в именной указе 22 января 1699 г.: вместо 5 к., велено брать по 10 к. с 1 р. оценки товаров.

Именной указ 28 марта 1698 г. инициировал посылку грамот к сибирским воеводам, чтобы они проконтролировали взимание с проживавших там «бухарцев» податей и оброков с их движимого и недвижимого имущества наравне с русскими людьми. Развитию в ряде сибирских городов: Енисейске, Иркутске, Илимске, Красном Яре, Нерчинске и Тюмени, – винокурения посвящен именной указ 7 ноября. Воеводы должны распорядиться купить там хлеб, когда на него низкая цена, и чтобы было достаточно для винного курения. В подходящих местах следовало построить дворы и найти винокуров. С того времени, чтобы вино продавалось только там, а по слободам, селам и деревням винокурни «со всякой жесточью искоренить». Выкуривать по 1–2 тыс. ведер, а ведро вина должно стоить не больше 50 к. 22 ноября было подтверждено, что воеводы в сибирских городах делами таможенных и кабацких администраций не ведали.

Подозрительное отношение к сибирским воеводам у московской власти сохранялось. Так 1 января 1699 г. по приговору думного дьяка «с товарищи» «знакомцев, свойственников и людей» сибирских воевод (кроме боярина, князя М. Я. и стольника, князя П. М. Черкасских) в Сибирь и обратно без государева указа и грамот из Сибирского приказа не пропускать. Если таковые все же через Верхотурье поедут, их велено «имать» и расспрашивать: по какому указу, куда и с чем едут. Что у них «явится» разных товаров и писем, все следовало переписать, «имать» и прислать в Москву, в Сибирский приказ. До указа тех лиц содержать на Верхотурье «с великим бережением, чтобы никуда не ушли». Черкасским же, которые воеводствовали в Тобольске, велено писать о посылках своих людей «отписки» с их именами, чтобы с ними не ездили посторонние. Привилегированное положение тобольских воевод объясняется тем, что старший их них был главой «Тобольского разряда», старшим над всеми сибирскими воеводами, которые по ряду вопросов должны были ему писать донесения[11].

Ввиду ответственности воеводы за поступление в казну различных доходов мы встречаем указы, касающиеся этой сферы их деятельности. 23 ноября 1693 г, именной указ предписал печатные пошлины, которые брались на местах, посылать в Печатный приказ. Так воеводы отдавали на 1–2 года на откуп или оброк желающим различные угодья. И с больших откупов их было положено брать по $^{1}/_{32}$ к. с 1 р. стоимости откупа, да с челобитной – 25 к. в год. Сообщить, взяты ли пошлины с судебных дел и израсходованы они или нет по именному указу 24 мая 1694 г. должны были воеводы в Московский судный приказ, а также прислать соответствующие приходо-расходные книги В связи с грамотой 5 апреля 1698 г. смоленский воевода должен был продолжать взимать с местных мещан оброки с «излишних волоков и моргов» (принятые там меры земельных участков), соответственно, по 40 к. и 4 к. в год. Сольвычегодскому воеводе и стольнику Украинцеву грамота 14 августа предписывала озаботиться раскладкой податей и повинностей жителей Усолья, Лальского погоста и других волостей. Он же по грамоте 11 ноября должен был взять с уездных крестьян «десятую деньгу» (чрезвычайный налог) «против» 1679 г. А что «наложили» на них «усольцы лишку» – «доправить» на последних в пользу уездных жителей[12].

Воеводы по именному указу 29 мая 1691 г. должны были следить, чтобы на «почтовых письмах», доставляемых в город, в Приказной избе подьячие подписывали, когда они поступили («в каком числе и часе»), кто их послал и кому предназначены.

Именной указ 8 июня 1693 г. учреждал почтовое сообщение от Москвы до Архангельска. «Гонять почту» по этому маршруту «с Великого государя грамотами и со всяких иноземных торговых людей грамотками, а от Архангельска к Москве с воеводскими и гостиными отписками и торговых людей грамотками же». Если письма в дороге будут потеряны, то ямщика должен расспрашивать воевода, и «распросные речи» прислать в Москву, в Посольский приказ, а ямщика до указа держать в Сьезжей избе. Из таможенных и кабацких доходов, по-прежнему, именным указом 16 октября 1694 г. велено было давать прогонные деньги брянским ямщикам «на ямские подводы по гетманским листам и по воеводским подорожным». Брянскому воеводе приказано прогоны по иным поводам не оплачивать[13].

Собственно воеводской службы касались несколько указов. Так 20 марта 1689 г. в города Московского уезда посланы грамоты к воеводам, чтобы они «ездили сами» с «межевщиками», посланными для межевания «спорных земель». Воеводам и «сыщикам» именной указ 9 августа 1691 г. грозил пени и «жестоким наказанием, и разорением», а также «поместья их и вотчины будут на Великого государя отданы в раздачу бесповоротно», если они «в обыске» станут «обыскных людей» писать в одну «сказку», не по указу, семьями и «многолюдством, а не порознь всякого человека». Именной указ 9 июля 1692 г., формально, предназначался ярославскому воеводе, но касался всех воевод: он упразднял известных с XVI в. губных старост и поручал воеводе «всякие расправные и татинные, и разбойные, и убивственные дела» ведать. Воеводы должны были сами назначать себе помощников из числа отставных дворян и детей боярских. Такой же указ 13 сентября обязывал воевод «чинить жестокое наказание» «нарочным посыльщикам», которые сопровождали «колодников» к месту ссылки, если они по какой-то причине дадут своим подопечным бежать. За такой проступок «посыльщиков» велено бить кнутом и ссылать в ссылку вместо бежавших, вместе с их женами и детьми. Об этом сообщать в Москву. В городах воеводам следовало принимать челобитные от лиц, от которых бежали их холопы. На челобитных должны ставить подписи воеводы и приказные люди по именному указу 14 марта 1694 г.

В городах приказным людям и воеводам к посадским и торговым людям напрасно «не приметываться и разорения, и убытков им не чинить». – требовал именной указ 4 апреля 1695 г. О том, что в городах воеводы «корыстуются» взятыми у воров и разбойников «платьем и рухледью», частично возвращая их истцам, но не присылают в Москву, в Стрелецкий приказ, что

следует по указу, отмечено 2 сентября. Вновь сказано, что пойманных воров и разбойников «с воровской разбойной рухледью и с платьем, и с ефимками (талерами – А. Д.), и золотыми, и с перстни» посылать в Москву, в Стрелецкий приказ. Именной указ 26 ноября 1696 г., в случае если помещики заявят, что местный воевода им «недруг», запрещал последнему назначать их крестьян на службы в целовальники и сторожа «к тюремным делам». Их можно было использовать в других городах. В соответствующем разделе мы будем подробнее касаться вопроса о разрешении торговли в государстве табаком. Именной указ 1 февраля 1697 г. отмечал, что до сих пор табак в городах и уездах продавали «тайно с ведома воевод и приказных людей». Теперь табак разрешено продавать легально с уплатой пошлин. О том же грамота вологодскому воеводе 15 апреля. В городах, в Приказных избах, воеводы, во время судебного разбирательства, чинили допросы истцу и ответчику. Именной указ 16 марта велел воеводам следить, чтобы обе стороны к соответствующим документам «прикладывали руки» и бралась бы по ответчику «поручная запись, что ему ставиться в приказе (в Москве – А. Д.) по вся дни, до вершения дела». Ввиду того, что воеводы на местах должны заниматься вопросами розыска беглых крестьян и людей, именной указ 14 марта 1698 г. напоминал им, чтобы они отдавали этих беглых их прежним владельцам. С тех помещиков, кто беглых принимал, велено брать «наддаточные» деньги: за крестьянина по 4 к., да «за жилые годы» по 20 р. за год. Приказчиков уличенных в этом помещиков – бить кнутом. Августовские статьи строго запрещали воеводам принимать беглых в какую-либо службу и писать их «в тягло». В случае нарушения с воевод и приказных брать пени и наказывать, «смотря по человеку». Если же воеводы и приказные сами станут принимать беглых к себе, то при их возвращении прежним владельцам взимались «зажилые деньги по указу»[14].

Воеводы были обязаны обеспечивать сбор дворянства на государеву службу. Так 20 апреля 1693 г. к ним направлялись грамоты о посылке стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов в Белгород и Севск «без всякого мотчания». Нарушителям распоряжения грозили «большой опалой», а воевод призывали дворянам «не норовить». На службу они должны были явиться со своими людьми и «с боем» (с оружием). «Нетчикам», написанным в 2–3 «нетях», (неявках на службу) «быть в большом разорении». Но государи их пожаловали «за прежние их службы, и за раны, и за походное терпенье», и за смерть родственников «велели те их вины им отдать», а быть им на той службе. Но если все же кто-то решится остаться «в нетях», то «поместья и вотчины

отписаны будут на нас и розданы в раздачу челобитчикам бесповоротно, без всякого милосердия и пощады». На жалование ратным людям именной указ 18 февраля 1695 г. распорядился собрать со всех дворян, в том числе и с воевод, с их поместий и вотчин по 70 к. с каждого двора. 25 декабря уже приказано взять для тех же целей по 2 р., а 26 января 1697 г. – по 50 к. 15 марта 1695 г. воевод Лебедяни, Ельца, Козлова, Воронежа, Острогожска, Костянска и Коротояка обязали специальной грамотой, чтобы они не препятствовали приезжавшим к ним донским казакам покупать для своих нужд хлеб и всякие товары «против прежнего».

Именной указ 11 июля 1696 г. обязал воевод отдать на оброк «охочим людям» отписанные на государя у солдат поместья на территории Белгородского полка. Новгородским, псковским и великолукским воеводам 12 января 1698 г. напомнили статьи из их наказов, чтобы они строго следили за написанием «в листах» и челобитных из литовских и немецких городов «полного» государева титула и учреждали по дорогам заставы, «буде произойдет слух о моровом поветрии» за рубежом[15].

После отмены «кормлений» в XVI столетии, к XVII в. местная военная, административная и судебная власть была сосредоточена в руках воевод. Они являлись полновластными хозяевами в своем городе и уезде. Основной их задачей было контролировать сбор доходов в казну, бороться с преступностью, антигосударственными выступлениями, на пограничных территориях предотвращать вторжения неприятельских отрядов и проникновение шпионов, судить местное население в соответствие с законодательством.

Мы видим, что воевод постоянно обвиняли в различных злоупотреблениях, в стремлении нажиться за счет местного населения и ущербе казенным интересам. Особенно вопиющие преступления вскрывались на территории Сибири. Воевода XVII в. – это уже не «кормленщик», поскольку он подчинялся московским Приказам и должен был исполнять государевы указы, вышедшие из них. Однако, воеводская власть была сродни «кормленщической». Понятно, что Петр I хорошо знал обо всех недостатках воеводского управления. Он не мог пройти мимо, по разным причинам, этого института местной власти, о чем будет сказано в следующей главе.

Глава вторая. Воеводское управление. 1699–1705 гг

Два именных указа 30 января 1699 г. вывели посадских людей в городах из-под власти московских Приказов и их агентов на местах – воевод. Первый указ отмечал, что посадские люди, «будучи ведомы в Приказах – им убытки и волокиты, и в торгах и промыслах разорения». Также «окладные доходы многие учинились в доимке и пошлинным сборам, и иным поборам большие недоборы. И ныне их в Приказах не ведать, а ведать их бурмистрам». Второй указ, объявленный из Разряда, повторял, что из-за обид посадским людям от воевод и приказных, «и поборов, и взятков» в городах воеводам и приказным людям «посадских и купецких, и промышленных, и уездных людей во всяких мирских и расправных, и челобитчиковых, и ни в каких делах не ведать, а ведать выборным людям в Земских избах». Именной указ 5 октября уточнял, что воеводы «на заставах, в разъездах, и в отпуске, и в досмотре ни в чем купецких людей не ведают, и ни для чего к ним не посылают, и нигде не задерживают, а ведают таможенные бурмистры» (повтор – 20 октября).

Из Сибирского приказа Бурмистерской палате (новому органу, ведавшему делами посадских людей) был объявлен 27 октября именной указ. Он прямо подчеркивал, что в сибирских городах «бурмистрам не быть», а быть по-прежнему у всяких сборов из русских и сибирских городов таможенным и кабацким головам и целовальникам, «добрым людям». Над ними надзирать местным воеводам по-прежнему. Другое «территориальное» уточнение дал именной указ 3 ноября: «В Поморских городах уездных государевых крестьян, опричь тех, которые ведомы во Дворце, нигде воеводам не ведать». (То есть государственных крестьян изъяли из воеводского управления)[16].

С. М. Соловьев объяснял изъятие посадских людей из ведомства воевод, чтобы противодействовать их злоупотреблениям. Указы 30 января 1699 г. были посвящены, по В. О. Ключевскому, «восстановлению земских учреждений» (как мы помним, историк рассматривал передачу функций «кормленщиков» в XVI в. «излюбленным головам» и целовальникам как подобное явление). Кроме того, он также в качестве причины этой реформы говорил об «убытках» от воевод и приказных людей, которые терпели торгово-промышленные люди. Н. И. Павленко определял эти меры с одной стороны, как

ответ на притеснения от воевод и приказных по отношению к торгово-промышленному населению, а с другой – как реакцию на сокращение казенных доходов. Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина выдвигали на первый план «стремление правительства централизовать и повысить сбор основных налогов ввиду крайней нужды в деньгах». Также необходимо было «улучшить условия развития городов… путем изъятия посадского населения из-под власти воевод и замены этой власти посадским самоуправлением». О выводе посадского населения из-под власти воевод, «в чьем управлении находились уезды», писал А. Б. Каменский. Причина – горожане постоянно жаловались на них и «получили органы самоуправления». Л. Ф. Писарькова обобщила мнения своих предшественников. Указы 1699 г., создание Ратуши как органа управления посадскими людьми и государственными крестьянами на Севере должно было «обеспечить поступление сборов в казну… и оберечь купцов от волокиты в Приказах и злоупотреблений должностных лиц». Воеводы стали назначаться не во все города, в основном, в пограничные. В их ведении оставались «гарнизоны, казенное имущество, служилые люди… и частновладельческие крестьяне»[17].

По нашему мнению, финансовый вопрос для Петра I являлся главным. Близилось начало войны со Швецией, расходы казны на армию росли. Только что побывавший в Европе царь решил воспользоваться ее опытом и передал городское население в управление нового центрального выборного органа (Бурмистерской палаты, переименованной в Ратушу, в Москве) и местных выборных органов – Земских изб, в которых стали заседать бурмистры. Воеводы лишились права управлять посадскими людьми и государственными крестьянами Севера России. На Сибирь эта новация не распространилась.

После 1699 г. серия указов напоминала об ограничениях прав воевод. Так 24 мая 1700 г. именной указ запрещал давать с посадов и уездов, «с тяглых людей» подводы под воевод. Тогда же такой же указ запрещал давать прогонные деньги по воеводским памятям. В наказе брянским бурмистрам 30 сентября сказано, что «корчемные выемки… воеводам ведать не велено» (речь идет о конфискации имущества «корчемников»). «Приговор» Ратуши 1 января 1703 г. сообщал о том же. Конкретное звучание имел именной указ 30 августа 1705 г. «Царь» Арчил Вахтангович получил в Нижегородском уезде «вместо кормов и питей» три волости во владение. Их население нижегородский воевода М. Павлов «за взятками и разорением» ведать не должен. Но он чинит крестьянам «пущее разорение», а «чиновных людей» «царя» в Нижнем Новгороде воевода «бранил и ругал всячески, и, держав

их за вороты, хотел бить». Запрет Павлову самовольничать был повторен[18].

На воевод поступали жалобы «в ослушании» государевых указов, которые ограничивали их власть. Так 16 февраля 1700 г. именной указ упомянул воевод путивльского К. Алымова и орловского Л. Шеншина. Бурмистры из этих городов обвиняли их во вмешательстве в дела посадских людей, во взятках, избиениях «и в сборах (денег – А. Д.)…помешательстве, и в земских делах остановке». Указ распорядился «взять» Алымова и Шеншина к Москве и допросить их в Ратуше. То же предписано делать и с другими воеводами-нарушителями указов[19].

Некоторые указы обращены к воеводам и бурмистрам. В упомянутых делах они должны были работать совместно. Так 25 января 1704 г. объявленный из Семеновской приказной палаты именной указ, касавшийся «переоброчки» «бортных ухожаев» и пустых земель предписывал посылать об этом грамоты воеводам, а к бурмистрам «памяти». Из городов следовало присылать в Москву книги «окладным и неокладным статьям». 31 января последовали «Статьи о мельничном сборе». В города для этих целей посланы стольники и дворяне. И если воеводы и бурмистры «в переоброчке» его «и в иных делах, и в даче съезжих и постоялых дворов служилым людям будут ослушны или учнут бить челом на них в налогах, и во взятках», то на них «править пени, смотря по делам», и «имать езд и прогонные деньги». По этому же поводу именной указ 17 марта, в котором «велено о всяких мельничных делах в городах к воеводам и бурмистрам послать указы без печати».

К воеводам, бурмистрам, а также к полковникам и приказным людям обращен именной указ 3 сентября. Их призывали быть «послушными» распоряжениям Провиантского приказа «для высыпки хлебных запасов и работных людей, и подвод, и в строении судов» и проч. «Ослушникам» грозили смертной казнью «без всякого милосердия». Очередной именной указ 16 января 1705 г., касавшийся «бритья бород и усов всяких чинов людям», кроме священнослужителей, и взимания пошлин с отказавшихся в 30–100 р., и выдачи соответствующих «знаков», предупреждал: «Буде воеводы и бурмистры станут в том чинить кому понаровку, и им воеводам за то быть в опале, а бурмистрам в наказаниях, и в разорении без всякой пощады». Воеводы, бурмистры и приказные люди по именному указу 20 февраля отвечали за сбор «даточных» (рекрутов) по человеку с 20 дворов возраста 16–20 лет. Они должны были быть «во всем послушны» посланным для этой цели «начальным» людям. Причем воеводы и бурмистры обязаны «по ослушников посылать и по уездам для посылки ездить самим».

Пойманных беглых, если «сборщиков» в то время не будет, отдавать воеводе, который уже должен о них писать в Поместный приказ, а до указа держать их в тюрьме «за крепким караулом»[20].

Именные указы подтверждали права и обязанности воевод, известные нам по Наказам. В майском Наказе 1699 г. таможенным головам в Архангельске содержится напоминание, что местный воевода, боярин, князь М. И. Лыков, должен был следить за порядком приезда и ведения торговли иностранными купцами, предварительно узнав: нет ли где «морового поветрия» и войны. Также выяснить, нет ли на торговых кораблях «воинских людей». Воевода отвечал за осмотр торговых судов, чтобы не привезли контрабандные товары и все они были явлены в таможне. Кроме того, воеводы в Кевроле, Мезени, Кольском и Пустозерском острогах не должны были разрешать торговать иностранцам с русскими, а также там приставать иноземным кораблям. Рославльскому воеводе, князю А. Ю. Мещерскому, поручено отдать жителям «животинный выгон» на оброк за 0,5 р. в год, «как было при польском короле». Воеводы городов и уездов на территории Белгородского полка 7 октября должны были не забывать об обязанности контролировать приезжих, которые у них появлялись. Их следовало расспрашивать: откуда приехали и о целях их визита, и есть ли у них «проезжие памяти». Также необходимо контролировать, чтобы приезжие находились на их территории не более объявленного срока. «На городовое строение» в Смоленске, как и прежде, деньги следовало собирать в Приказную палату воеводам по именному указу 17 ноября. Собранную сумму уже необходимо было послать в Москву «к бурмистрам».

28 февраля 1700 г. из Ратуши самарским бурмистрам был объявлен указ, в котором самарскому воеводе, стольнику П. Баскакову, поручалось предотвращать перевозку торговыми людьми из Самары, «окроме указного числа», к яицким казакам вина, пороха, свинца, железа, «уклада», серы, смолы и «всякого заповедного товара», а также беглых людей. То же касалось и приезда яицких казаков в Самару с товаром. Воевода должен в этих целях устроить специальные заставы. Воеводы по-прежнему были обязаны по именному указу 22 марта в Съезжих избах допрашивать при свидетелях «про мену, поступку, продажу и заклад» помещиками и вотчинниками их имений. И «те допросы за их руками» присылать в Поместный приказ. Владимирскому воеводе Свиньину 23 мая предназначалась грамота, по которой он должен был стольников, стряпчих и жильцов, а также дворян, у которых имелось 40 и более крестьянских и бобыльских дворов,

прислать на службу в Москву, «опричь дворян московских», к 15 июня. Для пополнения золота, серебра и медных руд именной указ 2 ноября велел воеводам и приказным людям послать грамоты, а бурмистрам «памяти». Где будут обнаружены месторождения, туда ехать воеводам и «досматривать». Брать там 2 пуда руды и, описав место, прислать в Москву, в приказ Рудных дел. 11 декабря именной указ напомнил воеводам, чтобы они подписывали вместе с дьяками и подьячими исходящие от них документы.

Такой же указ 20 января 1701 г. запретил отправлять на воеводство дворян, которые состоят на службе в армии. О том же указ 30 апреля, а 3 июля и 12 ноября 1702 г. прямо сказано, что на воеводство должны посылаться отставные военные и дворяне. На воеводах, которые дерзнут не исполнять трижды присланные им распоряжения, по именному указу 22 октября 1701 г. велено «править» по первому разу «печатные пошлины и истцу проезд и волокиту», по второму разу – 25 р., а по третьему – 50 р. пени. Если воевода не станет платить, то его поместья и вотчины следовало отписать в казну и раздавать челобитчикам «бесповоротно».

Именной указ 14 января 1702 г. предписывал воеводам прислать в Поместный приказ сведения о дворянских имениях с 1627 г.: на каком основании они принадлежат нынешним владельцам. «В городах губным старостам и сыщикам не быть, а ведать всякие дела с воеводой дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, добрым и знатным людям по выбору», по 2–4 человека – распорядился именной указ 10 марта. При этом воеводе в одиночку те дела не решать (об этом писал и В. О. Ключевский).

Воеводы и приказные люди в городах по именному указу, объявленному из Семеновской приказной палаты, 6 января 1704 г. должны прислать сведения о рыбных ловлях. Если кто-либо станет ловить рыбу «утайкой», не платя оброка, то их следовало приводить к воеводе. Отныне теми вопросами должна заниматься «Ижерская канцелярия дел рыбных ловель». Воеводы обязаны всячески помогать посланным из нее представителям. То же требовалось и от бурмистров. За нерадение с воевод будет «доправлена пеня большая», а также «учинено жестокое наказание». 11 октября именной указ потребовал от посланных стольников и местных воевод не взятые на откуп рыбные ловли отдавать владельцам на оброк (то же 1 июня 1705 г.). Снова 1 января 1705 г. «Статьи» об отдаче на откуп рыбных ловель предписывали воеводам присылать в Ингерманландскую канцелярию «сказки» Им же поручено собирать оброчные деньги с

ловель. Где воевод нет – это делать земским бурмистрам. 25 февраля 1704 г. именной указ приказывал в городах воеводам следить за тем, чтобы лошадей, хозяева которых не объявятся, продавали, а деньги отправляли в Семеновскую канцелярию. То же требовалось от воевод, чтобы в их городах торговые люди предъявляли свои товары в таможнях по именному указу 1 марта. Помогать специально посланным в города стольникам и дворянам переписывать там постоялые дворы и строить новые, «и в иных делах» требовали от воевод «Статьи» 6 марта. Последним за ослушание грозила отписка в казну поместий и вотчин или пени в 50 и 100 р. Вновь об обычной практике, когда воевода должен был заниматься пойманными беглыми, расспрашивать их и поступать с ними по указам, говорил именной указ 30 апреля. 30 июня в городах только воеводы по именному указу должны были заботиться о «переоброчке» мельниц, если будет выявлена «утайка» с них доходов.

19 января 1705 г. объявленный боярином Т. Н. Стрешневым именной указ подтверждал прежнюю практику, когда в городах, «у челобитчиковых дел», вместе с воеводами были дворяне по выбору. Сказано, что им же быть и у всяких государевых дел, и «денежных всяких сборов». Если у воевод таких «товарищей» нет, то их выбирать из местных дворян, «добрых и заобычных» по 2 человека. Если же воевода со своими «товарищами» «учинят по грамотам и в денежных сборах замедление и понаровку, а в челобитчиковых делах какую неправду», то им за это «учинено будет жестокое наказание». Воеводы, а в каких городах их нет – бурмистры должны следить по именному указу 14 февраля за «записью» о найме подвод[21].

В рассматриваемый период воеводы были причастны к определенным новациям, о которых подробнее мы упомянем в других главах. С появлением в ходу гербовой бумаги именной указ 12 октября 1699 г. предписывал в городах воеводам и приказным людям не принимать «крепости» (различные акты), написанные не на ней. Если сначала гербовую бумагу из Оружейной палаты посылали для продажи в города бурмистрам, то по именному указу 15 ноября это «отставили». Теперь бумагу посылали к воеводам. «Под жестоким штрафом» они должны были ее продавать, как было определено. Главное – не увеличивать установленные на нее цены. Вырученные деньги следовало отсылать в Оружейную палату. Кроме «штрафа» воеводам-нарушителям грозили и «жестоким наказанием» и «всеконечным разорением», конфискацией поместий и вотчин. Однако, уже 24 мая 1700 г. новый именной указ вновь передавал продажу в городах гербовой бумаги бурмистрам[22].

Ввиду того, что «крепостные дела» (оформление различных актов) давали казне доход в виде пошлин, власти были заинтересованы в их упорядочении и правильном ведении. Боярский приговор 30 апреля 1701 г. велел направлять грамоты к воеводам, а где их нет – к бурмистрам, чтобы они выбирали «из всяких чинов» особых подьячих для ведения подобных дел, сколько «пристойно». Из них 1–2 человека должны «надсматривать» за остальными и от них требовали особой присяги «и свидетельства поручителей». «Для страху» за злоупотребления грозили смертной казнью. О подьячих сообщать в Оружейную палату. Для «крепостных дел» велено в городах отвести особые «избы», а в малых городах – особые «столы» в Приказных избах. В обычных городах «крепостей» на сумму свыше 100 р. писать не позволялось (это было разрешено в Москве и в «разрядных» городах, то есть в центрах особых военно-административных территорий – Разрядов). Если волости и погосты отстояли от города белее, чем на 10 верст, то и там следовало писать «крепости» местным земским и церковным дьячкам «в малых делах». Пошлины оттуда должны пересылать в города к воеводам или бурмистрам. Последние обязаны следить за правильным ведением дел и в городах, и в волостях и погостах. Не допускать взяток и волокиты и, само собой, нарушителей стращали жестокими карами. Собранные пошлины воеводы или бурмистры должны отсылать в Москву, в Оружейную палату, каждые три месяца. Именные указы 19 сентября 1702 г. и 1 марта 1703 г. напоминали воеводам о своевременной отсылке в Москву пошлинных денег и «записных книг».

Повторял положения предыдущих именной указ 22 июля 1704 г. Здесь же объявляется выговор «иным» воеводам, которые «ослушников» государевых указов в «крепостных делах» отпускают, «не доправя на них пени… отчего казне чинится немалая утрата». Отмечена роль «надсмотрщиков» (о них см. выше) в деле составления «крепостей». Они должны «писать без боязни» в Москву о взяточничестве воевод и бурмистров. А если сами «прилежания чинить не будут», то их станут наказывать как и проштрафившихся подьячих. Именной указ 8 января 1706 г. предписывал воеводам и приказным людям в городах «крепостных дел и подьячих, которые при тех делах, не ведать». Это перешло в ведение городовых Ратуш и бурмистров. Причиной такого решения стало «нерадение» воевод в этих делах[23].

4 апреля 1705 г. объявленный из Ратуши именной указ предписывал воеводам, у кого в городах есть «выемной черкасский (малороссийский – А. Д.) табак», отдать его бурмистрам для продажи. Воеводам следовало предоставлять

последним посыльных и служилых людей по их требованию[24].

Ввиду того, что реформа 1699 г. не распространялась на Сибирь, рассмотрим указы к сибирским воеводам. Именной указ 11 июля 1699 г. напоминал тобольскому и верхотурскому воеводам о необходимости принимать меры «для унятия беспошлинного торгу и проезду». Меры эти, как известно, включали, прежде всего, рассылку по дорогам особых команд для перехвата тех, кто пытался обойти таможенные заставы. Для поощрения служилых им обещано по 1 к. с каждого рубля стоимости неявленных в таможнях товаров. Снова повторялся запрет на торговлю соболем, который лишь шел в казну в качестве ясака. Тобольским воеводам, князьям М. Я. и А. М. Черкасским 11 октября 1703 г. направлен «Приговор» Сибирского приказа, чтобы живущие в городе татары свои мечети строили вдали от православных церквей. Если разные иноземцы во время церковной службы станут кричать, смеяться и тому подобное, то им быть «в опале и в казни». Назначенному иркутским воеводой стольнику Л. Синявину именным указом 7 февраля 1704 г. поручено покупать в сибирских городах ежегодно в казну по 300 пудов ревеня. Для этого ему выданы 1 тыс. р. и на месте в сибирских городах он должен запасаться пушниной, разрешенной к торговле. С этими средствами он посылал людей для приобретения ревеня к Ямыш-озеру и в «бухарские города». Купленный ревень следовало отправлять в Москву. Иностранцам и русским, кто ревень станет продавать и везти «мимо» Синявина, не в казну, «за такое воровство» – смертная казнь. Объявленный из приказа Военных дел 14 декабря 1705 г. именной указ назначал новый набор рекрутов, по одному с 20 дворов, и озадачивал этим сибирских воевод[25].

В 1699 г. Петр I изъял посадских людей и государственных крестьян Севера России из-под власти воевод, аргументируя это лихоимством последних и необходимостью увеличить сбор доходов в казну. Сибири реформа не затронула. Надежды царя возлагались на выборных от посадов бурмистров с московской Ратушей во главе. Помимо этого, содержащиеся в воеводских наказах права и обязанности за ними сохранили. В источниках сказано (подмечено и историографией), что в рассматриваемый период воеводы уже могли быть не во всех городах. Где их не было – власть обращалась к выборным бурмистрам, то есть эти города полностью перешли на самоуправление. Кроме того, в условиях острого дефицита армейских кадров в период Северной войны власть стремилась назначать на воеводство отставников.

Глава третья. Комендантs, воеводы, ландраты. 1706–1718 гг

Появление комендантов в местном управлении историография оценивает таким образом. Так В. О. Ключевский писал: «После неудачи воеводского управления с выборными товарищами из местных дворян (см. главу вторую – А. Д.) с 1711 г. вместе с введением губернских учреждений воеводы там, где они уцелели от реформы 1699 г., под названием комендантов являются с восстановленными полномочиями, сосредотачивая в своих руках власть финансовую и судебную не только над сельским, но и над посадским населением уезда». Автор трактовал это как «отмену городского самоуправления». То есть Ключевский полагал, что с губернской реформой произошел возврат к старой системе управления городом и уездом. Но теперь воевод сменили комендanты. Наряду с комендантами назначали и обер-комендантов. Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина относили их к числу наиболее близких к губернатору лиц, «занимавшихся военными делами». Л. Ф. Писарькова считает, что в 1710–1715 гг. имелась в губернии «обер-комендантская провинция… которая формировалась путем приписки второстепенных городов к главному и подчинения их воевод (комендантов) воеводе главного города (обер-коменданту)». И далее: «В уездном управлении, являвшемся низшей ступенью губернского, в 1710 г. воевод заменили комендanты и обер-комендanты. Полномочия новых уездных начальников были шире, чем их предшественников, так как к ним перешла часть функций центральных учреждений». Они ведали в своих городах «судом и расправой и в прочем, в чем прежде сего ведомы были те города на Москве во всех приказах. Уездные правители объединяли в своих руках все отрасли власти, но по каждой из них подчинялись соответствующему губернскому начальнику»[26]. Читатель видит, что Л. Ф. Писарькова вначале говорит об «обер-комендантской провинции», а затем причисляет обер-комендантов к уездным управленцам. Последнее – явная неточность.

Комендanты, в условиях Северной войны, появляются в первых занятых русской армией городах в Прибалтике. Петр I, конечно, мог называть их по-старинке воеводами (мы помним, что первые воеводы появились в XVI в. в пограничных городах, где имелись сильные гарнизоны) и, какое-то время, это название использовал. Но скоро царь решил перейти к европейскому

термину, назвав комендантом начальника города, являющегося командиром местного гарнизона.

Вот, 12 марта 1706 г. А. Д. Меншиков объявил копорскому коменданту Я. Римскому-Корсакову именной указ. Последний сменил прежнего коменданта и ему по-прежнему поручено «ведать» Ямбургский уезд и Самерскую волость. Римскому-Корсакову вручены «Статьи» – основа его службы на комендантском посту. Вот они: 1. Принять у предшественника, Я. Челищева, «переписные, окладные и сборные книги» Ямбургского уезда и Самерской волости. 2. Там вновь провести перепись крестьянских и бобыльских дворов, и прислать результаты в Ингерманландскую канцелярию. 3 Ему «ведать» таможенных и кабацких бурмистров, и крестьян «судом и расправой, и в разбойных и убийственных делах, и во всяких денежных и хлебных, таможенных и кабацких, и в прочих сборах». Дела «управлять» по Уложению 1649 г. и «новоуказным» статьям, а также «применяясь» к наказам прежних воевод и по своему усмотрению. 4. Все подати собирать полностью и в срок. «Доимку» «выбирать по рассмотрению, чтоб людям не было большой тягости». 5. Собираемое ранее с Самерской волости «сверх настоящих окладов по воле воеводской и приказных людей, и бурмистров», возможно «искать и скласть в оклад». 6. Копорский, Ямбургский уезды и Самерскую волость «во всяких поборах равнять», чтобы одним перед другими «не было тягости или льготы». 7. Провиант с Самерской волости подряжать, «применяясь к прошлым годам». Его брать с крестьян в Копорье деньгами или хлебом. 8. С комендантами других городов Ингерманландии быть «в согласии» и взаимном «вспоможении». 9. «Быть послушным» только указам из Ингерманландской главной канцелярии и из Петербурга от обер-коменданта, генерал-майора Брюса. 10. Стараться «чинить» прибыль казне. Если она будет, то из нее в пользу коменданта пойдет $^1/_{10}$ доля. Также население не обременять «излишней тягостью». Из этих статей видно, что обязанности коменданта совпадали с воеводскими по известным нам Наказам. Кроме того, комендантам предшествовали воеводы.

30 декабря Меншиков послал Римскому-Корсакову указ. Ему, продолжающему исполнять должность копорского коменданта, приказано ехать в города Ингерманландской губернии: Новгород и пригороды, Старую Руссу, Великие Луки, Торопец, Олонец, Белоозеро, Каргополь Пошехонье. Основанием послужил именной указ 1705 г. полковнику, князю Г. Волконскому, во всем государстве дьяков, подьячих, а также архиерейских домов судей, дьяков, подьячих и монастырских слуг, служебников, поповичей,

дьячков, пономарей и иных церковных причетников, их детей и свойственников переписать и разобрать, «которые годны отмечать в солдаты, и вместо службы оных, также и негодных, старых и малолетних положить в годовой денежный платеж по своему рассмотрению». По тому указу в Заоцких и Украинских городах все они переписаны и обложены: дьяки по 20–40 р., подьячие по 1–25 р., прочие, годные в солдатскую службу по 1 р., старые, увечные, не годные ни в службу, ни в работу, и недоросли 10–20 лет по 80 к., а малолетние до 10 лет по 25 к. в год с человека. Сверх того окладного сбора на жалование послано с каждого рубля по 10 к. И на собранные таким образом деньги «положены» пехотный и два драгунских полка.

Такой же сбор Римский-Корсаков должен был организовать в Ингерманландской губернии: 1. Приехав в перечисленные города, людей из всех указанных категорий переписать и сделать именные списки. 2. Обложить их отмеченными окладами. 3. На будущий 1707 г. деньги собрать и послать их в Москву, в Ингерманландскую главную канцелярию. 4. Для сборов на следующие годы списки оставить у тамошних комендантов. 5. Последние для работы должны выделить дворян, подьячих и для караула и рассылки служилых людей. 6. «Как сборы устроены будут», послать «для ведома» списки «с переписных, окладных и сборных книг» Волконскому, а в Ингерманландскую канцелярию – «перечневую ведомость». 7. «В драгунскую службу» определенных из Новгородской епархии выбрать, «не откладывая». 8. «В сем деле иметь всякое усердие». Мы видим, что Римский-Корсаков – на хорошем счету у Меншикова. Он поручил ему важное дело – исполнить в Ингерманландии указ о привлечении на службу приказных и архиерейских служителей, а также сбор с них доходов в казну.

Дальше – больше! Меншиков 17 января 1707 г. именным указом назначил Римского-Корсакова, сохранявшего комендантскую должность, еще и «земским судьей» или ландрихтером (по-немецки) с полномочиями на всю Ингерманландскую губернию. А вот и новые «Статьи»: 1. Во всей губернии дворы посадские, крестьянские и бобыльские переписать. Если где коменданты в 1706 г. такую перепись провели, то взять у них списки. 2. Римскому-Корсакову ведать все города губернии «судом и расправой, и прочем, в чем прежде ведомы те города были на Москве во всех приказах» по действующему законодательству. 3. Всякие пошлины собирать в полном объеме. 4. Жителям чтобы «ни от кого налог, обид и разорения не было». Комендантам приказать, чтобы никому подвод не давали, кроме казенных курьеров и под «нужные

припасы». 5. Различными делами, «кроме спорных», должны заниматься в городах коменданты. В случае споров их решает ландрихтер. 6. Пока в губернию не назначены обер-комиссар и обер-провиантмейстер – ландрихтер исполняет их обязанности и спрашивает о денежных и хлебных сборах с комендантов. 7. При сборе денег, хлеба подвод и работников, чтобы все города были «равны» в этих повинностях. 8. Определить комиссара для сбора окладных и неокладных денег. 9. Гарнизонным полкам губернии деньги и провиант отпускать из окладных доходов. 10. Ведомость об этом взять у обер-коменданта Брюса. 11. Устроить, «где пристойно», провиантские магазины. 12. Комендантам и приказным взяток не брать и население не изнурять. 13. После переписи дворов, если «явится сверх переписных книг лишку» – о том «перечневую ведомость» прислать в Ингерманландскую канцелярию. Выяснить, сколько с начала войны взято рекрутов, послано работников, подвод, «и каких было поборов». 14. Сообщить, в чем можно учинить прибыль «без народу излишней тягости». 15. Определить, какие ранее были «сборы на воевод и приказных людей». 16. Если коменданты какую прибыль учинили – о том прислать ведомость. А им сказать, что за то им будет государева милость. 17. Воинские дела ландрихтер не ведает. Это – прерогатива обер-коменданта Брюса[27]. Пример Римского-Корсакова показывает, что в определенных условиях коменданту могло быть поручено не только управление судопроизводством всей губернии как ландрихтеру, но и вся полнота административной власти. Не даром Я. Римский-Корсаков с 1708 г. стал вице-губернатором Ингерманландской губернии при губернаторе Меншикове.

Копорский комендант, в качестве ландрихтера, отправил на имя государя донесение о привлеченных в Ингерманландской губернии работников с ее дворового числа. На донесение 12 ноября 1707 г. Петр I наложил резолюцию. В Новгороде – 19 070 дворов, из них на работы привлечены 504 человека. В Олонце и уезде – 12 749 дворов, их них привлекаются работники к железоделательным и медным заводам. Резолюция – с Олонца, когда понадобится, брать до 300 плотников, а кузнецов «на убылые только здешние (в Петербурге – А. Д.) места». Посадских и уездных дворов в Каргополе – 7474, в Белоозере – 13 300 и в Пошехонье – 11 082. Из них определены к работам, «к кораблестроению», в Петербург и на Олонецкую верфь. Резолюция – «И ныне быть тут же». Таких же дворов в Великих Луках – 4622 и Торопце – 3209. Привлекаются работники на «городовое строение» в Великих Луках и для постройки провиантского магазина. Из 2372 дворов Старой Руссы

используются работники к соляному промыслу. Посадских и крестьянских дворов в Гдове – 1820, в Копорье – 2700, Ямбурге – 425, Самерской волости – 1215. Они выделяют работников в Петербург и Нарву.

12 марта 1708 г. царь наложил резолюцию уже на доклад губернатора Меншикова. По ведомости генерала фон Шемберга в драгунские полки «его команды» необходимо послать 1045 лошадей. В это число «велено взять» Ингерманландской губернии с комендантов, вице-комендантов, приказных людей, бурмистров и посадских людей – 215 и «прикупить из казны» – 470 лошадей. Меншиков спрашивает, «откуда взять» недостающих 360 лошадей? Резолюция – покупать, выяснив к тому же, вся ли 1 тыс. лошадей присланная в прошлом году в полки роздана. Меншиков – с кружечных дворов, в аптеку и в лабораторию, и на «солдатские дачи» по указу от комендантов берут вино и пиво бесплатно. Впредь отпускать, «и с кем о цене счет иметь?» Резолюция – комендантам платить деньги. Меншиков – во все города Ингерманландской губернии подтвердить, чтобы коменданты «для наилучшего в настоящих делах управления повелению канцелярии Земских дел были послушны». Как наказывать ослушников? Резолюция – «о послушании» указы будут посланы. Об ослушниках писать к обер-коменданту Брюсу, который будет над ними «чинить суд, обще с вами (с Меншиковым – А. Д.)»

Московскому коменданту, полковнику, князю Гагарину 25 января 1709 г. последовал именной указ. Царь отметил, что о дезертирах «или выходцах» он уже писал прежде и то ныне подтверждает. Далее Петр I приказал: рядовым «учинить оклад» по 12 р. в год. Да сверх того давать масло, хлеб и соль. Офицерам установить оклад «против иноземцев тех, которые родились в Москве, и учини их в гарнизоне ротами особливыми». Прочих (иностранце), которые не хотят служить, «отпусти» через Архангельск или Смоленск. 20 апреля 1710 г. государь одобрил предложение Гагарина строить после пожара «каменные» торговые ряды. Уже совсем о другом царь пишет к Гагарину 7 сентября. Он «уведомился», что «посланным за море в науку» дворянских детям их отцы и свойственники переводят векселями через иностранцев много денег «мимо Адмиралтейского приказа». По этой причине молодежь за границей «более гуляет, а ученья принимает мало». Гагарин должен был объявить в Москве запрет на подобный перевод денег через векселя под угрозой штрафа «мимо Адмиралтейского приказа». 17 сентября Петр I обязал Гагарина «нарядить в Сибирскую губернию провианта» 13,2 тыс. четвертей муки, а с губернии собрать 738 рекрутов, кроме тех, о которых «писано» раньше. Они нужны для рижского гарнизона и

Гагарин обязан их привести сам. Очередной именной указ Гагарину 17 октября запрещал строить «каменные дома» в Белом и Земляном городе, но только в Китай городе. Богатые люди, живущие в Белом и Земляном городе и желающие обзавестись «каменным» строением, должны «брать себе места в Китае у убогих, которые не могут строить каменное строение», а свои места они бы отдавали «убогим», которые бы «не были обижены».

«Явившимся из бегов» солдатам сенатский указ 27 февраля 1711 г. предписывал губернаторам и комендантам в городах давать жалование по окладам гарнизонных полков. Такой же указ 11 апреля запрещал комендантам собирать различные доходы с крестьян имений Рязанского митрополита. Сенат 13 апреля напомнил, чтобы губернаторы, коменданты и «иных чинов люди» в губерниях, где они служат, не торговали. Это разрешено в других губерниях. Разыскивать офицеров, которые не явились на службу в Белгород, требовал сенатский указ 20 июня. Коменданты должны тех ослушников «держать за караулом» и писать о них в Москву, в Военный приказ, а их поместья и вотчины отписывать на государя. 12 октября Сенат обратил внимание ландрихтеров, обер-комендантов и комендантов на то, чтобы они писали в города других губерний, если находящиеся у них в тюрьмах разбойники и воры станут «оговаривать» кого-либо из находящихся там. А тех «оговорных людей имать без всякого удержания и мешкоты».

Именной указ 15 февраля 1712 г. предоставлял генерал-губернаторам и губернаторам право «выбирать» в города комендантов по своему усмотрению, годных и умных людей. О них следовало сообщать в канцелярию Сената. Если на этих комендантов будут жалобы или «в делах не исправление», то им самим, вместе с вице-губернаторами, обер-комендантами и ландрихтерами чинить над комендантами «кригс-рехт» (военный суд). О решении суда также сообщать в канцелярию Сената.

Конкретно, 27 февраля 1713 г. Сенат обратился к казанскому коменданту Н. Кудрявцеву. Он должен был, как и прежде, ежегодно «готовить» на строение трех кораблей «дубового лесу» и «с досками» отпускать до Твери. Все работы должны вестись наемными работниками, а деньги для этого брать с уездных людей Казанской губернии, которые раньше этим занимались. Приписанная на время к Казанской губернии Вязниковская слобода и при ней Новая слободка сенатским указом 22 апреля снова передана губернии Московской, что соответствовало желаниям жителей. Ее комендант Колтовский был против этого. Однако, если он «против» челобитной вязниковцев «в чем запрется», то ему с ними «дать очную ставку». Колтовского «за

поруками к вершению дела» выслали в Москву.

Комендантам 1 июня Сенатом приказано дворян, не явившихся на указанные сроки на службу, держать в тюрьме. Каждому, кто таких уклонистов разыщет, приказано выдать по 10 р. за дворянина, взысканных с них. Комендантам же по сенатскому указу 15 июля велено «доправить» по 16 к. с каждого тяглого двора в Московском уезде, которые шли на обмундирование и жалование набранным там матросам, по одному с каждых 50 дворов. Коменданты также должны были обеспечить их подводами до Москвы из расчета по 6 человек на одну. Именной указ 25 августа вновь напомнил о своевременной уплате податей. «Ослушников» должны принудить к этому выбранные отставники-офицеры, дворяне и «иных чинов люди» с приданными им подьячими и солдатами. Кроме губернаторов и ландрихтеров подводами этих выборных должны снабдить обер-коменданты и коменданты. Книги, в которых записывалась информация о сборах, отдавались в городах последним. Из собранных денег выборным сборщикам коменданты должны давать жалование по 100 р. в год, а подьячим – по распоряжению губернаторов. Наряду с губернаторами, коменданты, по сенатскому указу 30 ноября отвечали за присылку работников на Котлин остров (Кронштадт). Из Сената 14 декабря объявлен именной указ, по которому в коменданты и в иные тыловые службы можно было определять лиц в 40 лет и старше, а также отставных «за ранами и увечьем». Молодежь должна была служить в действующей армии.

О «штрафовании» комендантов за «неисправности» по сборам напоминал именной указ 26 февраля 1714 г. Челобитные на государево имя такой же указ 21 марта предписывал подавать в городах комендантам. Если же последние по челобитной «кому указу не учинят или учинят указ неправедно», то на них бить челом уже губернаторам, а на последних в Сенат. Государю же бить челом лично можно лишь, если сенаторы «решение не учинят». Запрещал в Петербургской губернии «бить» лосей под угрозой жестокого наказания именной, объявленный из Сената, указ 22 апреля. Лосей разрешалось ловить и живыми привозить к обер-комендантам и комендантам, которые за каждого выдавали по 5 р. Животных содержали они и должны были писать в канцелярию Сената. Коменданты сибирских городов были обязаны по именному указу 6 декабря финансировать мероприятия по крещению «вогуличей, остяков, татар и якутов» в Православие. Объявленный из Сената именной указ 8 декабря вновь обращался к проблеме челобитных. Снова сказано, что в городах их следовало подавать вице-комендантам, комендантам и

обер-комендантам (а также ландрихтерам, губернаторам и вице-губернаторам). Если дело в течение полугода «не вершат», то челом следовало бить уже «вышнему командиру над тем судьей», а затем уже губернатору. Если же последний в другие полгода решения не примет или «неправдой вершит», то на него жаловаться Сенату и т. д. Кто не будет учитывать описанную иерархию судей, а равно и «писцы», которые подобное допустят, то все они, «яко преступники», будут подвергнуты жестокому наказанию.

Именной указ 28 января 1715 г. объявлял, что «в губерниях, в тех городах, в которых гарнизонов нет, обер-комендантам и комендантам не быть». Вместо них назначались ландраты (о них – ниже). Также упомянуты города, которые «прилегли к украинным местам», где «для опасения от неприятельских набегов, в оных гарнизоны будут из ландмилиции (земского войска – А. Д.), и в тех быть комендантам в таком же жаловании, как и ландратам учинено» (120 р. и 120 четвертей хлеба в год). Уже к таким комендантам обращен 16 февраля именной указ. Они должны прислать сведения об артиллерийских припасах. Их следовало всячески беречь и, «когда нужда будет» в них – коменданты бы их «отпускали» по назначению[28].

С 1715 г. комендантов оставили там, где они командовали местными гарнизонами. В дальнейшем к ним могли обращаться указы уже лишь в этом качестве.

При том, что с 1706 г. власть стала назначать в города комендантов, воеводы не исчезли в одночасье. К ним обращались указы еще несколько лет. Так 2 марта 1706 г. именной, объявленный из приказа Военных дел, указ по поводу очередного рекрутского набора по одному человеку «из людей боярских» с 300, а «с помещиков престарелых, увечных и отставных, с вдов, недорослей, девок и купецких людей» со 100 дворов. С мелкопоместных владельцев, у кого было менее 20 крестьянских дворов, по 7 к., а с таких же владельцев, перечисленных ранее, по 20 к. с двора. Для этого рекрутского набора приказано послать в города к воеводам грамоты. Если же они «за бездельной своей корыстью или понаровкой, оплошкой вскоре не вышлют даточных и денег не оберут», то к ним будут посланы «посыльщики». Нерадивые воеводы будут «взяты» к Москве и им последует жестокое наказание. Вновь напоминал воеводам, чтобы они «в письме всяких крепостей и иных надлежащих дел, и в собрании… казны» имели «усердное во усмотрении радение» по поводу оформления всяких актов на гербовой бумаге и «сборные за бумагу деньги высылали», а также сообщали о присылке ее дважды в году в Москву, объявленный из Оружейной палаты

именной указ 7 мая. Для этого воеводам посылались грамоты, а бурмистрам – указы. Если же и те, и другие станут пренебрегать этими обязанностями – «с них пени брать немалые».

В города грамоты к воеводам распорядился посылать именной, объявленный в Разряде, указ 20 мая. Они должны были следить, чтобы дворянские недоросли, записанные в драгуны, не пристраивались на теплые места в Приказах, а крестьяне монастырей и священнослужителей не избегали подведомственности Монастырскому приказу.

Вновь воеводам приказано «для сыску беглых в уезды ездить самим» и привлекать для этих целей от 5 до 15 крестьян из деревень по объявленному из Разряда именному указу 5 апреля 1707 г. «Ведать» набранных рекрутов воеводам до посылки «наборщиков» предписал такой же указ 19 декабря.

Ратуша 20 августа 1708 г. сформулировала «Приговор». В Поморских городах, которые ей подведомственны: в Вятке, Архангельске, Холмогорах, Устюге Великом, Сольвычегодске, Чаронде, Кевроле, Мезени, Кольском и Пустозерском острогах, – на всех кружечных дворах, а также у частных лиц осмотреть и описать все принадлежности для винокурения. Воеводам посылались грамоты, а бурмистрам и приказным людям – указы, чтобы для истребления «корчемства» эти принадлежности отбирали у частных людей с уплатой по их цене. Если таким образом воеводы не добьются истребления там «корчемства», то им угрожали такими же карами, что и «корчемщикам». Новый, объявленный из Разряда 18 ноября, указ о наборе рекрутов по одному с 20 крестьянских дворов распорядился послать об этом грамоты к воеводам по городам.

Ввиду учреждения губерний, объявленный боярином Т. Н. Стрешневым 14 марта 1709 г. именной указ распорядился в городах книги различным денежным и хлебным сборам приготовить воеводам и бурмистрам. Из московских Приказов соответствующие книги следовало прислать губернаторам и воеводам на места, чтобы они могли с 1710 г. их использовать при взимании казенных доходов. 31 декабря объявленный из Разряда именной указ напоминал воеводам о посылке в Петербург работников и о сборе с оставшихся людей денег для их содержания. Причем собранных работников воеводам приказано «отводить» самим на определенные сроки. Где воевод не было – это ложилось на плечи бурмистров (о том же 28 июля и 24 августа 1710 г. и 7 ноября 1711 г.)

Во время «заразительной болезни» (эпидемии) похожий указ 29 сентября 1710 г. велел давать воеводам и «заставщикам» (находившимся на соответствующих заставах) почтовые и ямские

подводы (по тому же вопросу указ 16 марта 1711 г.) 30 ноября вышел «Наказ сыщикам», которые посылались для «поимки» воров и разбойников», и расследования их преступлений в разные места. «Сыщики», приехав в город, должны забрать у воевод задержанных преступников. Воеводам оставляли дворян и служилых людей из отставников, а также крестьян местных помещиков и вотчинников, которые были мобилизованы для обнаружения «воровских станов». Кроме того, воеводы должны были обеспечить «сыщиков» приказными и для «рассылок» соответствующими людьми.

В феврале-марте 1711 г. Рязанскому митрополиту жаловались «старосты поповские» на воевод: ряжского А. Зиновьева, касимовского В. Аничкова, муромского В. Черникова, и на воевод «иных городов», – которые «не велят» собирать доходы в его «архиерейский дом». Сенатский указ 11 апреля распорядился, чтобы воеводы (а где есть – комендanты) этого не допускали и доходы шли «в архиерейский дом».

Еще в 1691 г. «учинилось ведомо» государю, что в Китай из русских и сибирских городов торговые и «всяких чинов люди» самовольно «ходят многие» и «тем китайский торг портят и многую чинят ссору». Грамота 28 января 1706 г. енисейскому воеводе, стольнику Глебову, подтверждала запрет ездить в Китай без указа. Грамота 5 февраля 1707 г. была послана пустозерскому воеводе Кушелеву. Касалась она не сибирской, а поморской территории, но ее содержание поднимало сходные вопросы. Подтверждалось, что с «пустозерской самояди» (кроме ижемской и усть-цылемской) «песцы собирать» пустозерцу, посадскому человеку Г. Худоварову: «с женатых и холостых самоядцев» по 3 песца с человека, но не больше. Из «тундры» их к Пустозерскому острогу «призывать лаской». Худоварова в Пустозерске приказано привести в Земскую избу и бурмистрам взять по нем «поручную запись», и привести его в церкви «к вере» (присяге), «чтоб самоядцам обид не чинил и не корыстовался». Далее отмечено, что воеводам и земским бурмистрам того сбора «не ведать», поскольку воеводы «брали с самоядцев многие песцы и корыстовались ими, а в казну платили только по одному песцу, и налогами своими самоядцев отогнали». Для охраны собранной пушнины Худоварову выделяли стрельцов, которые должны были сопровождать ее до Москвы. Также пустозерцам запретили торговать с «самоядцами» «в тундре», но только в остроге, иначе аборигены «исторговываются и ясак не платят». С «ижемской и устьцылемской самояди» ясак должны брать воеводы[29].

Как видим, в указах о воеводах упоминается до 1711 г.

Вернемся к именному указу 28 января 1715 г. Мы уже

отмечали, что он упразднял должности комендантов в тех городах, где не было гарнизонов (а таких было большинство). Далее сказано: «А быть вместо них ландратам (с нем. – земский советник – А. Д.) над каждой долей». «Доля» – это определенное количество тяглых дворов. Здесь указано – 5536 «или по сколько будет удобно по рассмотрению губернаторскому». Вместе с ландратом «для управления всяких сборов и земских дел в каждой доле быть по одному комиссару, четырем подьячим и двенадцати конным рассыльщикам». Указано и годовое жалование всех их: ландрат – 120 р. и 120 четвертей хлеба, комиссар – 60 р. и 60 четвертей хлеба, подьячие – по 15–30 р. и 15–30 четвертей хлеба, рассыльщики – по 12 р. и 12 четвертей хлеба (хлеб – рожь и овес пополам). Как видим, если раньше воеводы и коменданты управляли определенной территорией: городом и уездом, – теперь ландраты возглавляли территории, где имелось соответствующее количество дворов. Поскольку населенность уездов была разная, то подчиненная ландратам территория могла составлять часть уезда, а могла и охватывать не один уезд.

Однако, это еще не все. В указе отмечено, что при губернаторе всегда должны быть по два ландрата, которые будут меняться через месяц-два. В отсутствие ландрата его «долей» управлял комиссар. В конце каждого года ландраты должны приезжать в губернский город и представлять губернатору ведомости «к счету и для исправления дел всем вместе». Судить ландрата могли только губернатор вместе с вице-губернатором и другими ландратами. Подтверждено правило, что ландратам «посадских людей ни в чем не ведать и ни в какие дела не вступаться». Их по-прежнему ведали земские бурмистры. Посадские подают судебные иски на крестьян ландратам, а крестьяне на посадских – бурмистрам. На ландратов и земских бурмистров жаловаться можно было губернатору[30].

В. О. Ключевский обратился к данному указу и заметил, что «в иной доле оказывалось 8 тыс. дворов, а в соседней же почти вдвое меньше». В этой связи число ландратов могло резко вырасти. Так в Московской губернии, вместо назначенных первоначально 13, понадобились 44 ландрата. Автор считал, что «указ 1715 г. расстроил ландратский совет при губернаторе, главное правительственное место в губернии». Далее: «Таким порядком создавалось двусмысленное отношение ландрата к губернатору: как правитель части губернии ландрат был подчинен губернатору, а как член ландратского совета был его товарищем».

Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина отмечали, что «в 1715 г.

вместо незавершенного и во многом случайного деления губернии на провинции решено было делить их на доли». Возглавлялись «доли ландратами. Но и эта реформа не была проведена последовательно и до конца». В основном, аргументацию В. О. Ключевского приводит Л. Ф. Писарькова. Она также отметила, что зависимость ландрата «от главного губернского начальника заметно возросла в 1716 г., когда эта должность окончательно утратила выборный характер и стала наградой за военную службу». Мы также писали о распоряжении царя в 1714 г. дворянам выбирать ландратов в качестве советников губернатора и о введении «долей» по числу тяглых дворов[31].

Рассмотрим распоряжения властей. 7 апреля 1715 г. объявленный из Сената именной указ обращался к ландратам Петербургской губернии, чтобы они не допускали «приема» беглых солдат из Кронштадта и других гарнизонов. «За не смотрение» их ожидало «жестокое наказание». Такой же указ 28 января 1716 г. касался свободы винокурения для собственных нужд и по заключенным с казной подрядам. Губернаторы, вице-губернаторы и ландраты должны были сообщить, «кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить». Эти принадлежности для винокурения занимающиеся им должны были привозить в уездах к ландратам. Последние обязаны их осматривать, измерить, чтобы они имели определенную емкость в ведрах, и «заклеймить». При этом взимался годовой сбор в казну с ведра по 25 к. Само собой, ландраты должны были следить, чтобы винокурение производилось в «заклейменных» «кубах и казанах», и вино использовалось либо на собственные нужды, либо поставлялось на казенные кружечные дворы по подрядам и самостоятельно не продавалось. За нарушение порядка полагались штрафы: за предоставление «кубов и казанов» кому-либо «в ссуду» – 5 р., а за незаконную продажу вина – 50 р. Снова подобный указ вышел 8 февраля. Он касался строгого соблюдения обязанности исповедаться в церкви хотя бы раз в год. На нарушителей священники подавали жалобы в уездах ландратам, которые должны были «класть штрафы против дохода… втрое». Такая же форма указа 22 марта предписывала офицеров, служивших в армии, «за старостью и за ранами отставленных», посылать на службу в гарнизоны или к делам в ландраты (об этом же писала Л. Ф. Писарькова).

Уже непосредственно ландратской работы касался сенатский указ 1 июня. Сенаторам стало «известно», что ландраты, «которые определены в доли, ездят по уездам и ставятся в селах и деревнях на крестьянских дворах». При этом они берут подводы, а также

продукты и фураж для себя, своих людей и лошадей. Живут они там «по неделе и больше», отчего местным жителям «чинятся убытки великие». Сенат распорядился, чтобы ландраты, которых в одном городе может находиться 2–3 человека, не все сразу ездили по округе, но один из них бы постоянно находился «на комендантском дворе», а в уездах бы они проживали в специально для этих целей построенных дворах в дворцовых или монастырских селах, чтобы в «доле» было по одному такому двору. На их постройку в губернии с крестьян следовало собрать по 200 р. на каждый. Проживать на крестьянских дворах, брать подводы и деньги строго воспрещалось. Ландраты по сенатскому указу 27 июля были включены в число губернских должностных лиц, кому до исполнения губернией обязанностей по сбору казенных доходов, жалования не давали. О «ландратских взятках» и обидах архиерейским и монастырским крестьянам Московской губернии, по которым следовало «учинить» особый указ, сообщал Сенат 24 августа.

О неисполнении обязанностей губернских властей по сбору казенных доходов в 1714–1716 гг. сообщал сенатский указ 3 апреля 1717 г. При этом (вопреки вышеприведенному указу) губернским чинам, в том числе и ландратам, выдали их жалование. Сенат приказал взыскать его с крестьян губернаторов и вице-губернаторов, а с ландратов и приказных людей «доправить» «на самих». Кто из них находился в Петербурге – в канцелярию Сената, а кто на местах – ландрихтерам «без всякого мотчания и понаровки». Ландратов объединил с комендантами сенатский указ 29 апреля. Он касался донесений фискалов по поводу различных злоупотреблений. Как обычно, в случае волокиты, отговорок или неправедных решений фискалы должны жаловаться губернским властям, а на них – Сенату. Данный последнему именной указ 9 августа предписывал губернаторам, ландратам и комендантам объявить находившимся у них пленным шведской армии, чтобы они вступали в русскую гражданскую службу. Ландратам со своей «доли» собрать по 1 р. с каждого тяглого двора на дачу подрядчикам, поставляющим на 1718 г. провиант для армии, повелевал сенатский указ 1 ноября (о том же на 1719 г. указ 20 ноября 1718 г.) «Не вступатья» губернаторам, ландратам и ландрихтерам в выбор земскими бурмистрами в городах купцов и ремесленников для посылки на житье в Петербург, приказал объявленный из Сената именной указ 20 ноября.

Обращенная к генерал-губернатору, губернаторам, вице-губернаторам, обер-комендантам, комендантам, ландратам «и прочим управителям» Грамота 13 февраля 1718 г. призывала их

«чинить всяческое вспоможение» уполномоченным по обращению «раскольников» Копорского, Ямбургского и Дерптского уездов в лоно Православной церкви. Временный запрет на пропуск каких-либо лиц по подорожным, не подписанным царем или Сенатом, до приезда государя, ландратов, комендантов, комиссаров и прочих чинов призывал к его исполнению объявленный из Сената именной указ 17 февраля. Такой же именной указ, объявленный сенатором, графом Мусиным-Пушкиным тогда же, повторял об обязанности реагировать на непосещение исповеди губернским властям, в том числе и ландратам. Здесь также объявлялся штраф. Штрафы от 5 до 15 р. налагались на священников за недонесение на нарушителей один-три раза. А после их «извергали» из «священства». Ландраты должны были сопровождать лекарей, посланных в Старооскольскую и Белгородскую провинции 24 октября по поводу «моровой язвы». Они же были ответственны за проведение в тех местах соответствующих противоэпидемических мероприятий. 20 ноября губернаторы, вицегубернаторы и ландраты названы ответственными за проведение очередного рекрутского набора по одному человеку с каждых 50 тяглых дворов. Для продолжения работ на Ладожском канале ландраты должны были по сенатскому указу 26 ноября обеспечить сбор по 70 к., а с купечества по 1 р. с двора (о том же указ 5 декабря)[32].

Как мы отмечали, в ряде городов оставались коменданты. Так именной указ 13 февраля 1718 г. предписывал населению «приносить» в города к губернаторам и комендантам «родившихся уродов» и «найденных необыкновенных вещей». Предусмотрена плата: «За человеческую 10 р., за скотскую и звериную 5 р., а за птичью по 3 р. за мертвых». За живых: «за человеческую 100 р., за скотскую и звериную 15 р., за птичью 10 р.». «А ежели гораздо чуднее, то дадут и более». За утайку «уродов» и «необыкновенных вещей» объявлен штраф «в десятеро против платежа за оные». Он полагался в пользу «изветчиков». Далее сказано, что кто найдет в земле или воде «старые вещи»: кости, старые надписи на камнях, железе или меди, старое оружие, посуду и т. д., то их также приносить и за них «будет довольная дача, смотря по вещи». Показано и как сохранять органические останки: «уродов, как умрут, класть в спирты, в двойные или простое вино, и крепко закрывать». За вино будет отдельная плата. Тогда же вышел похожий именной указ, уточняющий предыдущий. Принесшему «монструм или урода человеческого» следовало сразу же уплатить деньги, «не спрашивая, чье под потерянием чина и жестокого штрафу». Если же принесут «животное какое или вещь», то следовало записать,

чье, «а денег не давать прежде, пока то отослано будет в указанное место». Когда оттуда будет получена «отповедь», сколько заплатить, то сразу же произвести наличный расчет. А «монстры и вещи» отсылать в московскую и петербургскую аптеки [33]. Как видим, государь доверял сбор «уродов» и различных редкостей на местах губернаторам и комендантам.

В рассматриваемый период Петр I управление городами и уездами стал поручать комендантам. Причем началось это с Ингерманландии, где они командовали гарнизонами. По своим обязанностям коменданты походили на воевод до реформы 1699 г. Обер-коменданты как начальники в провинциальных и губернских городах являлись командирами для комендантов и вице-комендантов (назначение последних, по-видимому, было необходимостью для управления некоторыми городами). Со временем коменданты появились и там, где не было городских гарнизонов. При этом воеводы продолжали оставаться, и коменданты их меняли по мере истечения срока службы. С 1715 г. территориальной единицей стал не уезд, а «доля», в которую входило определенное количество тяглых дворов. «Долями» управляли ландраты, а коменданты были оставлены там, где в городах имелись гарнизоны. Ландраты походили на воевод периода реформы 1699 г., и посадские люди при них состояли в ведении земских бурмистров.

Глава четвертая. Воеводы во главе провинций. 1719–1725 гг

Для рассматриваемого периода, безусловно, важнейшим документом является принятая в январе 1719 г. «Инструкция или наказ воеводам». Вслед за ней были приняты инструкции иным должностным лицам, где, помимо их обязанностей, говорится об особенностях их взаимоотношений с воеводами. С рассмотрения этих документов мы и начнем настоящую главу.

Обратимся к инструкции воеводам. Она, как и прочие, весьма объемна и включает 46 пунктов. Как было принято, первый пункт инструкции требовал от воеводы быть «верным, справедливым и добрым слугой» государю и его семье, искать государственную пользу и «отвращать» любые поползновения на них. При этом воевода «письменно и словами» приносит присягу, где обязуется быть верным слугой, который ревностно исполняет свои обязанности, не жалея «живота своего». Во втором пункте сказано, что воевода действует в пределах порученной ему провинции, прежде всего предотвращая активность шпионов, не позволяя им возмущать население против государя и государства. Выявленных шпионов «брать за караул» и сообщать о них по команде.

Далее в последующих пунктах уже может не упоминаться, что воевода – глава провинции, но это подразумевается. Несколько пунктов посвящены общим обязанностям воеводы. Так сказано, что он должен следить, чтобы население твердо придерживалось православия и сообщать о покушениях на веру епископу «или духовных дел судьям», всех без исключения жителей «содержать» в соответствии с действующим законодательством, чтобы «насилия и грабежа чинено не было». Воров и разбойников наказывать «по достоинству», содержать в порядке города и уезды, исправлять дороги, «вехи на морском пути и в степных местах», следить, чтобы «чужие люди» во вверенной ему провинции «не обретались», «увечных» высылать на их место жительства, а здоровых определять на службу или в работу, «гулящих» без «проезжих писем» не пропускать, по дворам милостыню просить не допускать. Воеводе иметь пребывание «посреди провинции» (то есть в провинциальном городе), принимать челобитные «и на оные письменные резолюции чинить», чтобы волокиты не было, и без особого указа государя или Сената из провинции не отлучаться, писать в Сенат и коллегии «ясно и вразумительно», «под своим конвертом» чужих писем не отсылать, почтовые дела содержать «в добром порядке»,

своему преемнику «дворы и маетности» отдать в принятом им самим состоянии.

Затем следуют пункты, касающиеся крепостных сооружений и пребывания в провинции войск. Сказано, что города и крепости содержать в порядке, ремонтировать «и оные никому не сдавать». Если «приключится» внезапная осада, то воевода дает знать обретающимся в провинции полковникам и соседям-воеводам, когда будет определено расположение полков «на уезды» и командиры подадут сведения о комплекте солдат и о прочем, то воевода должен «понуждать» ставить части на постой в тех селах, где это определено, следить, чтобы не было бы «недовольства», а также расследовать ссоры между военнослужащими и местным населением., контролировать, чтобы солдаты и матросы получали положенное жалование и «мужикам» чтобы обиды «не чинились», также наблюдать за набором рекрутов, во время «маршей» войск по дорогам провинции воевода должен расписать места стоянок, чтобы местным обывателям обид не было.

О судопроизводстве сказано так: «Хотя воеводе не надлежит ссор тяжебного дела между подданными судить, и судьям в расправе их помешательства чинить», однако он должен «крепко смотреть»», чтобы земские судьи отправляли уездный суд по инструкции, «не утесняли» население волокитами и посылали бы протоколы от уездных судов в надворный (губернский) суд. Также указы и уставы по праздникам в церквах зачитывать по регламенту трижды в год. «Смертные дела» воевода должен отсылать «к надлежащему суду» и «производить в действо» решения судов, в конце года посылать ведомость в надворный суд «об экзекуциях по делам». Если по гражданским делам воевода «по своему разумению экзекуцию не учинит», то доложить об этом надворному суду, иметь «попечение», чтобы земская полиция не нарушала свои обязанности, при «каком сомнении» доносить государю или в Сенат. Отдельно сказано, что воевода должен надзирать за тем, чтобы фальшивые деньги, а также неверные меры веса и длины не использовались.

Вопросы торговли и промышленности также входили в круг обязанностей воевод: каждую четверть года «старательно смотреть» за работой казенных заводов и подавать ведомости, а по окончании года – роспись о результатах работы, особенно «пещись о селитренном варении», способствовать распространению торгов, «рукоделия» и мануфактур, следить, чтобы «прядильные и сиротские дворы» не были убыточны, но доходы бы «прибавливались», «рудокопные» и прочие заводы содержались бы «в добром состоянии» и при них было бы достаточно мастеров, работников и различных припасов, чтобы

цены на хлеб и «харчи» не были слишком высоки, «выведывать» – нет ли где в провинции мест, где можно найти руды и минералы, и строить новые заводы, привлекать к этому людей «под обещанием вознаграждения» и сообщать об этом в Берг и Мануфактур коллегию, дубовые и прочие леса чтобы не были «весьма искоренены», иметь под своей командой «звероводцев и стрелков», и истреблять хищных «и вредительных» зверей.

Отдельно сказано о взаимоотношениях воеводы с городскими ратушами и бурмистрами: ратушские чины были бы «угодны и искусны», городские доходы бы прибавлялись и «маетности» не расхищались, «рукодельники» жили бы в городах и не расходились по «маетностям», друг другу бы не мешали и каждый бы занимался только своим ремеслом, вместе с бурмистрами и ратманами смотреть, чтобы в городах постоялые дворы, харчевни, всякие съестные припасы и фураж были бы в достатке и доступны для проезжих по ценам.

В инструкции перечислены чиновники, с которыми воевода взаимодействует. Земский писарь с начала года ведет книгу прихода казенных доходов. В конце года ее скрепляют подписями воевода и земский надзиратель сборов. Затем книга вручается земскому комиссару. Последний контролирует работу надзирателей сборов, сборщиков и подьячих, чтобы различные сборы поступали исправно и в срок. О «неисправностях» комиссар доносит в Камер и Штатс-контор коллегии. Земский надзиратель сборов получает помесячные ведомости о доходах уже от уездных земских комиссаров и следит за их добросовестной работой. Ни на каком уровне не следовало допускать «убавления в доходах». Упомянут и земский секретарь как помощник воеводы. Он должен заниматься делопроизводством и всякие дела содержать «в добром порядке».

По поводу казенных доходов сказано, что воевода в своей провинции «не чинит» никакой в них «перемены». Выдача денег из Земской конторы производилась бы по указам из Штатс-конторы и земский казначей ежемесячно подавал бы воеводе соответствующие счета. Также воевода должен смотреть, чтобы все положенные расходы были произведены. Причем, если не все деньги розданы, то без указа их не отпускать под угрозой штрафа в 15 р. с каждых ста рублей. Если в провинции «появится пустота от морового поветрия, неприятельского нападения» и прочего, отчего в сборах произойдет «доимка», то воеводе вместе с земским комиссаром об этом расследовать и писать в Камер коллегию, которая налагает свою резолюцию. Если в провинции имеются провиантские магазины, то воевода должен проследить, чтобы имеющийся там провиант в конце года был «перемерен».

Если же «сыщется какая не полность», то о том сообщить в соответствующую коллегию.

Воеводам вменено в обязанность и контролировать и местных землевладельцев: «Понеже есть некоторые непотребные люди, которые своим деревням сами беспутные разорители суть, что ради пьянства или какого иного непостоянного житья вотчины свои не только снабдевают, но и защищают в чем, но и разоряют, налагают на крестьян всякие несносные тягости и в том их бьют и мучат», от чего крестьяне «бегают» и «чинится пустота», а в государственных податях «доимки». Воевода и земские комиссары должны смотреть «накрепко» и до подобных разорений не допускать. О подобных случаях сообщать Сенату. «Разорителей» своих имений отдавать на поруки родственникам, которые, до их «исправления», теми деревнями ведают. Далее упомянут известный указ 1714 г. «О единонаследии», по которому недвижимость переходит к одному наследнику. Воевода в своей провинции должен «накрепко» смотреть за его соблюдением. Также он обязан следить, чтобы пожалованные «публичные маетности» после смерти владельца возвращались казне в сохранности.

Инструкция также обязала воеводу следить за исполнением указа о начале «переписи» (то есть первой ревизии). Главное – чтобы сведения были правдивыми и «утайки» душ не было. О нарушениях он должен «разыскивать» и писать в Камер коллегию.

Заметим также, что принятый 24 января 1722 г. «Табель о рангах» предусматривал для воевод 8 ранг, что соответствовало армейскому майору. При этом сказано, что воевод «не надлежит за вечный чин почитать, но за уряд, ибо оные не суть чины. Того ради ранг иметь должны пока они действительно у своего дела обретаются. А когда переменятся или оставятся, тогда того ранга не имеют»[34].

Выдавались не только общая инструкция, но и инструкции конкретным воеводам. Так 14 декабря 1720 г. подобный документ выдан белгородскому воеводе. Помимо повторенных общих положений, здесь обращено внимание на местные условия: у воеводы «в команде» состояли Слободские полки (Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский, Острогожский и «чугуевские калмыки и казаки»). О состоянии штатов, их амуниции, а также о средствах на их содержание воеводе должны были докладывать полковники. В Сенат, Военную и Иностранных дел коллегии воевода сообщал о турецких, крымских и запорожских делах. Он должен был пропускать великороссийских и малороссийских торговых людей в Крым с не заповедными товарами, чтобы они не заезжали к запорожцам. Крымским же торговцам «дать знать»,

чтобы они «изменников» запорожцев и казаков с собой не привозили. Запорожцев, приехавших на подведомственную воеводе территорию, задерживать и о них писать в коллегию Иностранных дел, а также киевскому губернатору. С взиманием таможенных пошлин пропускать греков и других иностранных торговцев. Основные товары русского экспорта, а также казенные товары торговцы могли привозить только «в российские пристани». Из Малороссии в города и уезды провинции, кроме Слободских полков, вино и табак на продажу не привозили бы и в розницу не продавали (исключение сделано для подрядчиков). Отъезжающих торговать на Дон отправлять «на срок с пропусками», чтобы возвращались в определенное время. Воеводе с гетманом и малороссийскими жителями «иметь доброе обхождение»[35].

Обратимся к инструкциям другим местным чиновникам в той их части, где сказано об их взаимоотношениях с воеводами. Сразу же вслед инструкции им, в январе-феврале 1719 г., были приняты инструкции земским комиссарам, камерирам и рентмейстерам (или казначеям) «в губерниях и провинциях». Земский комиссар – «главнейшая должность, чтоб он в поверенном ему уезде в надлежащее указами время… доходы собирал», кроме пошлин. Отмечено, что он отвечает перед губернатором или воеводой в ведении «приходной книги», без их указа не может «собранные вещи» продать, с их распоряжения должен учинить «досмотр» в ходе переписи дворов и земель, доносит им о присвоении угодий «из государственных волостей», по распоряжению губернатора или воеводы должен «довольствовать» проходящих «воинских людей», учреждать постоялые или гостиные дворы, арестовывать «подозрительных» людей, чинить «экзекуции» по распоряжению суда, доносить им о всем, что касается государева «интереса». Хотя земские комиссары «принадлежат» к губернской или воеводской Земской конторы «ведению», однако государь запретил, чтобы комиссаров «безвинно бранью не бесчестить и побоями на них не дерзать».

Земский камерир, вместе с губернатором или воеводой должен «прилежное и крепкое надзирание иметь» над всеми доходами и сборами. О «похищениях» или «неправдах» доносить губернатору или воеводе. Последние, вместе с ним, скрепляют подписями приходную книгу. За отданные на откуп статьи все они должны «осмотрение иметь».

Земскому рентмейстеру губернатор, воевода и надзиратель сборов отдают «сметные и окладные книги, и ведомости окладных сборов» и всех иных доходов. Он должен доносить губернатору или воеводе по поводу сохранности казны. «У

казенных денежных сундуков» должны быть три ключа, которые находятся у губернатора или воеводы, рентмейстера и надзирателя сборов. В случае болезни рентмейстера губернатор или воевода, по совету надзирателя сборов, назначает другое лицо. Только эти трое могут распорядиться, чтобы рентмейстер выдавал «даже малые суммы», они же в середине декабря назначают лиц, которые должны проверить, «счесть и перемерить» все, что есть под началом рентмейстера, его мнение должно выслушиваться. Кроме того, рентмейстер, даже по приказу губернатора или воеводы не должен поступать «против присяги, чина и против чести, верности и совести»[36].

В конце 1719 г. приняты еще две инструкции. 24 декабря – «полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленным для сыску беглых солдат, драгун, матросов и рекрутов, и для искоренения воров и разбойников, и пристаносодержателей их». Они должны сообщать о своих действиях в провинции властям (прежде всего, воеводам). Те же обязаны им предоставлять места для постоя, провиант и фураж, а также помогать. Если беглых и разбойников там нет, то губернатор или воевода должен дать офицеру «письменный реверс» соответствующего содержания.

Инструкция земским фискалам в губерниях и провинциях предусматривала, что они должны письменно сообщать о своих сведениях губернатору или воеводе (которые обязаны налагать штрафы на виновных) об обидах населению при проходе войск, плохих дорогах и казенных постройках, о беглых «гулящих» и подозрительных людях, а на пограничных территориях о шпионах и «иностранных злодеях», чтобы их поймали[37].

Инструкции и наказы выходили и в последующие годы. Так, 20 апреля 1720 г. появился наказ земским дьякам «или секретарям». Сказано, что ему быть всегда при губернаторе или воеводе «дабы он мог по вся дни должность свою отправлять». Земский дьяк обязан, кроме воскресенья и «великих праздников», присутствовать в Земской канцелярии, а губернатор или воевода ее посещают дважды в неделю не менее, чем на пять часов. Без ведома губернатора или воеводы дьяк не может принимать челобитные, он же им напоминает о необходимости наложения резолюции на те или иные дела. Также дьяк должен следить, чтобы губернатор или воевода в своих резолюциях не нарушал законодательство. Он же обязан ставить свою подпись у всех выходящих от губернатора или воеводы писем, указов и резолюций, а также хранить все их черновики. Воевода или губернатор обязаны выслушивать мнение дьяка. В случае его болезни исполнять обязанности они назначают «искуснейшего писаря» и просят Сенат прислать замену.

В 1722 г., в инструкции от 6 апреля сенатору, работающему в Москве, сказано, чтобы он «взыскивал» с московского губернатора и воевод ближних провинций по поводу исполнения сенатских указов. Инструкция, данная 14 апреля Адмиралтейской коллегии лесным надзирателям, предписывала составить описи годным к корабельному делу лесам. С ними следовало ознакомить губернатором и воевод, которые сами должны «освидетельствовать» эти леса, что они «все в целости». Инструкция генерал-почт-директору от 13 августа отмечала, что на почтовые и ямские подводы в губерниях и провинциях подорожные даются за губернаторскими и воеводскими «руками», а в их отсутствие – кому они поручат. Поскольку государь желает, чтобы из Петербурга во все «главные города» провинций отправлялась бы «верховая почта» (то есть всадники на лошадях), то губернаторам и воеводам «чинить» в этом «вспоможение» генерал-почт-директору.

В самом конце 1723 г. была дана инструкция члену Коммерц-коллегии, которого назначали состоять при сенаторе, ревизующем губернии и провинции. Он должен проследить, чтобы в портах и пограничных местах губернаторы, воеводы и коменданты, равно как и служители таможен, все дела, касающиеся до коммерции, исправляли по указам. В случае нарушений чиновник должен взять у них «ведомости» с объяснением всех обстоятельств и, во всяком случае, требовать исправления оплошности и недостатков. Последний по времени стала инструкция полковнику от 26 июня 1724 г. В пункте, касающемся «приема денег», полковник должен комиссара, который будет задерживать выдачу денег, потребовать у губернатора или воеводы подвергнуть «земскому их суду» и назначить другого комиссара. Полковник должен принятые от комиссара деньги отвезти к губернатору или воеводе, где его полк расположен, и оставить, что положено, его полку. При этом прогонные деньги за подводы отдавать с распиской губернатору или воеводе[38].

Имеющаяся литература так оценивает приведенные выше меры власти. В. О. Ключевский отмечал, что на поставленных во главе провинций воевод «возложены были дела финансовые, полицейские и народнохозяйственные. По этим делам воеводы сносились с центральными учреждениями помимо губернаторов, и сам губернатор становился в ряд провинциальных воевод губернии, как правитель провинции губернского города». Далее автор упомянул известных нам по источникам камерира, рентмейстера и провиантмейстера. По поводу судебных функций воевод Ключевский заметил, что «при введении надворных судов

в 1719 г. в семь из одиннадцати председателями назначены были главы местной администрации, губернаторы, вице-губернаторы и воеводы; в 1721 г. это стало общим правилом, а в 1722 г. нижние суды были упразднены и судебная власть возвращена провинциальным правителям (воеводам – А. Д.) единолично или с асессорами». Посвятивший специальный труд «Областной реформе Петра Великого» 1719–1727 гг. М. М. Богословский приводит использованную нами инструкцию 1719 г. воеводе и упоминает о чиновниках, которых назвал В. О. Ключевский. Богословский подробно пишет о взаимодействии губернаторов и воевод. Провинциальные воеводы «не обнаруживали стремления» подчиняться губернатору и «упорно отстаивали свою независимость». Вообще же провинции сносились с центральными учреждениями (Сенатом, коллегиями) непосредственно. Богословский также отмечает, что в 1722 г. к воеводе переходит судебная власть. Суд вершит воевода «в особом присутствии совместно с назначенным тогда по провинциям судебными асессорами». Дистриктами, которые входили в провинции, управляли земские комиссары.

Н. И. Павленко пишет о второй областной реформе, осуществленной в 1719 г. Провинция при этом стала «основной областной единицей», непосредственно подчинявшейся коллегиям и Сенату. Власть губернатора распространялась теперь только на провинцию губернского города. «Лишь по военным и судебным делам провинциальные воеводы подчинялись губернаторам». Далее автор также идет за своими предшественниками, упоминая об обязанностях соответствующих чиновников. Провинции делились на дистрикты, управляемые земскими комиссарами, которые назначались воеводами и Камер-коллегией. Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина отметили, что в 1719 г. было принято решение «о введении двухстепенного деления: на провинции и дистрикты». В ходе реформы было создано 50 провинций. «Во главе пограничных и крупных провинций стояли генерал-губернаторы, а в остальных – губернаторы или воеводы. Все они подчинялись Сенату и коллегиям. Управлением дистриктами ведали земские комиссары, подчиненные губернаторам». О разделении губерний на провинции, а их на дистрикты по реформе 1719 г. пишет и Л. Ф. Писарькова. «Созданные по шведским образцам провинции должны были в 1719 г. заменить губернии, а дистрикты (округа для сбора подушной подати на воинские части) – традиционные для Московского государства уезды. Но на практике осталось в силе деление как на губернии, так и на уезды». Автор отметила, что губернии и провинции теперь имели «одинаковый статус», о

чем говорят законодательные акты, «не делавшие отличий между должностными обязанностями губернаторов и воевод». «В результате областной реформы 1719 г. провинциальный воевода стал таким же губернатором, но на меньшей по размерам территории». Писарькова заметила, что «воеводы возглавляли провинциальные канцелярии, повторявшие по своей структуре коллегии». Далее автор упомянула об уже приведенных историографией данных, почерпнутых из источников. При этом меры, принятые в 1722 г. в связи с восстановлением «воеводского суда», она связала «с началом пересмотра реформ»[39].

Рассмотрим распоряжения власти по различным сторонам деятельности воевод. В основном, они касались, помимо воевод, еще и губернаторов, вице-губернаторов и реже еще и комендантов. Случались указы, рассчитанные на воевод и комендантов. (В первом случае мы их маркируем +). 29 мая 1719 г. Сенат упомянул инструкцию воеводам, которую государь «изволил слушать, но за отлучением в кампанию… собственной рукой не подписал». Однако ей «быть в той силе, как в оной инструкции написано». Он же 16 июня распорядился послать в коллегии копии с этой инструкции, а 14 октября указал коллегиям направить в губернии воеводам и иным управителям + копии «с инструкций своих»[40].

Сенат специально обращался к воеводам с разъяснениями, в каких случаях они могли напрямую обращаться к нему, минуя коллегии. Вот 8 февраля 1720 г. он отметил, что губернаторам и воеводам следует посылать ему донесения по тем делам, которые «не принадлежат к коллегиям: начатие войны, мору или замешания, или каких припадков». Причем сквозит явное раздражение сенаторов, поскольку адресаты обращаются к ним по «посторонним» поводам, которые «надлежит в коллегиях решенными быть». О том же сенатский указ 27 сентября 1722 г. Теперь уже за неоправданное обращение к нему с воевод и прочих управителей + будет взиматься штраф в 30 р.[41]

Чаще к воеводам обращались коллегии. Так 11 декабря 1719 г. в регламенте Камер коллегии сказано, чтобы губернаторы и воеводы исправляли свои обязанности «прилежно» в том, что касается земель, дворов, сохранения лесов, земледелия, скотоводства и рыболовства. 26 января 1720 г. она же констатировала, что «в сем году» она могла бы получить «известие и действо начать» с 1721 г. по регламенту, а в губерниях воеводам и иным управителям + быть ей во всем «послушным» в пределах ее компетенции. 1 февраля Сенат распорядился, чтобы Камер коллегия послала воеводам и иным управителям + инструкции. Юстиц коллегия 30 июня также

напомнила губернаторам и воеводам об их обязанностях. 6 июля она потребовала, чтобы на местах на присланные из Сената и коллегий указы «исполнение было скорое под страхом разорения, наказания и ссылки, или лишения живота». Ей стало известно, что от воевод и иных управителей+ «не токмо слабое отправление идет, но и весьма многое ослушание чинится». Также коллегию раздражало вмешательство этих местных властей в судебные дела вопреки инструкции. По фискальским доносам по этим поводам воеводам и прочим придется держать ответ в надворных судах[42].

Специально в распоряжениях власти затрагивалась проблема челобитных и «обид» местного населения. Так 3 октября 1720 г. Сенат требовал от воевод и прочих управителей +, чтобы они своевременно реагировали на челобитные «обидимых». По вопросам сбора податей в таких случаях разрешалось обращаться в Камер коллегию. О том же ее указ от 17 января 1721 г. В сентябре Сенат напомнил, что воеводам «в дела магистратские не вступать и купецким людям обид и разорения не чинить». Это была реакция на незаконные действия воеводы Шацкой провинции, а также по поводу вмешательства «юстиции судей» в магистратские дела Вязниковской слободы, о чем сообщил местный воевода. Фискалам сенатский указ 12 июля напомнил о необходимости доносить губернаторам и воеводам, чтобы они «по публичным указам» дела исполняли немедленно. Если же они этим пренебрегают, то следует сообщать обер-фискалу, который, как известно, доносит обо всем Сенату. Последний 13 января 1725 г. распорядился, что в городах, где живут воеводы и есть их дворы, тому быть по-прежнему[43].

В том же 1719 г. началась перепись тяглого населения или первая ревизия. 21 декабря сенатский указ распорядился, в связи с установкой о взыскании «за неисправность» в ревизских сказках, «справляться» с губерниями и провинциями (то есть с воеводами). Из Сената 19 января 1720 г. был объявлен именной указ, который констатировал, что «многие в ревизских сказках пишут только своих крестьян, а людей дворовых не пишут». Сказки должно подавать «обо всех, без утайки» и за это ответственны губернаторы и воеводы. Через год, 16 января 1721 г., сенатский указ отметил, что «из многих городов» «пополнительные» сказки еще не присланы. Сенаторы приказали воевод, виновных в этом, «взять в Санкт-Петербург к розыску, а поместья и вотчины отписать на великого государя». В провинции, из которых подобные сказки еще не присланы, послать еще «подтвердительные указы», чтобы их скорее прислали под опасением такого же штрафа. Как видим, ситуация с недостатком

правдивых ревизских сказок вызвала сильный гнев властей. Объявленный из Сената 28 февраля именной указ также требовал немедленно прислать сказки о посадских людях и разночинцах, и обращен он к воеводам и иным местным властям +.

15 марта такой же указ констатировал, что «утаенных» душ мужского пола оказалось 20 тыс. «Без всякого страха» и «самой сущей правдой» виновных призывали сообщать об этом губернаторам и воеводам, и в таком случае «вина за ту утайку всем отпущена будет без всякого истязания и штрафа». При этом дан срок до 1 сентября. Кто не исправится, у того деревни отпишут в казну, а ¼ часть отдадут доносчикам. Снова по поводу «свидетельствования» губернаторами и воеводами ревизских сказок высказался сенатский указ 11 мая. Явно ввиду жалобы синодальных властей Сенат 19 июня специальным указом к воеводам и прочим управителям + потребовал «обывателям» имений духовных лиц «обид, налогов и угодьям их шкоды никаким образом не чинить». В ходе ревизии в подобных местах брать не больше 10–20 подвод и «переменять» их от села к селу и от деревни к деревне. Провиант там брать только на содержание рассыльщиков, чтобы не озлобить население. За нарушение обещано жестокое наказание.

Посланным «для росписи полков» по территориям давались особые инструкции. Одна из них 5 февраля 1722 г. дана генерал-майору Чернышеву. В ней отмечено, что чинившие в сказках «утайку душ» и поныне о той «утайке» не объявившие, все же подавали бы об этом донесения губернаторам и воеводам. Тут же сказано, что с души мужского пола определена годовая подать (подушная) в 80 к. деньгами. Содержания за счет подушной подати касался сенатский указ 3 сентября 1723 г. Мешки с деньгами, «ерлыки и печати» надлежит осматривать воеводам и иным местным властям +. 20 сентября Сенат распорядился, чтобы губернаторы и воеводы, контролировавшие «отдачу» крестьян при ревизии «на прежние жилища», брали за это пошлины. Снова о проверке истинности ревизских сказок губернаторам и воеводам напоминал сенатский указ 2 июня 1724 г. На следующий день, 3 июня, в Сенате объявлен именной указ, который велел им же переписать во всех городах (кроме Сибири) «старых, больных и увечных, нищих и сирот» обоего пола, которые «были в богадельнях и госпиталях… и работами пропитать себя не могут… и в подушный оклад не положены»[44].

Отмечена ответственность воевод за поступление различных окладных и неокладных сборов. Так 23 сентября 1720 г. Сенат заметил, что посланные в губернии гвардейские офицеры и солдаты, а также дворяне от Камер коллегии сообщали, что в

Московской, Архангелогородской, Смоленской и Сибирской губерниях, и их провинциях воеводы и иные управители + соответствующих ведомостей «не сочинили». Прямо на воевод жалуются также камериры. «В неисправностях» гвардейцам поручено «чинить, как указы повелевают». А впредь за подобные проступки воевод и прочих+ приказано штрафовать Камер коллегии «по своему усмотрению, кто чего будет достоин». Вместо присылки «к городовому строению» Петербурга работных людей 31 марта 1721 г. Сенат приказал воеводам и иным + собрать 300 тыс. р. 17 июня 1723 г. сенаторы вопрошали их же: «Для чего… денежной казны не выслали и многие месяцы репортов о наличной казне не присылали?» Если же воеводы и прочие + кому в том «чинили понаровку», то виновных «держать за караулом и писать о том в Сенат».

Принятый 24 июня 1724 г. «Плакат» касался сбора подушных денег. Вначале вводилась система выборов земских комиссаров из местных помещиков, которые и занимались непосредственно сбором подушной подати. Теперь она определена в 74 к. с души мужского пола. Причем ее предложено взимать по третям года: в январе-феврале и марте-апреле по 25 к., а в октябре-ноябре – 24 к. Земских комиссаров контролируют полковники расквартированных там полков. В декабре местные помещики должны собраться на «полковой двор». Кто не приедет, за тем полковник и воевода посылают нарочных. Суть подобного сбора – выборы земских комиссаров на будущий год. Причем по итогам года, если на земского комиссара «будут в чем челобитчики», то его судят помещики, а где их нет – тамошние обыватели. И по вине – штрафовать. «Разве, кто смерти или публичного наказания подлежать будет» – того отсылать в надворный суд, а где его нет – к воеводе. Снова об ответственности губернаторов и воевод за промедление в присылке денег напоминал сенатский указ 27 января 1725 г.[45]

Не менее важной обязанностью воевод было следить за сбором необходимых армии и флоту провианта и фуража. Так 30 октября 1719 г. объявленный из Сената именной указ обращал на это внимание воевод и полковников, когда подчиненные последних находились в пути. При этом не допускать обид местным обывателям. По поводу сбора денег на поставку в будущем году провианта в Петербург и Ригу, «и прочие завоеванные города», указ Камер коллегии 5 сентября 1720 г. нацеливал воевод и иные местные власти + собирать по 1 р. с тяглого двора. 5 октября такой же указ предусматривал для тех же должностных лиц организовать сбор провианта уже для предстоящей «морской кампании» по 41,5 к. с тяглого двора. За

оплошности указанных должностных лиц могла взять «к суду» эта коллегия. О том же на 1722 г. сказано в камер-коллежских указах 28 сентября и 19 декабря 1721 г. Сенат 14 декабря 1722 г. уже сам решил обратиться к воеводам и иным местным властям +, стращая их штрафами за не исполнение сроков присылки денег за провиант. Причем воевод, камериров, комиссаров и иных сборщиков, если они «радетельно» собирать не будут или же станут собирать «лишнее», ожидала ссылка навечно на галеры, «вырезание ноздрей и лишение всего имения, или… смертная казнь». О жестоких штрафах воеводам и иным + за оплошности в сборе денег на провиант и фураж для расквартированных полков напоминал сенатский указ 25 сентября 1723 г.[46]

Хотя Северная война уже заканчивалась, но впереди был еще Персидский поход 1722 г. Поэтому власть уделяла большое внимание вопросам рекрутского набора. Военная коллегия 29 октября 1719 г. нацеливала офицеров, посланных за рекрутами, чтобы они принимали их у губернаторов и воевод «самых добрых и к службе годных». 22 мая 1720 г. именной указ предписывал взимать штрафы по 100 р. за каждого негодного к службе рекрута с губернаторов, воевод, а также «наборщиков» и «приводцев». Суммы штрафов шли на содержание госпиталей. Сенатский указ, повторивший предыдущий, вышел 30 сентября 1723 г. Снимал с губернаторов и воевод обязанность участвовать в рекрутских наборах сенатский указ 18 января 1725 г. Он поручал это целиком земским комиссарам и полковникам, и офицерам расквартированных «на вечных квартирах» полков[47].

Запись на службу недорослей не могла пройти мимо внимания воевод. Так 23 августа 1720 г. состоявшийся в Военной коллегии именной указ требовал от воевод переписать недорослей и с именными списками отсылать их в губернский город, где ими должно заниматься губернское начальство. Объявленный из Сената 6 июля 1721 г. именной указ сослался на распоряжение государя 17 июля 1720 г. всем недорослям, происходившим из всяких чинов служилых людей («кроме шляхетских детей») от 10 до 30 лет явиться к воеводам и прочим +. Те, в свою очередь, должны были их переписать и отослать к губернскому начальству. Недорослей же «из шляхетских детей» следовало тогда же отправить в Военную коллегию в Петербург. Однако часть этих недорослей на смотре была, но после «с дороги от наборщиков сбежали». Государь «изволил пожаловать прощение» всем им, если они уже в 1721 г. в Петербург явятся. Ослушникам грозили карами как беглым солдатам: «Без пощады будут биты кнутом и, вырезав ноздри, сосланы в вечную работу на каторги». Такое же наказание ожидало и их «укрывателей», а

доносителям обещано их имение. По указу 6 июля 1721 г. срок добровольной явки установлен до 1 января 1722 г. Предусмотрены иные наказание и поощрение: укрывателям за каждого недоросля платить в год штраф по 100 р., а доносители получали при этом по 50 р. за человека. Если в каких-либо губерниях и провинциях явившихся на смотр недорослей окажется мало, то это будет расценено как следствие «нерадения» воевод и иных управителей +. И с них будет взят такой же штраф. Военная коллегия 21 августа 1722 г. обязала воевод и прочих + «сыскивать накрепко» не явившихся до 1 января недорослей[48].

Именной указ 29 марта 1721 г. обращался к «больной» теме переселения разверстанных дворян в Петербург с предварительной постройкой ими там дворов. За ослушание им грозили конфискацией имений. В губернии и провинции были направлены специальные нарочные из гвардейских унтер-офицеров. Они должны «непрестанно понуждать» губернаторов и воевод, чтобы те имели «старание» к выполнению дворянами этого распоряжения. В противном случае воеводы и иные местные власти+ ожидал государев «жестокий гнев и разорение» Они же должны были по сенатскому указу 8 сентября понуждать царедворцев, дворян и офицеров ехать в декабре в Москву на смотр[49].

Как обычно, власти должны были много времени уделять проблеме беглых. Военная коллегия 30 октября 1719 г. призывала приводить беглых воров и разбойников к губернаторам и воеводам. «Приводцам» за каждого обещано по 5 р. О явке беглых к ним же – сенатский указ 8 июня 1720 г. О том же – 6 октября при том, что за неявку угрожали смертной казнью, а «держателей» беглых ожидало лишение чина и имения. Возвращением на прежние места беглых крестьян и бобылей озабочен состоявшийся 19 февраля 1721 г. в Сенате именной указ. В провинциях это должны обеспечивать воеводы или судьи. Если в приеме беглых виноваты сами помещики, то из провинций воеводы должны были их собственноручные письма отсылать в Юстиц-коллегию. В случае доказательства подлинности тех писем – имение конфисковалось, а доносители получали свободу и ¼ часть конфискованного. Если же те письма окажутся подложными, то виновным «вырезать ноздри и ссылать на галерную работу навечно». Сенатский указ 27 ноября повторил приведенную в вышеназванной указе процедуру возвращения беглых крестьян на прежние места их жительства.

Между тем, наступил 1722 г. и снова объявленный из Военной коллегии 4 апреля именной указ призывал воевод и

иных управителей + «сыскивать накрепко» беглых. Прибавлено: «Как армия расположится на квартирах», то в этом должны участвовать полковые командиры в своих дистриктах. Состоявшийся в Сенате 6 апреля именной указ предписывал приводить к воеводам беглых, которые «не сказываются», где они прежде жили. Кто все же признается – тех отдавать помещикам. Кто не признается – тех с женами, детьми и имуществом присылать в Петербург для поселения на дворцовых землях, «где повелено будет».

Для поимки беглых в пограничных городах Сенат 8 марта 1723 г. велел «учинить» заставы. Их следовало расспрашивать: откуда они, чьи крестьяне и кто их «подговорил» уйти за рубеж? «По тем расспросам» им учинить наказание: «Бив кнутом», отсылать в провинции, из которых они бежали, и отдавать воеводам, которые уже должны возвращать их помещикам «с расписками». Губернаторов и воевод сенатский указ 22 ноября обязывал присылать в Сенат ведомости о тех беглых, которые будут водворены к их прежним помещикам, но в прошедшую ревизию за ними не записаны. «Пожилые деньги» за тех беглецов велено брать по прежним указам. Полковникам расквартированных полков именной указ 26 июня 1724 г. предписывал смотреть, чтобы солдаты беглых не принимали и чтобы в дистрикте, где его полк расположен, беглых бы не было. Пойманных беглых велено отсылать к воеводе. Вообще полковник, а в его отсутствие – офицеры, должны наблюдать за своевременным и точным исполнением присылаемых из центра указов воеводой и прочими управителями +, и писать о том в Сенат или коллегии. Самим никаких действий не осуществлять, «разве о том из тех мест, откуда указ послан, им повелено будет»[50]. То есть у воевод и прочих местных властей появился надсмотрщик в лице командования состоящих у них «на вечных квартирах» полков.

Сенат 17 октября 1720 г. подтвердил указ Камер-коллегии к губернаторам и воеводам «О сборе с раскольников всяких податей против настоящих вдвое». 26 июля объявленный из Военной коллегии именной указ обязал всех чинов людей, у кого есть шведские пленные, «немедленно объявить» о них на местах губернаторам и воеводам. О том же состоявшийся в Сенате 21 октября 1721 г. именной указ. Тех, кто «в скорых числех» «сказок» о них не подаст, того ожидал штраф. Самим «утаенным» разрешено приходить к губернаторам и воеводам. Последние, допросив пришедших, «от тех вотчинников за ту утайку чинить (пленных – А. Д.) свободными и велеть им жить, где похотят» у русских или иностранцев. Однако практика удержания бывших

пленных продолжалась. И вот 6 марта 1723 г. Сенат вновь поднял этот вопрос. Хозяева, все еще продолжавшие этим заниматься, должны были платить двойные «кормовые деньги», положенные на содержание удерживаемых. Если же будет доказано, что губернаторы и воеводы об этом знают, то те деньги будут «доправлены» уже и на них. В случае, если подобные действия осуществляются против бывших пленных, перешедших в православие, то со всех указанных выше виновных лиц будут взяты еще и «пристойные штрафы»[51].

Поскольку воеводы на местах обладали полицейскими функциями, постольку в их ведении там находились «колодники» (арестанты). 16 февраля 1721 г. Сенат обратился к воеводам и иным местным властям + по такому вопросу. Они присылали в сенатскую контору «колодников», «которые сказывают за собой и других людей государево слово и дело, и тем чинят в исправлении генеральных дел помешательство». Сенаторы приказали отсылать их прямо в Преображенский приказ, расследовавший политические преступления. Они же 14 декабря 1722 г. определили, что воеводы и иные управители + должны предоставлять съезжие и постоялые дворы вальдмейстерам (лесникам) и под их «колодников» везде, кроме городов, где этим занимались местные магистраты[52].

Читатель помнит, что по инструкции воеводам они не должны были вмешиваться в судебные дела. Однако сразу же отмечены исключения из этого правила. Так 16 ноября 1719 г. Юстиц-коллегия своим указом велела судебные дела «с великой прилежностью рассматривать… и решать» не только в надворных судах в губерниях, но и в «нижних судах», «а где таких судов нет за малолюдством царедворцев», – губернаторам и воеводам. И вот сенатский указ Юстиц-коллегии 12 марта 1722 г. прямо заявил (о чем отмечено историографией), что во всех городах судьям, определенным из Юстиц-коллегии, не быть. «А судить те суды в провинциях воеводам и для скорого управления, и чтоб в делах челобитчикам волокиты не было, придать ко управлению тех дел, а в каждую провинцию асессоров из отставных офицеров или из дворян по два человека к тому делу заобычных». Там, где города и уезды отстают от города, где воевода живет, 200 верст, чтобы обывателям от дальних поездок «лишних убытков не было», определить еще и «меньший нижний суд в пристойном городе по рассмотрению воеводы». И в тот суд он определяет одного асессора и 2–3 подьячих. Однако в компетенции этого суда дела на иски до 10–20 р. Если же иски выше этой суммы, то их рассматривать в провинциальном суде, то есть воеводе. При этом сохранялись надворные суды, но они относились к губернскому

уровню и инструкции им давала Юстиц-коллегия. О том же состоявшийся в Сенате 4 апреля именной указ. В нем только прибавлено, что где нет надворных судов, там суд осуществляют губернатор и вице-губернатор. Также внесено изменение в разъяснение по поводу работы «нижних судов» в провинции. Там теперь суд осуществляет не асессор, а особый «судебный комиссар» и в его компетенции теперь уже дела на суммы до 50 р. Апелляционная инстанция как и раньше – воевода. Также прибавлено, что надворный суд (в губернском городе) исполняет обязанности и провинциального суда этой провинции[53].

Внимательно власть рассматривала проблемы почтового сообщения. Так в сенатской указе 30 апреля 1719 г. предписано «устроить» от Петербурга «до всех знатных городов обыкновенную почту». Имелись в виду резиденции губернаторов и воевод. О том, что на почтовые и ямские подводы подорожные должны выдаваться «за руками» губернаторов и воевод, сообщал такой же указ 16 января 1720 г. То же повторил объявленный из Сената 24 мая именной указ. Там, где почта еще не организована, сенатский указ 15 мая 1723 г. предписал губернаторам и воеводам отправлять в столицы корреспонденцию от «полевых команд и порубежных крепостей» вместе со своею[54].

Сенат 4 сентября 1722 г. отменил свой июльский указ, где требовал от воевод отослать подьячих в свою канцелярию на смотр. Вследствие этого распоряжения воеводы стали жаловаться Сенату на «послабление», очевидно, в делах. При этом воеводы из Астраханской, Сибирской губерний и из «новозавоеванных городов», «без всякого мотчания», должны были представить списки своих подьячих. Специально воеводского управления в Сибирской губернии касались отдельные указы. Так 29 мая 1719 г. именной указ разделил эту губернию на три провинции, но в них должны были править вице-губернаторы. Однако в этих провинциях нашлось место и воеводам. Сенат 4 декабря приказал объявившуюся в провинциях «пустоту» освидетельствовать именно им. Также воеводы и иные местные власти + по сенатскому указу 1 сентября 1720 г., который был инициирован докладом сибирского губернатора, князя Черкасского, должны выдавать «проезжие письма» купцам, которые поедут в Сибирь по торговым делам[55].

Очередное напоминание губернаторам и воеводам, чтобы они заранее писали в Оружейную канцелярию о присылке гербовой бумаги, содержал указ из Юстиц-коллегии 21 декабря 1719 г. Именной указ 30 апреля 1720 г. «Об учении всякого чина детей, кроме дворян», в соответствующих школах предусматривал для добровольного обучения 10–15 летних мальчиков послать «из

школы Адмиралтейской» по два учителя в губернию. Школы предписано размещать в архиерейских домах или в монастырях, а на содержание учеников выделять по 10 к. в день из губернских доходов. С учеников, прошедших курс обучения, приказано взимать по 1 р. за выдачу «свидетельских писем», чтобы они могли претендовать на получение чина. Воевод и иных управителей + обязали «за учителями смотреть накрепко, чтоб они учили прилежно». Из Сената 14 августа 1721 г. был объявлен именной указ об учреждении в городах аптек. Воеводам и иным местным властям + приказано помогать служителям Медицинской коллегии «в прииске» «лекарственных вещей» на местах. Обязывал губернаторов и воевод присылать в Камер-коллегию рапорты об урожайности хлебов и о ценах на них сенатский указ 23 июля 1723 г. Очередной такой же указ 23 октября затрагивал проблему определения в богадельни слепых, дряхлых, престарелых, увечных, которые не могут работать и не помнят, «чьи они были». Туда же следовало определять и «малолетних» до 10 лет. По достижении ими десятилетнего возраста губернаторы и воеводы должны были определять их в матросы и присылать в Петербург, а в подушный оклад их «не писать». Наконец, переславским (Переславля Залесского) воеводам именным указом 7 февраля 1722 г. приказано охранять исторические объекты: «Надлежит вам беречь» остатки кораблей, яхт и галер. «А буде отпустите, то взыск будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегли сей указ»[56].

В поле зрения воеводы постоянно находились различные обстоятельства, связанные с промыслами, производством, торговлей и инфраструктурой. Именной указ 16 января 1720 г. предписывал губернским и провинциальным «командирам» присылать в Берг-коллегию ведомости о состоянии заводов, в том числе казенных. Когда коллегия распорядится дать деньги на поддержание старых или постройку новых предприятий, то губернаторам и воеводам в том «быть послушным». 14 мая Берг-коллегия направила указ, конкретно касающийся «рудных заводов», принадлежащих частным лицам. Тем последним положено вносить в казну десятую долю от своих доходов. Губернаторы и воеводы должны определить из «царедворцев нарочных добрых людей», которые из Сената посланы туда «к делам». Если же губернаторы и воеводы скорое поступление денег в Берг-коллегию не обеспечат и казне «учинится» убыток, то он будет взыскан с них в виде штрафа.

Из Берг-коллегии 8 июня 1721 г. пришел специальный указ «О жемчужной ловле» в Торопецком и пятинах Новгородского уездов. Воеводы должны были «проведать», в каких местных реках

«такой жемчуг сыскивается». Следовало описать «их долготу с мерой и по урочищам описать, откуда вышли и куда впали, где уже оной жемчужной ловле быть не можно». «Чтобы никто без указа там жемчуг не ловил», следует речки «расписать на некоторые части и к ним приставить доброй совести людей из офицеров или дворян, и привести их к присяге, и придать им приказных и крестьян». Жемчуг заготавливать из раковин в июле-сентябре. Для этого нанимать работников из тех, кто и раньше этим делом занимался. За ними смотреть, а тех, кто ловит самовольно – отсылать к воеводе и там штрафовать. Воевода принимает заготовленный жемчуг и его оценивают купецкие люди «настоящей ценой». Жемчуг продавать в пользу казны, поскольку теперь он не в свободной добыче. «О ловле жемчуга» завести особую книгу и отсылать ее в Берг-коллегию.

В целях недопущения «напрасных» порубок заповедных лесов, 11 сентября 1721 г. Сенат приказал воеводам и иным местным властям + выбрать надзирателей за этими лесами и составить им «описные книги», которые следует отправить в Адмиралтейство. За нарушение – «штраф немалой».

На местах губернаторы, воеводы и камериры по сенатскому указу 28 июля 1719 г. должны были принимать винных подрядчиков и устраивать торги на получение винного откупа.

Камер-коллегия 7 октября 1720 г. обратилась к воеводам провинций, входивших в Астраханскую, Казанскую и Воронежскую губернии, а также к губернским властям + и саратовскому коменданту. Они должны были предотвращать продажу соли донскими казаками в великороссийских городах, где есть ее казенная продажа. И из этих городов в «донские и черкасские городки» для покупки соли никто бы не ездил. Нарушителей следовало ловить и приводить к воеводам и иным управителям +, соль брать в казну, а «корчемников» штрафовать. Именной указ 11 мая 1722 г. напоминал воеводам и иным местным властям +, чтобы соль продавалась всем желающим, и следовало пресекать при этом «воровство» и взяточничество.

Ввиду жалобы «канальных подрядчиков», организовывавших работы по строительству Ладожского канала, на то, что воеводы и приказные люди «охочим людям», собирающимся на работу, «пропускных писем не дают и в том им чинится остановка», Сенат 5 февраля 1720 г. указал, чтобы никакого в том «помешательства» не было. Ответственными за сбор «на Ладожский канал» по 20 к. с двора, а с купцов, «с десятой деньги потому ж», и за взыскание за 1719–1721 гг. «доимочных денег» указ из Камер-коллегии 10 января 1722 г. сделал воевод и иную местную власть +. Если же они те деньги «сполна не соберут, а в канальной работе учинится

остановка, и то взыщется на них жестоко, как на презирателях указов, со отнятием имений». 13 ноября 1724 г. государь наложил «высочайшие резолюции» на доклад Камер-коллегии. Последняя предложила, чтобы большие дороги измерить все одновременно и губернаторы и воеводы бы распорядились поставить «версты столбы крашеные и записать цифирью, что верст от Санкт-Петербурга и от Москвы, и от других главных городов». Петр I заметил: «Ставить по верстам на перекрестках руки с надписями, куда которая лежит». Он также согласился с предложением, чтобы на межах между уездами губернаторам и воеводам, «по шведскому обыкновению», распорядиться поставить одновременно на казенный счет каменные плоские столбы с надписями. Также прибавлено, что путешествующим вне своего дистрикта «проезжие письма» в городах брать в полиции, а где ее нет – в воеводской канцелярии[57].

Показанные в предыдущем периоде коменданты и ландраты продолжали действовать. Правда, упоминания о них в решениях властей относятся к первым годам рассматриваемого периода.

Обер-фискал Нестеров настаивал на продолжении известной практики осмотра «всякого чина людей», направлявшихся из Сибири в Европейскую Россию, на предмет выявления и взятия в казну заповедных и неявленных в таможне товаров. 11 января 1719 г. именной указ в числе лиц, подлежащих осмотру, назвал служивших в Сибири комендантов, майоров, комиссаров и дьяков. Сенатский указ 12 августа о посылке воинской команды для поимки воров и разбойников касался комендантов наряду с губернаторами, вице-губернаторами и земскими судьями. Посланным «для выбирания доходов» в уезды командам обер-коменданты, коменданты и иные губернские власти + по сенатскому указу 22 июня 1720 г. должны были предоставлять по подорожным подводы. О собранных деньгах приданные командам приказные составляли книги, которые должны подавать в городах комендантам. Последние из собранных денег обязаны выдавать «сборщикам» жалование по 100 р. в год, подьячим же следовало платить «по рассмотрению губернаторов».

Коменданты, безусловно, участвовали в решении вопросов о вступлении на военную службу и увольнении с нее. Так 25 октября Военная коллегия поручила обер-комендантам, комендантам и иным губернским управителям +, вместе с медиками, освидетельствовать рядовых гарнизонных полков, которые «за старостью, ранами, неисцельными болезнями» не могут продолжать службу. Их следовало опрашивать на предмет: куда они хотят определиться – на житье в монастырь, стать монахом и т. д. Об отставке со службы также говорил

состоявшийся в Военной коллегии 7 марта 1721 г. именной указ. Комендантам и тем же губернским чинам + следовало составить списки отставников. В то же время такой же указ, в тот же день, предписывал им же отправлять в Петербург, в Военную коллегию «господских людей», желающих вступить в сухопутную или морскую службу. Тех претендентов, которые «за скудостью» в Петербург дойти не могут, «приверстывать в гарнизонные полки, в солдаты и писать о том в Военную коллегию». О том же сенатский, вследствие именного, указ 7 мая 1722 г.

Ввиду известного нам положения об изъятии суда из ведения администраторов (в частности, воевод) объявленный из Сената 15 января 1719 г. именной указ распространял это и на ландратов (в купе с ландрихтерами). «В назначенных им городах» они теперь могли вершить только «посредственные дела». Такой же указ 16 февраля подтвердил практику выдачи жалования ландратам, комиссарам и их служителям из денег, собираемых с долей дворового числа. Юстиц-коллегия 3 марта обязала ландратов и губернских управителей + прислать «в скорости» списки «колодников». Нарушителей ожидал штраф в 5 р. за каждого, не показанного в списках. Губернским властям, а также ландратам, именной указ 19 марта велел способствовать «искоренению» «воровских людей, беглых солдат и рекрутов». Они, в частности, обязаны были подавать «сказки» о положении дел в их долях дворового числа. Ландраты, в числе иных управителей, отвечали за посылку команд для поимки криминальных элементов. За неисполнение этого указа, если они «какую ослабу для какой своей корысти ворам учинят… позваны будут нами к суду».

Наряду с воеводами, сенатский указ 23 сентября 1720 г. предупреждал и ландратов, чтобы они прислали ведомости об окладных и неокладных сборах прежде, чем «отбывали к другим делам». О неявившихся к исповеди лицах и о штрафах с них по этому поводу ведомости по указу Сената и Синода 16 июля 1722 г. должны подавать губернаторы и ландраты[58].

Последний период воеводского управления в царствование Петра I ознаменовался достижением воеводами высшего уровня своей власти. Они не только оставались весьма и весьма востребованными. Если раньше воевода возглавлял город и его уезд, то теперь он стал руководителем провинции, в которую входил целый ряд дистриктов (по существу – уездов). Причем центральная власть в своих распоряжениях обращалась, в основном, к губернаторам и воеводам. Губернатор реально пользовался властью в провинции своего губернского города. Провинциальные воеводы у себя были самостоятельными (разве что сносились с губернатором как с лицом, имеющим более

высокий ранг, по делам, связанным с угрозой военного вторжения) и обращались напрямую в Сенат и коллегии. По инструкции воеводе 1719 г. он не должен был вмешиваться в систему судопроизводства, подчиненную Юстиц-коллегии. Но на практике из-за проблем с ее становлением участвовал в суде, а в 1722 г. и де-юре ему было возвращено право быть главным судьей в своей провинции.

Обер-коменданты и коменданты оставались там, где они были определены в предыдущем периоде: в городах пограничных и имеющих большие гарнизоны. Ландраты же – натура уходящая. В свое время они управляли долями дворового числа. Но с завершением первой ревизии и переходом от подворного к подушному налогообложению надобность в ландратах отпала.

Глава пятая. Ратуша

Созданная по повелению Петра I в 1699 г. Ратуша (30 января была названа «Бурмистерской палатой», а 17 ноября получила уже свое название) привлекала внимание всех исследователей, писавших об этом периоде петровского царствования. Вначале приведем высказывания современников. Однако И. А. Желябужский в своих «Дневных записках» отнес именной указ к 1 сентября, когда «велено сидеть в палате бурмистрам. И после того их сидения посланы во все города грамоты великого государя по всем городам к воеводам, чтоб они посадских людей во всех городах никакими делами не ведали». Как мы увидим, именно с этого дня реформа реально началась. Имперский дипломат, О. А. Плейер, в 1710 г. в своей записке «О нынешнем состоянии государственного управления в Московии» сообщал, что в Ратушу «могли поступать все доходы, с чего бы они ни собирались, будут ли то таможенные или податные, оброчные или пошлинные, или купеческие и штрафные сборы. Потом из них расходуется на жалование всему войску, на офицеров, на артиллерию, одежду, постройку домов, укрепленных мест, словом сказать, покрываются ими все текущие расходы»[59]. Как видим, двумя этими современниками подмечены две основные особенности, связанные с созданием подобного органа: он стал ведать по всем делам посадских людей и контролировал поступление казенных доходов.

С. М. Соловьев отметил, что Петр I стремился в то время «как можно скорее увеличить государственные доходы». Он «не мог долее оставлять торговых и промышленных людей во власти воевод-кормленщиков». Отметим, что историк приравнял воевод конца XVII в. к «кормленщикам», которые, официально, были упразднены соответствующей реформой Ивана Грозного в середине XVI столетия! Соловьев считал, что «форма» «освобождения» горожан из-под власти воевод и приказных людей была подмечена царем, с одной стороны, «на Западе», откуда он только что вернулся, а также она имела место в Малороссии – то есть «городовое самоуправление или так называемое Магдебургское право». Образованная «Бурмистерская палата» (позже Ратуша) в Москве «входила с докладом прямо к государю: сюда входили все собранные по городам суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе, как по именному царскому указу». Историк считал, что вначале «за освобождение от воевод и приказных людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной против прежнего оклад податей».

Но, практически, сразу власти сделали эту реформу обязательной и от двойного оклада отказались. Также С. М. Соловьев заметил, что реформа не коснулась Сибири[60].

На связь «войны и реформы» указывал В. О. Ключевский (хотя создание «Бурмистерской палаты» предшествовало началу Северной войны). Все делалось «по требованию текущей минуты». Особенно были видны «финансовые затруднения», которые «стали особенно тяжелыми с началом Северной войны». Историк отметил, что в 1699 г. Петр «имел в виду устроить наиболее прибыльный порядок сбора казенных доходов, освободив городских плательщиков от воеводских поборов и притеснений». Автор пишет об указе об образовании «Бурмистерской палаты» и выборах бурмистров как в нее в Москве, так и в городах. Он подчеркивает, что, пока эта мера была добровольной, бурмистров пожелали выбрать при условии уплаты двойного оклада и отказа от власти воевод только 11 городов, а 70 посчитали, что двойной оклад – «это слишком дорого, да и выбирать им бурмистров не из кого». Реформа стала обязательной, власть, для которой «городское самоуправление, очевидно, было нужнее… чем городам», отменила положение о двойном окладе. В. О. Ключевский отметил, что в городах бурмистры заседали в образованных Земских избах и назывались земскими бурмистрами, избираемыми на год. Они были подчинены Московской Бурмистерской палате (Ратуше), «в которой заседали выборные из крупного московского купечества бурмистры». «Сюда поступали все собранные по городам суммы и высылались к отчету собиравшие их городовые бурмистры, таможенные и кабацкие, подчиненные земским». Московская Ратуша «входила с докладами прямо к государю помимо приказов и стала чем-то вроде министерства городов и городских сборов. В ее ведение были переданы поступавшие из 13 московских приказов сборы стрелецкие, таможенные, кабацкие и другие в окладной сумме свыше миллиона рублей, а с прибором сверх оклада доход Ратуши уже в 1701 г. возрос до 1300 тысяч, что составляло больше трети, чуть не половину всего сметного дохода того года. Доходы Ратуши шли на содержание войска»[61].

П. Н. Милюков отмечал, что создание Ратуши в 1699 г. – есть забота не столько об устранении приказной волокиты и воеводских обид купечеству, сколько решение проблем повышения доходов казны и уменьшения «недоборов» и «доимок». Он утверждал, что начало реформы следует отнести к указу 1 марта 1698 г., в котором предписано всякие доходы в городах собирать местным старостам «в Земских избах мимо воевод и приказных людей». Однако Петр I тогда еще пребывал за

границей. Вернувшись на родину, он придал импульс развитию этой меры («Бурмистерская палата», бурмистры и т. д.) Милюков указал на первоначальное отсутствие ясности во взаимоотношениях «Бурмистерской палаты» и земских бурмистров в городах, а также повторил выкладки В. О. Ключевского о первоначальном нежелании городов переходить на новый порядок с двойным окладом[62].

Мы видим, что «классическая» историография прямо связывала учреждение «Бурмистерской палаты» (Ратуши) в Москве и бурмистров в городах как со стремлением Петра I обратиться к европейской традиции городского самоуправления по «Магдебургскому праву», так и повысить поступление доходов в казну. Ратушу Ключевский даже назвал «министерством городов и городских сборов».

Н. И. Павленко присоединился к оценке мер правительства 1699 г., которая сформулирована выше. Он несколько изменил акценты: поначалу речь шла «об избавлении торгово-промышленного населения от воеводских притеснений», а с началом Северной войны изменились цели реформы. Теперь власть «проявляла усиленный интерес не столько к укреплению судебных функций Ратуши и земских изб, сколько к финансовым обязанностям этих учреждений. Выборные бурмистры превратились в финансовых агентов государства, обязанных не только «без доимки», но, конечно, «с пополнением» и «на указные сроки взимать прямые и косвенные налоги». Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина характеризуют мероприятие Петра I в 1699 г. как «реорганизацию сбора налогов и городского управления. Причиной реформы явилось стремление правительства централизовать и повысить сбор основных налогов ввиду крайней нужды в деньгах. Одновременно реформа была призвана улучшить условия развития городов. Сделать это предполагалось путем изъятия посадского населения из-под власти воевод и замены этой власти посадским самоуправлением». Авторы пишут, что реформу «ускорили заграничные впечатления царя». Конкретные шаги властей Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина описывают так же, как и предшественники. Е. В. Анисимов писал, что «Ратуша получила значение не только органа управления городов, но и финансового учреждения». О том, что «выборная Бурмистерская палата… должна была ведать сбором налогов и исполнять судебные функции», а «городское население, таким образом, выводилось из-под власти воевод», писал А. Б. Каменский. То, что абсолютное большинство городов отказалось переходить на двойной оклад, автор связывает с «абсолютной неготовностью русского общества к переменам на

западноевропейский манер». «Абсолютную неготовность» посадские люди проявили все же к двойному обложению: лихоимство воевод, очевидно, все же не обходилось столь дорого. Что же касается самоуправления, то в городах оно возникло, когда выборы бурмистров стали обязательными. В духе В. О. Ключевского высказался Д. О. Серов, отметивший, что Ратуша «с точки зрения компетенции… представляла собой нечто среднее между «министерством городов» и «министерством финансов». Этот орган «ведал в административном и судебном отношении городским торгово-промышленным населением и отвечал за сбор основных косвенных и значительной части прямых налогов»[63].

Современная историография оценивает меры по образованию в 1699 г. Бурмистерской палаты – Ратуши в Москве, а также Земских изб и бурмистров в городах, практически, одинаково, что и историки XIX – начала XX в. Разные авторы лишь могут по-своему расставлять акценты, не подвергая критике оценки своих предшественников.

Обратимся непосредственно к указам 1699 г. по этому вопросу. 30 января вышли два именных указа. Первый касался Москвы и был обращен к Гостям, Гостиной сотне, Кадашевской, Казенным, Бронной, дворцовым, конюшенным и иным черным сотням и слободам, к всем посадским, купецким и промышленным людям. Ведомы они «всякими делами… окладными доходами и иными сборами» в разных приказах. Государю стало известно, что им во многих «приказных волокитах и от приказных разных чинов людей в торгах их и во всяких промыслах чинятся им большие убытки и разорения, и иные от торгов и промыслов своих отбыли и оскудали». От этого окладные доходы «учинились в доимке, а пошлинным сборам и иным поборам большие недоборы». Государь, «милосердуя» к ним, чтобы волокиты и разорения, а казне недоимки и недоборов по разным сборам не было, а во всех сборах и доходах было бы пополнение, их в приказах судьям и приказным людям впредь «не ведать». Отныне царь указал «всего Московского государства посадским и купецким и промышленным людям, и черным слободам во всех их расправных, и челобитчиковых, и купецких делах, и в сборах… доходов ведать бурмистрам их». Бурмистров выбирать «меж себя порознь» из «добрых и правдивых людей по скольку человек похотят». Одному из бурмистров быть по месяцу президентом. Бурмистрам следить, чтобы «доходы и поборы» в казну платили сполна, а таможенные и кабацкие, и иные сборы собирались бы с пополнением. Им же принимать московские и из иных городов доходы и сборы, а расходовать их по государеву указу. «Остаточные доходы» им отдавать в приказ

Большой Казны. Туда же после каждого года работы бурмистров (в сентябре) подавать сметные списки и перечневые выписи с приходо-расходных книг. Для всяких «расправных и челобитчиковых дел» бурмистрам выдать из Разряда «Уложенную книгу» и списки с «Новоуказных статей и указов». Для сбора окладных доходов и иных сборов они должны взять ведомости из всех приказов и слобод, и окладные книги. С челобитных и всяких дел с исков бурмистрам брать в казну пошлины по Уложению. Если бурмистры каких-либо доходов и окладов «не выберут», то все недобранное взять на всех тех людях, которые бурмистров выбирали, «вдвое». Хотя этот указ и касался Москвы, но в нем есть пассажи о выборе бурмистров «всеми Московского государства» посадскими людьми. Вначале указ сосредотачивает внимание на «милости» государя: освободить москвичей от приказной волокиты, убытков и разорения. Затем он переходит к проблеме полного сбора выборными бурмистрами всех казенных доходов, а в конце угрожает взыскать «вдвое» недобранные деньги.

Второй именной указ был объявлен из Разряда. Он касался во всех городах посадских и всяких чинов купецких и государевых волостей, и сел, и деревень промышленных и уездных людей, то есть не только сугубо горожан, но тяглецов Дворцового ведомства. Вот его суть: если они захотят «для многих к ним воеводских и приказных людей обид и налог, и поборов, и взяток в городах воеводам и приказным людям их посадских, и купецких, и промышленных, и уездных людей во всяких их мирских и расправных, и челобитчиковых, и ни в каких делах не ведать», а «ведать» их по тем делам «мирским выборным людям из Земских изб». И им для всех этих дел «и сбору доходов» выбирать в Земские избы «меж себя людей добрых и правдивых, кого они похотят». И за это государь «милостью» своей от воевод и приказных людей их «освобождает». И им бы в казну платить «против прежнего оклада вдвое на Москве… сполна без доимки». В столице эти их доходы будут принимать гости и торговые люди «выборные без всякой волокиты и убытку». Если в городах захотят принять этот новый порядок, то выбирали бы, «кого они меж себя похотят… по 2–3 человека, или сколько похотят». Выборных следует прислать к Москве в те приказы, где они ведомы. Там «те выборы» в приказах будут приняты и выборным дадут государевы грамоты «с прочетом». В этом указе, обращенном к посадским людям городов и части уездных жителей, как видим, уход от воеводского управления сопровождался удвоением оклада (на что указывала историография). Но вот применительно к Москве, в предыдущем указе, об этом не было сказано. Также здесь

упомянуты Земские избы как органы управления городами, но «выборные» бурмистрами не названы.

Именной указ 18 марта являлся ответом на поданное в Разряде «письмо гостей», в котором они просили государя «о милости» применительно к их просьбам. Последние мы не упоминаем, но приводим ответы на них Петра I: 1. По письму гостей дать бурмистрам указ «с дьяческой приписью». 2. В бурмистры им выбирать «меж себя из Гостей, Гостиной сотни и всех сотен и слобод по одному человеку добрых и правдивых людей, кому мочно верить». 3. «Прибавку в гостиный чин великий государь не указал». 4. Государственные доходы собирать и расправу чинить бурмистрам с 1 сентября. 5. При бурмистрах быть старым и молодым подьячим «по росписи их» (они просили 12 старых подьячих, а при них молодых – «по усмотрению дел»), кого они из приказов выберут. 6. На русских купцов иноземцам бить челом государю. 7. А тем делам быть у бурмистров. 8. В приказы и города указы писать от бурмистров. 9. Для рассылок им набрать «в солдаты» 100 человек. 10. К бурмистрам из приказов прислать ведомости и окладные книги о различных сборах, а также наказы таможенным и кабацким головам. 11. В Москву и в города бурмистрам посылать от себя для «выемки корчемных питей» людей из купеческого чина, а с ними солдат. Речь в данном указе идет о конкретных вопросах деятельности бурмистров не только в Москве, но и об их руководстве городами в пределах своей компетенции.

17 апреля именной указ обращался также к москвичам: «к Гостям и Гостиной сотне, и всех сотен и слобод жителям». Если они бурмистров еще не выбрали, то они бы по прежним указам избрали по одному человеку из всех слобод и сотен «добрых людей». А уже они бы выбрали 12 бурмистров, из которых «помесячно» один бы являлся президентом. Причем из мелких московских слобод, где лишь 20–30 дворов, бурмистров не выбирать.

Снова в режиме вопрос-ответ написаны «Статьи», которые были присланы 30 мая в Разряд из Воронежа, где в то время находился царь: 1. Гости и Гостиная сотня просили его обеспечить их основное представительство среди бурмистров: из Гостей и Гостиной сотни по 4 человека, и еще четверо из всех слобод и сотен (всего 12). Но Петр решил, что из Гостей, Гостиной сотни и других слобод и сотен быть все же по одному человеку в бурмистрах. 2. Жалование подьячим первый год платить из казны, а впредь «положить с дел». 3. Таможенным и кабацким головам «с остаточной казной» и книгами за 1697–1699 гг. приезжать из городов к бурмистрам, а за предыдущие

годы – в приказ Большой Казны. 4. Из городов деньги бы присылали на установленные сроки, «без доимки». Если сроки нарушат, то брать с них «сверх сбора» еще $^1/_{10}$ долю. 5. В какой приказ, сколько денег отпускать впредь будет указано. 6. О «самых нужных» делах бурмистрам докладывать царю в воскресенье и в праздники. 7. Указы в города, волости и села, где сборы бывают, посылать из приказов, «чтоб были послушны». А в городах быть бурмистрам (то есть «выборных» царь велел теперь так называть). 8. Все дела, которые ведомы в приказе Большой Казны «доходами и расправой», и прочее теперь «ведать бурмистрам». 9. Бурмистрам в Москве «сидеть в палатах, в Кремле». Помещения отвести «сколько надобно», и предусмотреть достаточные по размерам «погребы, где деньги ставить». В самом конце царь снова указал, что в городах у таможенных, кабацких и всяких денежных сборов быть бурмистрам, а судом и расправой их воеводам не ведать, «а ведать бурмистрам» (московским, то есть «Бурмистерской палате»). В этих «Статьях» также повторены несколько ответов государя на те же вопросы, которые были подняты 18 марта.

1 сентября указано московским бурмистрам иметь особую печать «для посылок в приказы и города». Дела им решать «с общего их совета». Причем один из бурмистров, «кому случиться». «помечает» дела, где речь идет о сумме до 100 р. А те дела, где говорится о суммах, свыше 100 р., «помечают» все бурмистры.

Итак, «Бурмистерская палата» вступила в свои права 1 сентября с подробным перечислением своих прав и обязанностей, и даже с собственной печатью.

12 сентября из «Бурмистерской палаты» вышел наказ нижегородским бурмистрам. Собственно говоря, он напоминал, что ранее уже были посланы «памяти» о выборе к таможенным и кабацким сборам бурмистров в городах. Они должны в определенные сроки привозить в Москву собранные деньги «в настоящем году без доимки». Штраф за нарушение сроков здесь показан более высокий, чем раньше: $^1/_5$ доля «против окладу». Повторено, что «доимки» взимать с «выборных людей, кто бурмистров выбрали». Отмечено, что в городах главные – земские бурмистры.

Из приказа Большого Дворца «Бурмистерской палате» 29 сентября был дан именной указ. В нем приведены ставки пошлин за различные операции с недвижимостью и по найму работников. Так с купчих, закладных, поступных и наемных записей, со взятых денег, с 1 р. – по 1,5 к. Если дворы «по прежним крепостям нигде не записаны, и по тем новым купчим и поступным» со взятых денег, с 1 р. – по 3 к. По закладным, «после сроков», с заемных

денег, с 1 р, – по 10 к., да «с истцова челобитья печатных» по 25 к. Если кто у кого нанимает «хоромы» или землю «под хоромы», с «рядных денег» на все годы, с 1 р. – по 1,5 к. «По наемным жилым записям», по которым кто у кого живет в ученье, «какого мастерства или в работе урочные годы», с «рядных денег», с 1 р. – по 3 к. А если «рядных денег» не написано, а сказано, что жить урочные годы «из ученья», «а в работе и за деньги», да кто не «доживет», и наем взять «за недожив, какой заряд, и с того заряду», с 1 р. – по 3 к. Кто у кого живет «в надворничестве безоброчно, и по тем дворничьим записям по 10 к. с записи».

Напоминанием воеводам стал именной указ 5 октября. Они «на заставах, в приездах и отпуске, и досмотре ни в чем купецких людей не ведают и ни для чего к ним не посылают, и нигде проезду не задерживают». А ведают их во всем бурмистры в таможнях. В «Бурмистерской палате» 20 октября «состоялся» именной указ. В Москве «черных сотен и беломестцев с дворов оброчные деньги… ныне и впредь собирать в Бурмистерскую палату». В городах купецкого чина людей ведать бурмистрам, кого выберут «всем городом». Подьячим у них быть, «кто бурмистрам будут годны». В городах отмечены земские, таможенные и кабацкие бурмистры.

Уже в том году именной указ 27 октября объявлял об «учинении провинций»: к Великому Новгороду, Пскову, Астрахани, и к иным таким городам «малые городы и уезды приписывать». Велеть в таких провинциях «настоящих городов земским бурмистрам приписных земских бурмистров, также и таможенных, и кабацких бурмистров по всяким делам ведать и в сборах надсматривать». А сборы собирать «в те настоящие города с приписных, чтобы оттуда к Москве посылались, чтоб с Москвы в те приписные города и уезды ни за чем не посылать». Этот указ вводил иерархию городов: крупных, «настоящих», и небольших, «приписных». Причем земские бурмистры «настоящих» городов контролировали свою братию из городов «приписных». В первые отправлялись доходы из вторых, а Московская «Бурмистерская палата» желала общаться только с земскими бурмистрами «настоящих» (то есть провинциальных) городов. Позже, с учреждением губерний и их делением на провинции, а последние – на «дистрикты» (уезды), это схема заработает в полную силу.

О том, что в сибирских городах «бурмистрам не быть», сказано в именной указе, объявленном 27 октября из Сибирского приказа «Бурмистерской палате». Там по-прежнему оставили таможенных и кабацких голов, и «деловых добрых людей», а за ними «надзирали» воеводы. Причина такого изъятия Сибири из-под власти Московской «Бурмистерской палаты» объяснялась тем,

что в сибирских городах, «некоторых», посадских людей нет, а где есть – те люди «худые, скудные и ссыльные, и за тем в бурмистры выбрать некого».

Именной указ 3 ноября предупреждал, что без государева указа из «Бурмистерской палаты» деньги в расход «отнюдь ни на какие дачи не давать». 17 ноября такой же указ повелел «Бурмистерскую палату писать… Ратушей», а бурмистров писать бурмистрами по-прежнему. Тогда же другой указ распорядился изготовить новую печать уже для Ратуши для «печатания» указов, посылаемых в приказы, города и уезды. Печатные пошлины брать в Ратушу же. По докладной записке Ратуши 15 декабря именной указ велел торговым людям для проезда за границу «листы» выдавать в городах из Земских изб бурмистрам по образцу, взятому из Посольского приказа[64].

В 1700 г. было также принято большое число решений о деятельности Ратуши и бурмистров в городах. Президент и бурмистры в Московской Ратуше 1 января «приговорили»: «Всякие крепости писать в Ратуше» – в «ратушской палате добрым подьячим», а не площадным, «по повытьям». Также в городах «крепости писать» в Земских избах. Речь шла о «крепостях» – документах о праве владения какой-либо собственностью: подрядных, долговых, заемных, сделочных, духовных и т. д. Боярский приговор 8 марта велел брать «со всякой крепости» пошлину в 25 к. Но вот 30 января 1701 г. именной указ, данный Разряду, повелевал в приказах и Ратуше «никаких крепостей не писать, а ведать те крепостные дела и подьячих в Оружейной палате».

«Приговор» Ратуши 8 января 1700 г. предписывал взять в нее из всех городов, из Земских изб книги с 1696 г. «за руками» земских старост, «что, где в каком городе было в сборе с миру и в расходе», то есть приходо-расходные книги. Для их «взятия» в города посылались «нарочные» подьячие. Теперь это должны были обеспечить земские бурмистры. Предусматривался казус, когда в городах может старост и не быть. Тогда следовало эти книги «сыскать в домах и у товарищей их». Если же книг «сказывать не станут», то земские бурмистры и «мирские люди» должны представить «сказки». Особенно Ратушу интересовали суммы расходов на воевод за счет «сборов с мира». Если в «сказках» скажут «неправду, за то им быть в жестоком наказании без всякой пощады, и доправлены будут пени большие». Что ж, Ратушу интересовал приход и расход денег в городах в предыдущий период, особенно это касалось поборов в пользу воевод.

Другой «Приговор» Ратуши 14 января касался использования

«клейменой» (то есть гербовой) бумаги. О том же именной указ 24 мая, который передавал ее продажу в руки земских бурмистров. На эту тему мы будем высказываться в соответствующем разделе.

Президент Ратуши 15 января получил именной указ. В нем говорилось, что торговые иноземцы, которые приезжают в Москву и отъезжают из нее, «ведомы» в Ратуше. «Проезжие листы» им выдавать там же «за ратушской печатью». Как писать эти «листы», следует справиться в Посольском приказе. Ратуше был направлен 17 февраля именной указ о челобитных от «царедворцев, бояр, кравчих, окольничих, постельничих и думных, и палатных людей», то есть от верхов русского общества по поводу «перевоза» пива, сваренного в Москве на дворах чернослободцев, к себе на дворы. С этих челобитных, которые просители «учнут» приносить в Ратушу, следует брать по указу, как и «с чернослободцев и нижних чинов, и беломестцев», печатные пошлины сполна. Однако, именной указ 7 ноября 1701 г. велел забрать печать Ратуши в Печатный приказ, чтобы печатные пошлины собирались только в нем.

1 марта 1700 г. именной указ подтверждал предыдущие распоряжения о взятии «хомутного сбора» с извозчичьих хомутов в городах: с извозчиков, которые возят тяжелые повозки по 1 р., а иные по 50 к. в год с хомута. «Пятнать» хомуты велено в Ратуше.

Ее «Приговор» 11 марта начинался так: по указу Великого государя и приказу президента и бурмистров велено по-прежнему крестьян различных категорий, которые живут в городах на тяглых землях, «платят тягло» и торгуют, – «взять в посады». Если кто из них не захочет, то им на тяглых землях жить запретить, лавок, кожевенных промыслов и откупов не держать и все это продать горожанам. Им разрешалось, по Уложению 1649 г., торговать только на Гостиных дворах, с возов и стругов только оптом. Если же кто захочет записаться в посады, то земские бурмистры должны взять у них «сказки» об их торговле и прислать с их челобитными в Ратушу. В посады их принимать только по указу из последней. Если бурмистры их примут в посад, не дождавшись указа, то на них взыщут пени по 5 р. за каждого человека. Если же те же бурмистры в чем-либо «учинят неправду» – за то им и «лучшим людям» быть в жестоком наказании, и взяты будут пени без всякой пощады.

Проверка приходо-расходных книг прошлых лет выявила «доимку» на головах, «которые были за выбором». Приговор Ратуши 13 марта определил «править» ее на Москве в течение месяца. Те бывшие головы должны были стоять «на правеже». Если в течение месяца они не заплатят, то их отпускали домой и

там эту «доимку» уже должны были «править» земские бурмистры «без всякого милосердия», вплоть до продажи различной движимости и недвижимости бывших голов. Если же этого «не достанет», то «править» на тех, кто их в свое время выбирал. Кто из тех голов «были без выборов», то их отпускали «на поруки». Если же и поручителей не будет, то снова «правеж».

Именной указ 24 мая и «Приговор» Ратуши 5 октября не разрешали выдавать «подорожные» и «прогонные деньги», чтобы пользоваться ямским извозом по воеводским памятям, а также из приказов. «Подорожные» выдавали Ратуша и земские бурмистры в городах (о последнем подробнее – ниже).

В Москве по именному указу 15 июня различные договоры по поводу найма и продажи дворов следовало предъявлять в Ратуше. «Состоявшийся» там же именной указ 19 июня напоминал о порядке взимания пошлин «по торговому уставу». Купцам по торговым делам следовало бить челом на беломестцев в Ратуше. А в «бое» и «обидах» – в приказах, «где кто судим» – определил именной указ 26 июля. Согласие Ратуши требовалось по именному указу 4 июля 1701 г., чтобы не платили пошлин с товаров, привозимых в приказы «в подряде и покупке». Наконец, по поводу продажи табака вышли два именных указа 27 и 31 декабря 1704 г., объявленные из Ратуши. Табак, бывший на откупе у английского консула Ч. Гудфеллоу, велено продавать «на кружечных дворах таким же поведением», как и повелевают указы о винной продаже. Из-за рубежа табак во внутрь России не привозить «далее порубежных городов… и корабельных пристаней… под заповедью больших пени».

Целый ряд распоряжений касался непосредственно бурмистров. Так именной указ 3 февраля 1700 г. повелевал пошлины на торжках и питейную прибыль на землях разных владельцев собирать в казну выборным бурмистрам. Объявленный из Ратуши самарским бурмистрам именной указ 28 февраля поручал им смотреть «с великим опасением, чтоб на Яик вина, пороху, свинца, серы, смолы, железа, укладу и всякого заповедного товара, и беглых людей» торговые люди и казаки не привозили (раньше это было обязанностью воеводы).

Уже упомянутый нами «Приговор» Ратуши 5 октября о «подорожных» и «прогонных деньгах» разрешал в городах бурмистрам выдавать их. Земским бурмистрам сказано, чтобы они на ямскую гоньбу тратили столько, сколько нужно на «прогоны», но не больше. Они должны вести соответствующие приходо-расходные книги и после, «закрепив их своими руками», в первых месяцах нового года присылать в Москву, в Ратушу. Отдавать на откуп сборы, которые ведомы земским бурмистрам,

разрешал именной указ 2 мая 1701 г. Самим, без «отписок» земских бурмистров, бурмистрам таможенным и кабацким «Приговор» Ратуши 12 августа ездить в Москву не разрешал, а также книги и деньги без «отписок» первых не принимались в Ратуше. Обязанностью земских бурмистров по именному указу 26 февраля 1702 г. стало финансирование строительства или ремонта тюрем в городах. «Приговор» Ратуши 1 января 1703 г. предписывал в городах завести «шнуровые» книги, которые выдавались исполнителям «за скрепой» земских бурмистров для сбора таможенных пошлин, записей об употребляемых припасах «по питейной части» и денег.

Три документа 1700 г.: «Наказ» 30 сентября, «Память» 29 ноября и «Статьи» 22 декабря, – формально, посланы брянским бурмистрам из Бурмистерской палаты и Ратуши. Однако они содержат общие для всех городских бурмистров положения. В основном, в них повторены указы и распоряжения, приведенные нами выше. Обратим внимание на новые моменты. Так сказано, что стрелецкие деньги (один из основных прямых налогов), которые ранее были «ведомы» в Стрелецком приказе, теперь собираются в городах в Земские избы и посылаются в Москву, в Бурмистерскую палату (Ратушу). Земские бурмистры, как старшие в городах, должны контролировать таможенных и кабацких бурмистров, чтобы они исправно выполняли свои должности и своевременно направляли в Москву деньги и отчетность. Так ведомости следовало посылать помесячно, а деньги трижды в году: в ноябре, марте и мае. Земских бурмистров предупреждали, чтобы они сами не торговали беспошлинно и предотвращали бы такие же нарушения подчиненных им бурмистров. От них требовали периодически подавать в Москву сведения о всех «оброчных» объектах в городах, а также о торжках и ярмарках в волостях, селах и деревнях. Само собой, оброки и пошлины с них должно было выбирать тщательно. Самые подробные инструкции следовали по поводу взимания доходов с кружечных дворов. Добавлено, что «в порубежных городах» смотреть за «питухами», чтобы они за дешевым вином за рубеж не уходили. Кто из них все же станет там покупать вино, то их «имать» и «учинять» с ними по указу, как с «корчемниками». Кабацким бурмистрам 1700 г. своим сменщикам на 1701 г. «выдать на завод… против того, что, где питейные прибыли соберутся, четвертую долю»: по 25 р. с каждых 100 р. Где «вино порешат ставить с Москвы, а у кого винного курения нет, тем выдать на пивное варенье и на медовые ставки, и на иные припасы против того вполы»: по 12,5 р. на каждые 100 р. Земским и кабацким бурмистрам 1700–1701 гг. приказано «смотреть, чтоб у них вину и всякому питью цены были против

прежних дорогих цен малые, потому что хлеб и иные запасы ныне против прежних дешевле. И от того в Москве, в Ратуше ныне вину цена против прежних подрядных цен учинена мало не в полы». И далее: «Если в городах сверх настоящих цен учинят хоть малую прибавку, а земские бурмистры за кабацкими не усмотрят или учинят то вобче, и за то земских дел и кабацким бурмистрам быть в жестоком наказании, и в пени безо всякой пощады». Также обращено внимание на периодические описания винокурен, их мощности. Запрещено курить «лишнее» вино, по сравнению с обозначенным в указах его количеством. За не присылку сведений или неточность бурмистрам «быть в наказании и в пени, против корчемников».

В «Статьях» приведен конкретный пример, свидетельствующий о нешуточной борьбе в городах по поводу реформы. Так в Веневе земский староста «с товарищи», выбранных там таможенных и кабацких бурмистров, «от сборов отставил» за то, что они им «ничего не дали». А на их место выбрали других, которые дали 120 р. (то есть взятку). По этому поводу вышел именной указ: «Тем злодеям, которые взяли деньги и которые им те деньги дали… велено сказать смерть, и положить на плаху, и с плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады, и сослать в ссылку, в Азов на вечное житье с женами и детьми, и быть им на каторгах в работе». (На этот факт обратил внимание С. М. Соловьев).

Эффективность работы Ратуши по сбору доходов подчеркнул П. Н. Милюков. Он отметил, что в 1701–1704 гг. приход в казну из нее составил 862 и 771 тыс. р., а из приказов – 100–450 тыс. р. [65]

Следующий этап в деятельности Ратуши связан непосредственно с назначением сюда Алексея Александровича Курбатова. Как известно, он предложил ввести в России для письма «во всяких делах крепостей» «орленую» (гербовую) бумагу, то есть стал «прибыльщиком», обеспечившим казне еще один из источников дохода. Причем Курбатов – самый известный «прибыльщик» времен Петра I, и когда говорят об этих людях на память приходит, прежде всего, эта фамилия. О службе Алексея Александровича в Оружейной палате, которая и занималась гербовой бумагой, мы скажем в соответствующем разделе. Но вот 17 ноября 1704 г., будучи уже дьяком, Курбатов сообщил своему начальнику, главе Оружейной палаты, боярину Ф. А. Головину, что ему предстоит переход в другое учреждение. Д. О. Серов полагает, что в основе этого решения лежало желание всесильного А. Д. Меншикова, с которым у дьяка сложились хорошие отношения. Меншиков хотел видеть Курбатова

руководителем одной из канцелярий подчиненной ему Семеновской приказной палаты. Однако, по-видимому, в дело вмешался сам царь. Петр I назначил известного ему и поддерживаемого своим фаворитом Курбатова 9 февраля 1705 г. в Ратушу инспектором, ставшим во главе других инспекторов. Для дьяка Оружейной палаты это являлось явным повышением его служебного статуса.

Приход в Ратушу Курбатова, как мы отмечали, открывал новый этап в ее истории. Петром I была поставлена задача увеличить доходы казны. Надо сказать, что наш герой, в 1704 г. будучи еще дьяком Оружейной палаты, изобличал различные злоупотребления. Так он донес о продаже в московском серебряном ряду фальшивого серебра. Когда ему дали взятку в 300 р. с целью замять дело, Курбатов деньги взял как доказательство «воровства», и начал «розыск» по нему. Но дело передали в Преображенский приказ к князю Ф. Ю. Ромодановскому, что вызвало обиду Алексея Александровича. Он даже писал об этом царю. Также именно ему гостиной сотни Немчинов донес на крупных дельцов торгового мира, братьев Шустовых, скрывавших размеры своего капитала.

Получив должность инспектора, фактически, надзирателя за Ратушей, Курбатов вскрыл и здесь, да и в городах, многочисленные нарушения, о чем он не преминул писать самому Петру I в октябре 1705 г.: от московской таможни с 1698 г. книги в Ратушу не поступали «и бурмистры не считаны, и премногая есть доимка», также «не считаны» бурмистры многих городов по «питейной» прибыли, в городах же от бурмистров «премногие явились кражи вашей казны» из-за уменьшения ими реальных доходов. Далее: «подьячие ратушские – превеликие воры… и берут премногие взятки». В 1706 г. он, произведенный в обер-инспекторы, обвинил ярославских бурмистров в краже 40 тыс. р. Сообщал, что в Пскове местные бурмистры и «лучшие люди» с 1700 г. украли 90 тыс. р. из таможенных пошлин и «питейной прибыли». Однако, надобно было поведать царю и о своих достоинствах. Так Курбатов утверждал, что в 1706 г. его «усердием» в Москве прибавлены 100 тыс. р. к «питейной прибыли». Также он отказался от взятки в 20 тыс. р., которую ему предлагали ярославцы и псковичи.

Вообще же наш герой считал, что самым реальным источником пополнения казны является рост доходов с кружечных дворов. Он заботился как об улучшении их работы за счет более внимательного отношения к обслуживанию клиентов («питухов»), расширения ассортимента «питей», так и ужесточения борьбы с незаконной продажей спиртного (с

«корчемством»).

Ратуша, хотя и продолжала представлять в казну основную долю дохода (по П. Н. Милюкову, в 1705–1707 гг. – 834 тыс. – 1 млн р., по сравнению с приказами – 222 и 22 тыс. р.), но все же Петр I явно стремился перейти к иным принципам сбора казенных доходов. Осенью 1706 г. из Ратуши дворцовые города и слободы переданы в Дворцовую канцелярию. В 1707 г. у нее отобрали сбор налогов в Казани, Астрахани и Азове. Назревала губернская реформа[66].

Итак, 9 февраля 1705 г. вышли «Наказные статьи инспекторам ратушского правления». Приведем их: 1. Надлежит «нижеименованным» рассмотреть «Ратушу московскую» со всеми «ее околичностями и что возможно еще прибавить прибыли без тягости народа». 2. Вместе с Москвой также осмотреть и ближние к ней города, а затем и дальние, «как возможно обнять». 3. Оклады всех сборов и пошлин, «как в московской Ратуше, так и по городам, когда придут в совершенство, отдать бурмистрам с расписками». 4. «Суд и сборы ныне да пребывают у бурмистров так, как было и ныне есть». 5. Если кто, «обретающийся» у сборов, вызывает у «надзирателей» подозрение, то они могут кого-либо другого к тому «приставить, дабы за оным смотреть мог». 6. Приход и расход денег в Москве и городах надлежит «оным надзирателям» открыть и ничего не утаить. 7. «Явившихся» в каком-нибудь «воровстве» в сборе казны или «чрезмерном имании», на кого будет «извет» или челобитная, и о тех «разыскивать оным досмотрителям», и на их места выбирать немедленно иных бурмистров, чтобы дела сборов «текли без остановки». «Дело сие» поручено дьяку Алексею Курбатову «с товарищи». А им писаться: «Инспекторы ратушского правления» Алексей Курбатов «с товарищи».

Как видим, данные «Наказные статьи» произвели реформу Ратуши. Если с 1699 г. в нее бурмистры избирались, и они руководили этим учреждением, то теперь уже были назначены инспекторы, которые должны были назначать в города «надзирателей» за местными бурмистрами, а сами они, разумеется, надзирали за бурмистрами московскими. Ясно, что власть не была довольна деятельностью выборных бурмистров в Москве и городах. Инспекторы и «надзиратели» должны были обеспечить прибавку доходов, не отягощая народ, проверить соответствие окладов сборов и пошлин нуждам казны, за подозрительными бурмистрами установить слежку, а действительно негодных – менять.

Тогда же, 9 февраля, Ратуше был дан именной указ. Он затрагивал случаи, когда в Москве и городах кто-либо из лиц,

«ведомых в Ратуше» и городским бурмистрам, «будет сказывать государево слово», то есть объявит о сведениях, имеющих государственное значение. Их в Москве и из городов следовало присылать в Ратушу. Там Курбатов «с товарищи» их должен был допросить на предмет, «нет ли чего за ними причинного в его государевом здравии»? Если допрашиваемый признавался, то его, более не расспрашивая, следовало отсылать в Преображенский приказ, к стольнику, князю Ф. Ю. Ромодановскому. Если же допрашиваемый, «не ведая» разницы между «словом и делом», скажет «слово», а явится «дело», (то есть допрашиваемый знает о враждебных государю деяниях), а также тому, кто сразу скажет «государево дело» – «указ чинить» в Ратуше инспекторам, и сообщить в Преображенский приказ.

Объявленный из Ратуши 18 декабря 1706 г. именной указ обращался к городским бурмистрам и присланным к ним из Ратуши «надзирателям». Ее теперь волновал вопрос «охранения убогих купецких людей», которым «чинят обиды… пожиточные». Последние «едва не во всех городах» при раскладке различных сборов «на убогих» налагали «платежи тяжкие», не обращая внимания на «скудость» их торгов и промыслов, нарушая государевы указы, где предписывалось при подобной раскладке «имети уравнение». В городах бурмистров о справедливой раскладке просили «убогие». Но бурмистры – сами из числа «первостатейных» – «указу им не чинили». Иные бурмистры, «забыв божий и его, великого государя, страх», бросали просителей в тюрьмы и посредством иных наказаний вызвали «озлобление», из-за чего многие из «убогих вышли в стороны городов». Все это стало ведомо государю, и он указал бурмистрам и всем «лучшим градским купецким людям», чтобы они не обижали «убогих» и впредь раскладку сборов и поборов осуществляли «с общего совету». Разумеется, власть была обеспокоена ростом напряженности в городах ввиду того, что «пожиточные», из которых и выбирались бурмистры, излишне обременяли «убогих» – основную массу городского населения. «Надзиратели» из Ратуши же вовремя их не поправили. В итоге встала угроза бегства «убогих» из городов, что власть позволить не могла. Она призывала до этого не допускать.

В рассматриваемых нами документах появляются упоминания Ратуш в городах. Так в именном указе из московской Ратуши 15 февраля 1705 г. сказано о посылке туда указов. О городовых Ратушах говорится в именном указе из Оружейной палаты 8 января 1706 г., а 20 августа 1708 г. состоялся «Приговор главной Ратуши» (то есть московской). Так в городах Ратуши стали заменять Земские избы.

Сразу же, 9 февраля, Курбатов «с товарищи» занялись проблемой таможенных пошлин и торговли. В этот день вышел «Наказ инспектору ратушского правления» Степану Леонтьеву, который отправлялся в Архангельск, «к ярмарке». Его посылали «ради всякого сбора пошлин и во всяких делах над обыкновенными бурмистрами и всякими же новыми людьми управления». Что ж, инспектор Леонтьев послан в Архангельск с широчайшими полномочиями. А вот и его конкретные обязанности:

когда придут к ярмарке иностранные корабли, он не препятствует иностранцам в городе, которые к кораблям начнут подплывать «навстречу». Кто из них вернется в город – тех «у цитаделей осматривать». Если у них «объявится» с тех кораблей «заморский товар», то его «брать» в казну. У иностранцев, приехавших на кораблях, требовать «накладные» («коносаменты») – то есть списки привезенных товаров. И по ним на кораблях товары осматривать и брать пошлины. А если там окажутся товары, которые в этих списках не значатся, то их также конфисковать. Что будет привезено, или в городе куплено «про дворцовый обиход», то все положить в амбары. Если что-либо будет нужно – сразу отпускать в Москву на наемных подводах. А остальное отправить после окончания ярмарки. Пошлины брать со всех товаров, даже в том случае, если раньше не брали, и пользоваться только наемными подводами. Что касается разных ситуаций, то Леонтьеву дана свобода действий в интересах пополнения казны.

Именной, объявленный из Ратуши 15 февраля, указ требовал строго выполнять условия взимания таможенных пошлин в Москве и в городах. Помимо общего положения об уплате продавцами 5 % пошлины (по 5 к. с каждого рубля цены товара), то же взимается с тех, кто покупает товары в своих городах и уездах, поскольку продают там товары они уже беспошлинно. В Ратуше следует учинить «Статьи о совершенном же всяких сборов охранении от утрат». Далее следовало распоряжение послать указы в московскую таможню и в города бурмистрам, и в местные Ратуши. В них следует строго предупредить, что «за противность» распоряжениям власти последует ссылка «вечная на каторгах работать». Если в таможнях почему-либо о взимании пошлин «в записке не будет», то следует возмещать не взятые пошлины с 1 марта. «А буде которые бесстрашием, презрев Великого государя сие повеление, учинят какую неправду, а на таковых безстрашников из посторонних людей или из их сродников, и из свободных и несвободных рабов известят», то у таких «безстрашников» пожитки и дома, а у кого есть вотчины, «в страх

впредь таковым же неправдивцам» их конфисковать и учинить наказание: сослать с женами и детьми в Азов на житье вечное, а иных по усмотрению на сколько лет или вечно на каторги». «Изветчикам за правое доношение» дать из конфискованных пожитков ¼ долю. Несвободным же «рабам сверх того – свободу». Если кто-либо «уведает» за кем-либо «чью вину, а не известит – и тем утайщикам чинить наказание же»: конфисковать «пожитков и вотчин» половину, а доносителям также давать ¼ долю из пожитков. То же «чинить» за всякие «противности и неправды» кабацким и иных дел бурмистрам, приказным и иных чинов людям, а также «питейным и табачным корчемникам».

Ратуша 29 марта приняла «Статьи о пошлинном сборе», о которых сказано в предыдущем указе. В них повторялись правила взимания таможенных пошлин с продавцов товаров и говорилось об обязательной записи этих процедур в таможенные книги и о предоставлении плативším пошлины таможенных выписей, чтобы торговец мог это доказать. Подчеркивалось, что неявленные в таможне товары в своих домах держать запрещено, тем более – продавать их там беспошлинно. Кроме уплаты пошлин за товар, пошлины брались еще с тех, кто будет его продавать в своей лавке. Также два раза платили пошлины те торговцы, которые собирались покупать товар у «уездных жителей»: при явке денег на его покупку и при его продаже. Крестьяне, привозившие в город продукцию своего хозяйства и промысла «в малом числе»: хлеб, сено, дрова и т. п., – платили пошлины один раз. Не платились пошлины с товаров, которые приказы покупали для своих нужд.

Новые условия продажи табака были определены 4 апреля именным указом из Ратуши. У приказчиков английского консула Ч. Гудфеллоу весь табак «перевеся, описать» и взять «сказки» о его продаже с 1 января «по какой цене». Деньги взять в Земские избы в городах. Там же бурмистрам принять у воевод «черкаский табак», если он у них имеется «в выемке» (то есть конфискованный). Табак отныне продавать кабацким бурмистрам и целовальникам: «фунтовый» по 25 к. за фунт, «витой» по 1 к. за аршин. Условия продажи табака приравнены к условиям винной продажи на тех же кружечных дворах. Сборы от продажи того и другого присылать в Москву, в Ратушу. Наказание за «корчемство» и «нерадение» ответственных лиц предусмотрено то же, что и в указе 15 февраля (см. выше).

Объявленный из Ратуши 13 августа именной указ боярину Т. Н. Стрешневу запрещал откуда-либо «по ратушского ведения делам» посылать людей «к торгу архангельскому, не взяв в Ратуше, кому надлежит, послушных указов». О взимании пошлин

в Архангельске 4 сентября снова упоминал «Приговор инспектора ратушского правления с товарищи». Здесь обращалось внимание на то, что в Архангельске пошлины «имать ярмарочным обхождением, а не посполитых (народных – А. Д.) торгов и иных городов по состоянию для того, что та ярмарка посполитым торгам и прочим городам определена не в пример». (Как видим, подчеркнуто особое значение торговли в Архангельске). Помимо повтора известных правил взимания таможенных пошлин, «Приговор» наставляет, что с иноземцев «пошлину… выдерживать в цене прибавкой на товар, а на русских купцов цены ни под каким товаром не прибавлять», поскольку русские покупают, «кто про себя, а не на продажу», а также из лавок при продаже в розницу пошлин не берут. Но если из лавок будут покупать «большими статьями» или «на перепродажу», то об этих лицах «объявлять в таможнях». Кто не объявит, то оба, «купец и продавец повинны будут».

О порядке содержания лавок сообщал объявленный из Ратуши 23 декабря 1706 г. именной указ. В Москве местные торговцы должны «записать» в Ратуше свои лавки и торговые места, а пошлины платить в январе-марте. Кто этого не сделает, то лавки их конфискуют. В Москве и городах «с лавочных записок» платятся прежние пошлины: по 3 к. с 1 р. оценки лавки, да «отказного» – по 7 к. «с крепости». Если кто продал лавку, а «крепости» не оформил, то «с тех владельцев потому ж платить двойные и тройные (пошлины – А. Д.), до коликого владельца дойдет». Если в «крепости» цена лавки не указана, то ее оценить и брать пошлины. При спорах о лавках, как и при спорах о дворах, с «дворовой записи» – по 10 к. с 1 р. цены, да «с челобитной у печати» по 25 к. с челобитной. Напоминал бурмистрам, чтобы они с оставшихся не проданными товаров не забывали брать пошлины и записывать их в будущем году такой же указ конца 1706 г.

«Из давних лет» в Москве и городах дегтем, коломазью, мелом, жиром, рыбьим салом «ворванным и квашеным», а также смолой в городах торговали откупщики. Объявленный 21 июля 1707 г. из Ратуши именной указ сообщал, что 11 февраля государь запретил торговать этими товарами откупщикам, но «велел… продавать выборным от слобод целовальникам под надзиранием» бурмистров. Сам указ обращал внимание на то, что ямщики в Москве этим торгуют, и что им это запрещается. За нарушение – пеня «против винных корчемников». «Состоявшийся» 9 октября 1708 г. в Ратуше именной указ обращал внимание на торговлю в Смоленске, где тогда находилась «главная армия», товарами, привезенными из Москвы и городов. При предъявлении таможенных выписей об уплате пошлин в Смоленске с продажи

товаров пошлин не брали, поскольку те товары там продавались в лавках, «а не в отвоз», и их покупали военные для личного потребления.

29 октября 1707 г. в Ратуше «состоялся» именной указ, который запретил отдавать таможенные и кабацкие сборы, состоявшие «в ратушском ведении», на откуп разных чинов людям. Откупа могли брать только «знатные и правдивые, и прожиточные люди». Причем поручители по ним также должны были быть, кому «мочно верить». Но вот такой же указ 18 августа 1708 г. разрешал в волостях и селах, «опричь городовых сборов», отдавать на откуп такие же и иные сборы «охочим купецкого чина людям», и при этом не упомянуто об их «прожиточности».

Об еще одном пошлинном сборе упомянул объявленный из Ратуши 25 января 1708 г. указ. Он предписывал брать пошлину «с клеймения» приносимых в Москве, к старостам Серебряного ряда, мастерами «плющильного и канительного дела» своих изделий. Пошлина составляла по 10 к. за 1 фунт. За ослушание следовали штрафы: в первый и во второй раз 25 и 50 р., да во второй раз еще и «батоги». А уж в третий раз мастера ожидало «лишение домовых всех пожитков» и наказание кнутом.

20 октября 1705 г. объявленный из Ратуши именной указ инициировал процедуру составления переписных книг жителей Москвы, городов, слобод и сел, «ведомых в Ратуше». В книги следовало записывать каждого «под своим именем», как «дворного», так и «бездворного», их сыновей, братьев, племянников, внуков и иных «сродников» и «приемышей». Следовало указывать возраст и его ремесленную специальность, о торговцах – где торгует, в своих или наемных лавках, сколько платят оклада «десятой деньги», а также иных платежей в казну. Также необходимо было отметить, где и в каких службах бывали. Для «бездомных» нужно указать, где живут, «нанимаючи в чужом углу», нанимают ли они землю или у кого есть двор в другом месте. Также следовало сообщить, кто «вышел в иные чины». В Ратушу предписано подавать сведения о московских жителях к 20 сентября, о жителях ближних мест – к 1 октября, а дальних – к 1 ноября. Книги присылать в Ратушу, но на местах, в Земских избах, иметь их копии. Если кто: старосты, соцкие, бурмистры, – «сему учинятся противны» и на указные сроки книг в Ратушу не представят, то «повинны будут пени большого определения». Если же в книгах «явится… утайка, или чем иным какая неправда», то вышеназванных ожидает «жестокое наказание» (см. выше, как в случае с таможенным делом).

Нами было отмечено, что вначале сбором доходов от «крепостных дел» ведала Оружейная палата. Но вот 8 января

1706 г. вышел объявленный из нее именной указ. Он передавал их «ведение» «в городовых Ратушах бурмистрам». При этом отмечено, что приказные люди в больших городах, а в «малых» сами воеводы, ранее «к примножению с тех дел казны чинили нерадение», а в правеже пени «для своей воли чинили всегдашнюю остановку». Также «письму тех дел чинилось немалое помешательство», а жителям, «паче торговым людям в промыслах остановки и убытки, и сбору с тех дел казне утраты». Теперь бурмистры должны забрать себе указные статьи и записные книги, а также сбор денег из Приказных изб (подчинялись в городах воеводам), и в своих Ратушах определили подьячим, «где нет особых писчих изб, особые столы». Само собой – бурмистры должны смотреть за этими подьячими, чтобы от них в письме крепостей не было бы «никаких слабостей» и «сверх указного в казну сбора себе взятков не брали».

Вначале содержание этого указа было повторено в таком же указе 16 марта. В конце земских бурмистров предупреждали, если в этом деле они проявят такое же «нерадение», как прежде воеводы и приказные люди, и в «крепостных сборах» появятся «недоборы», то их, а также неполученную прибыль, доправят на них и «лучших градских людях, которые их в земские бурмистры выбрали», а также с них будет взят большой штраф. Но вот вырученные деньги в начале января и июня они должны посылать в Москву, но не в Ратушу, а «к московским крепостным делам» (в образованный новый орган). Именной указ 15 октября 1707 г. уточнял, что в 1706 г. «крепостные дела» стал ведать «обер-инспектор ратушского правления» (Курбатов). На местах этим занимались земские бурмистры, о чем сказано выше.

25 октября 1707 г. в состоявшемся в Ратуше именном указе назван тот новый орган: «Приказ крепостных дел». Этот приказ сразу же «уведомился», что в Москве «крепостных дел писцы, а иные и надсмотрщики, в палатке тех дел бывают не по вся дни, а другие, и побыв малое время, выходят, свои дела не исправя». И по указу государя «обер-инспектор ратушского правления» Алексей Курбатов приказал крепостных дел «надсмотрщикам» и писцам «приходить к письму крепостей в палатку с сего 25 октября и чрез все зимнее время в начале первого часа дня, а конечно в последней чети вседневно. А работать всем до полудня, а от полудня оставаться одному надсмотрщику, да по четвертой части писцов». «Ослушников» Курбатов приказал держать в той «палатке» сутки «за караулом» в первый раз. Во второй – то же, но «скованными», в третий раз – то же, но трое суток, да еще бить их «батоги». В четвертый раз нерадивых ожидали «батоги» и отставка от дел.

Объявленный из Ратуши 15 апреля 1706 г. именной указ определял порядок письма челобитных, не принадлежащих «к крепостным делам». Раньше всем нуждающимся их писали подьячие, которых «за пьянство, а иных за воровство по наказанию от приказов отставляли». Они вымогали за свою работу большие суммы, от чего людям, «а паче крестьянам, чинились убытки и волокиты». Теперь для письма подобных челобитных в Москве определены И. Жабин «с товарищи» (10 человек). Жабин назначен в старосты, а остальные названы «челобитными писцами». О челобитных они будут записывать в особые книги с указанием взятых за труды денег и подписью старосты. Деньги эти следует «класть в ящик». Книги и деньги они должны приносить помесячно в «Приказ крепостных дел», а им будет определено жалование. Сидеть этим писцам «в палатке Ивановской, при делах крепостных, в особом столе». «Надсмотрщики крепостных дел» должны их контролировать.

Ратуша уделяла много внимания повышению доходности кружечных дворов и борьбе с «корчемством» (о чем свидетельствует и историография). 30 мая 1705 г. именной указ, подтверждающий прежние распоряжения, предписывал «вынимать» «корчемные питья из Ратуши… не ссылаясь ни с которыми приказами и всяких чинов людьми». Кто «корчемные вино, пиво, мед и табак продают или понаровку чинят» – с ними поступать по указам. 12 июня такой же указ «состоялся» в Ратуше. Он разрешал «сбор питейной прибыли» (также и таможенные сборы) до 100 и до 1000 р. отдавать на откуп «таким людям, которые от своего к послугам усердия, желая Великого государя милосердия, обязаться будут, что все, что соберетца, объявлять без утайки». «Надзирать» за ними бурмистрам, а деньги принимать в Ратуше.

Большой наказ «выемным головам» вышел 7 июля. Им, «едучи от Москвы в города» и обратно, в разных уездах, на землях разных владельцев следует «усмотреть о корчемной винной, пивной и табачной продаже», и «чинить по статьям»: 1. С «корчемников править» «пенных денег» (то есть пени) по 25 р., да за донесение 5 р., «солдатских выемных» (солдатам, участвовавшим «в выемке») по 3 р. Да в тех селах, волостях и слободах, где «корчемники явятся», «править» на приказных людях пени по 10 р., на старостах и «выборных лучших людях за их не усмотрение, сверх корчемников» по 5 р. на каждом. 2. Если у «корчемников пенных по указу взять нечего», то «править» на тех же старостах и выборных. 3. «Явится в корчемстве всяких чинов из знатных людей», то у них пожитки и «винные заводы» переписать и отписать до указа на государя. 4. Где «явятся

черкасы» с табаком или вином, то их расспрашивать. Если окажется, что они стояли в каких-то вотчинах с ведома приказчиков, то на последних «править» по 50 р., а на старостах – «вполы». Если же на приказчиках «взять пенных денег нечего», то их «доправить» на крестьянах всей той вотчины и их бить «батоги нещадно». Если же приказчики и раньше «такое чинили», то их пожитки взять в казну, а их самих посылать в Ратушу. 5. На «черкасах пенные деньги брать по указу». Также у них забирать пожитки и лошадей, «и бить батоги нещадно». После же освободить. Если они сообщат, что в вотчинах стояли с ведома хозяев, то вотчины отписать на государя. 6. Если в вотчинах «явятся» крестьяне в корчемстве, то их расспрашивать «с известным испытанием накрепко» (то есть пытать): «ведали» ли о том их помещики? Пени «доправить» на них «и лучших крестьянах и старостах за их не усмотрение». 7. Если «корчемники» признаются, что обо всем их помещики «ведали», то вотчины отписать на государя. 8. «Кто из гулящих людей явится в корчемстве, на которых пенных денег взять нечего», их бить кнутом, во второй и третий раз – присылать в Ратушу для «их ссылки». 9. С признавшихся в том, что покупали и пили «корчемное вино», брать по 5 р., а с «самых скудных» – по 1,25 р. с человека, и «учиня наказание», освободить. 10. Обнаруженные в уездах всяких чинов людей «винные заводы» с оборудованием переписать и брать с владельцев «сказки»: по какому указу и когда те заводы построены, на чьей земле и «на подряд куда вино готовили, и сколько, куда ведер поставили, и какой ценой». 11. Во всех владениях «винные кубы» (оборудование) у крестьян переписать, собрать вместе и отвести в город, отдавая там с расписками бурмистрам. Если «в отдаче кубов учинятся противны», то о них писать в Ратушу, а к ним будет «жестокий» указ. 12. «Выемные головы» должны все «чинить по сему наказу без всякого поползновения и мздоприятия». Если же в чем провинятся, то их накажут, как «корчемников». 13. «Пополнение» казне следует «чинить в правду», а также, помимо наказа, по необходимости «управлять» делами. Везде также отмечено, что о всех своих шагах сообщать Ратуше.

Именной указ 15 сентября в своей основе представляет собой «горькую филиппику» на данную проблему. Так прежние головы (которые ныне бурмистры и целовальники), «забыв божий, потом и государский страх, будучи на кружечных дворах, в сборе казны не радеют или какую хитрость чинят, а казной сами корыстуются, или с кружечных дворов безденежно вино, пиво, мед воеводам и приказным людям, или кому-нибудь отдают». Далее следовало упоминание о наказании, которое слово в слово повторяет

подобную сентенцию при сборе таможенных пошлин (см. выше). У иноземцев же за подобное приказано конфисковать имущество и их ссылать, «куда великий государь укажет». Далее приведены новые факты: «А в иных городах и сами кабацкие бурмистры, наготовя вина много на продажу, писали, крадучи, излишние себе деньги продажей в книги с убавкой и цену продажам записывали неравную». Вместе с ними «многие воровства» «чинят» и целовальники. Это видно по заведенным в Ратуше делам, да и иных городов бурмистры и целовальники сами «винились, что ради себе многого прибытка так воровски чинили и казенные деньги по себе делили». «Корчемство указами запрещено, а истребиться и доселе не может».

В 1708 г. была поднята другая тема. Так 5 августа объявленный из Ратуши именной указ сообщал: «Ведомо» там «учинилось», что на кружечных дворах вино, пиво и мед на продажу «держат самые плохие». От этого в сборе «питейной прибыли есть немалые недоборы». Земским и кабацким бурмистрам приказали «смотреть накрепко», чтобы питье было «самое доброе». Из Ратуши также будут посланы «нарочные посыльщики досматривать» за этим. Нарушителям указа грозят большие штрафы и жестокое наказание, да «за питье» взыщут по продажной цене «вдвое», а также «недоборные деньги». У бурмистров, «смотря по вине», пожитки, лавки, дворы и «заводы» конфискуют.

Главная (московская) Ратуша 20 августа «приговорила»: в поморских городах, «которые в Ратуше ведомы», на посадах и в уездах осмотреть и описать на кружечных дворах оборудование и «всякую посуду». Что есть из этого у кого в доме – отдать на кружечные дворы после оценки и уплаты «по настоящей цене», чтобы «корчемной продажи не было». Земские и кабацкие бурмистры отвечают за то, чтобы всяких чинов люди на посадах и в уездах «вин у себя на дворах не курили, чтобы корчмы не было»[67].

Между тем, деятельность Ратуши, даже после назначения туда обер-инспектором Курбатова, Петра I не удовлетворила. Историки отметили, что в 1707 г., в условиях ухудшения «финансового положения страны», царь стал готовить губернскую реформу, задачей которой являлось, прежде всего, повышение казенных доходов. Вообще же о ней он, очевидно, думал и раньше: не случайно Меншикова в официальных документах именовали губернатором (реально Ижерской земли).

В этой связи Курбатов вступил в полемику с самим государем. Петр столь высоко ценил Алексея Александровича, что спорил с ним корректно и на равных. Курбатов считал, что

Ратушу, как орган централизованного сбора налогов, следует сохранить. Правда, создавая Ратушу в 1699 г., Петр I не сделал ее «единственным финансовым ведомством». Наряду с ней, ряд приказов сохранял подобные функции. Но мы уже отмечали, что Ратуша собирала гораздо больше доходов, чем приказы. Царь же, задумывая губернскую реформу, желал укрепить местную власть (на необходимость этого шага указывают историки, что показали астраханское и булавинское восстания) и, создав крупные территориальные единицы, поручить их главам сбор доходов с подведомственной территории.

Губернская реформа положила конец Ратуше, как центральному органу. В 1708–1709 гг. она еще выполняла эту функцию, принеся, по П. Н. Милюкову, в казну по 950 тыс. р. (а приказы – 78 и 46 тыс. р.). Но в 1710 г. она окончательно стала лишь органом самоуправления в Москве. Курбатов же в 1711 г. был назначен Петром I вице-губернатором в Архангелогородскую губернию[68].

Учреждал губернии именной, объявленный из Ближней канцелярии 18 декабря 1708 г., указ. Губернии созданы «для всенародной пользы». Назначенным губернаторам «велено… в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему, Великому государю, о тех губерниях готовыми быть». Далее приведен список из восьми губерний: Московской, Ингерманландской, Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской, – а также списки городов, вошедших в губернии.

О том, что Ратуша в 1709 г. еще исполняла всероссийские функции, напоминают два указа. Так 4 января именной, «состоявшийся» в Преображенском приказе, и последовавший «на основании оного Приговор» Ратуши, подтверждал, что «купецких людей» ведать по-прежнему в ней. Без ведома Ратуши их ни в какие службы не назначать и в крестьяне дворцовых владений не записывать. Однако, те города, которые «по указу ведомы» обер-комендантами и воеводами, в их ведении остаются. Другой «Приговор» Ратуши 16 марта, объявленный «приказу Крепостных дел», подтверждал, что 4 «надсмотрщикам» и 20 «писцам» там быть по-прежнему. «Преж сего» писцы за «неисполнение и указам презрение» были биты перед приказом кнутом и «батожьем нещадно», и от дел «отрешены». Новые писцы должны это усвоить и правильно исполнять свои обязанности. Однако, и в 1710 г. известен «Приговор» Ратуши 28 октября Он предписывал посланным в города подьячим «доимку прошлых лет с начала Ратуши по 1707 год на таможенных и кабацких бурмистрах доправить». Кто из них оплатить не сможет, у того конфисковать

пожитки и недвижимость, а за «самых скудных» – «доправить на лучших и всех посадских людях», поскольку они тех бурмистров выбрали[69].

В заключение приведем роспись доходов и расходов, представленную в именном указе 27 января 1710 г., данном из Ближней канцелярии. Мы понимаем, что в деле прихода денег в казну была использована традиция, связанная с Ратушей. Итак, губернских доходов оказалось 3 млн 52 тыс. р. Весь расход определялся в 3,8 млн р. (основные статьи: полевая армия – 1,2 млн р., гарнизоны – 978 тыс. р., флот – 444 тыс. р. и артиллерия – 223 тыс. р.)[70] Ратуши в городах и в дальнейшем выполняли функции местных органов самоуправления.

Учреждение Петром I Ратуши в Москве, как центрального органа, ведающего сбором большей части податей и пошлин, и выборы в нее бурмистров, равно как и в городах, имело целью значительно повысить доходы казны, в том числе путем существенного снижения казнокрадства и взяточничества воевод, приказных людей и ответственных за сбор податей, и пошлин. Это сопровождалось выведением горожан и части сельских жителей из-под власти воевод. В первоначальном указе царь обращался к «купецким и промышленным» людям, понимая, что они больше всего страдают от воеводского лихоимства. Разумеется, именно из «лучших» и «прожиточных» посадских тяглецов выбирались бурмистры. «Второе дыхание» Ратуше придала ее реформа, назначение в не инспекторов (во главе с Курбатовым), которые должны были усилить работу по извлечению доходов, да и пресечь уже факты казнокрадства и взяточничества бурмистров и их подчиненных. Основное внимание уделялось сбору таможенных пошлин и извлечению дохода с кружечных дворов (в связи с чем – борьба с «корчемством»). Новая структура дала положительный эффект, но государь рассчитывал на большее. Поэтому была предпринята губернская реформа, чтобы укрепить местное управление и опять-таки еще более повысить доходы казны. Московская Ратуша, как и Ратуши в городах, стали исполнять функции местного самоуправления.

Глава шестая. «Из потешных»

«Марсовыми потехами» Петр I увлекся в ранней юности. Известно, что в селе Преображенском, где он проживал тогда с матерью, царицей Натальей Кирилловной, уже в 1685 г. стоял «Потешный городок», правда, состоявший только «из двух избушек». Но вот в 1686 г. там уже строятся стены, башни, через Яузу сооружены мосты[71]. Понятно, что эти работы должны были возглавляться определенным органом. Им являлась «Потешная изба». Она просуществовала в 1686–1695 гг. и занималась различными делами Преображенского полка. В 1695 г. происходил первый Азовский поход. Царь выступил из Москвы 28 апреля. Известно, что в 1695 г. «Потешная изба» была преобразована в Преображенский приказ, что могло произойти до отъезда Петра в поход. Приказ возглавил стольник, князь Федор Юрьевич Ромодановский. Этот орган имел «функции дворцовой канцелярии, следствия и суда по особо важным делам и охраны порядка в Москве»[72].

Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина утверждают, что «Потешная Преображенская изба» поначалу возглавила «управление Преображенским и Семеновским полками». Однако, известно, что существовала учрежденная между 1688 и 1693 гг. Семеновская изба (затем приказная палата), ведавшая делами этого полка[73]. Данное уточнение для нас важно для последующего изложения темы.

Преображенский приказ являлся «ведомством по особым поручениям», а после второго Азовского похода 1696 г. Петр I передал ему «исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям на всей территории государства». Однако, столь грозный, прямо скажем, страшный для своего времени орган власти занимался и вопросами контроля за казенными доходами.

Как известно, до Петра I курение табака и торговля им находились в России под строгим запретом, за нарушение которого следовало суровое наказание. Но вот Петр и его окружение пристрастились к этой привычке, и в 1697 г. торговля табаком и его употребление стали разрешены. Причем в стране имел хождение табак как привозной из-за границы, так и малороссийский («черкасский»). Были определены пошлины при продаже товара: с «виргинского» по 10 и 15 к., а с «черкасского» по 5 к. с фунта. В именном указе 1 февраля также сказано, что пошлинные сборы с продажи табака «ведают» приказы Большой Казны и Преображенский.

В то время царь вояжировал в Европе, формально инкогнито, но общаясь с отправленным туда официально Великим посольством. Не сразу, но в том же 1697 г. монопольная торговля табаком была предоставлена гостиной сотни Мартыну Богданову «с товарищи». Грамота им дана 15 апреля. Торговать табаком разрешено с 1 декабря 1697 по 1 декабря 1698 г. Пошлины с продажи фунта товара указаны такие же, как и раньше. Подтверждено, что табачную монополию курирует Преображенский приказ.

23 июня в Преображенском приказе был объявлен именной указ Сибирскому приказу, поскольку речь шла о Сибири. В нем упомянута грамота Богданову «с товарищи», которая была им выдана в Преображенском приказе. Монополисты в Сибири имели право торговать табаком только в городах и за деньги. Особо отмечено, что «в ясачные улусы» к инородцам табак не привозить и на пушнину не менять. В качестве причины такого запрета сказано, что иначе сборы «ясачной казны станут умаляться». Далее следовало строгое предупреждение местным детям боярским и служилым людям также не привозить табак «в улусы» «под смертью». У кого из них его обнаружат, то у них «животы» будут взяты в Съезжую избу, а их самих будут держать «за караулом».

О монополии Богданова «с товарищи» сказано и в именной указе 3 марта 1698 г. Причем во всех городах их местные власти «ни в каких делах не ведают», а «ведают» их только в Преображенском приказе. Здесь же отмечено, что компаньоны могли торговать во всех городах и уездах, «опричь черкасских городов» (то есть на Малороссию их монополия не распространялась). Но этот указ 3 марта объявлял, что с 1 декабря 1698 г. монополия Богданова «с товарищи» заканчивается и табачная продажа станет проводиться в городах, волостях и селах, где есть кабаки, «на вере», и ее будут вести головы и целовальники, выбранные для службы в казенных кабаках. Далее табачная продажа по договору 16 апреля 1798 г. перешла в руки английской табачной компании во главе с маркизом Кармартеном, которая обязалась монопольно поставить в Россию в 1699–1701 гг. 14 тыс. бочек табака по 500 фунтов в каждой (то есть 7 млн фунтов), уплачивая более низкую пошлину по 4 к. за фунт, да отдавать ежегодно в казну по 1 тыс. фунтов табака. Причем грамоты об этой монополии в города посылались также из Преображенского приказа[74]. Зачем царь поручил органу, ведавшему политическим сыском, курировать приход в казну денег от продажи табака? Причина в том, что Петр всецело доверял Ромодановскому, а в течение трех лет ожидалось

поступление 280 тыс. р. Правда, англичане привезли табака меньше, да и его реализация шла с проблемами в течение ряда лет.

В 1703 г. была образована Семеновская приказная палата. Понятно, что она была преемницей Семеновской избы, иначе зачем было использовать это название? Авторы отмечают, что она должна была «ведать различными оброками, некоторыми прямыми сборами (введенными по большей части впервые), а также управлением новозавоеванными территориями Северо-Запада». Ее возглавлял А. Д. Меншиков. Здесь начали свою административную карьеру будущий «управитель», позже вице-губернатор Московской губернии, В. С. Ершов и обер-фискал А. Я. Нестеров. Вообще деятельность палаты связывается с инициативами «прибыльщиков», которые предлагали царю различные проекты по повышению казенных доходов. И. А. Желябужский в своих «Дневных записках» к «прибыльщикам» относил вышедших из холопов А. Курбатова, С. Вараксина, В. Ершова, А. Нестерова, И. Жидовинова. Авторы прибавляют бывших «потешных» А. Синявина и П. Кикина.

Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина отмечают, что структура Семеновской приказной палаты (они называют ее «канцелярией») «была сложной». Палата состояла из канцелярий по видам оброчных сборов: мельничный, банный, рыбный, медовый, конский, ясачный, постоялый и дворцовых дел. Они подчеркивают, что создание этой палаты «способствовало дальнейшему сужению функций старых приказов». Мы не можем согласиться с выводом авторов, что Семеновская приказная палата затем получила название «Ижерской, а еще позднее Ингерманландской канцелярии» То же можно сказать и об утверждении П. Н. Милюкова, что Семеновская приказная палата носила также название Ижерской канцелярии поскольку Меншиков являлся губернатором Ижерской земли[75]. Здесь требуется уточнение.

Обратимся к источникам. Поскольку первым в них упомянут сбор с торговых и домовых бань, то и мы начнем с вопроса банного сбора. Именной указ 7 января 1704 г. объявлял, что во всех городах и уездах с торговых и домовых бань денежный сбор «ведается» в Ижерской канцелярии. Причем назван и ее глава: «Светлейший российский князь Ижерские земли и генерал-губернатор над провинциями Ингриею и Эстляндиею, его царского величества государственных дел министр и генерал, главный над всей кавалерией, кавалер и подполковник Преображенского регимента и капитан компании бомбардирской от первейшей гвардии его величества, и полковник над двумя

конными, и над двумя пехотными полками Александр Данилович Меншиков». Выше мы отмечали, что авторы считают его главой Семеновской приказной палаты, а он еще являлся и главой Ижерской канцелярии. Следовательно, предположение Н. Б. Голиковой и Л. Г. Кислягиной, что Ижерская канцелярия есть преемница Семеновской приказной палаты неверно: они существовали одновременно. Но каковы их взаимоотношения? Об этом – ниже.

Вернемся к указу 7 января. Меншикову как главе Ижерской канцелярии даны «статьи» по вопросу о взимании банного сбора: 1. В разных городах торговые бани отданы на оброк разных чинов людям на 5–10 лет и более. Однако дачи проводились по жалованным грамотам и из Конюшенного приказа. «Иные» же владеют банями «из монастырей и от всяких чинов людей». Главное – оброки в казну не платят. Приказано, прежде всего, на Москве, их «переоброчить» вновь и отдать из торгу на 3–5 лет, не более. 2. Бани, построенные «на оброчных крепостных дворовых землях», если срок оброка не минул, не «переоброчивать». 3. Кто захочет на «порозжих землях» вновь строить бани, и им это делать. Но чтобы они были в удалении от старых бань, дабы у них не возникало «недобора» в платеже оброка. 4. В городах, в дворцовых селах и в подмонастырских слободах у всяких чинов людей «на дворах баням своим ни у кого не быть». В поселениях, где 500–1 тыс. дворов, построить вновь торговые бани и отдать их из оброка «охочим людям» на урочные годы. Если таких не найдется, то бани строить бурмистрам и быть у банных сборов верным головам и целовальникам. Если все же в городах и тех поселениях жители «своим упрямством» в своих домах «учнут» держать бани, то их «ломать», и за это брать еще и пени по 5 р. с человека. 5. Если на оброчные бани найдутся желающие платить больший оброк, то им их отдавать после «переоброчки», то есть за большую сумму оброка. 6. Оброчники могут платить банный оброк вперед за полгода и год. 7. Их «ведать» по всем вопросам в Ижерской канцелярии. 8. Запустевшие почему-то «банные места» также отдавать из оброка. 9. В городах, где торговых бань не имеется, их строить и отдавать «охочим людям» из оброка. 10. Оброчные деньги с бань за этот год, уже взятые в различные приказы, оттуда забрать. Далее говорилось о жаловании персонала, которое должно быть «против» подьячих Ижерской канцелярии, о разных накладных расходах. В конце сказано, что с воевод и бурмистров, которые в этом деле «будут ослушны» брать «пени, смотря по делам».

Как видим, данный указ передавал банное хозяйство в части взимания оброка в ведение Ижерской канцелярии.

Примечательно, что в городах и ряде поселений разрешались только торговые бани, домовые предписано там сломать.

Но вот в тот же день, 7 января, вышел другой именной указ, объявленный из Разряда Сибирскому приказу. В нем сказано, что «для нынешнего военного времени» в Великом Новгороде и Пскове, да и во всех городах, в которых нет торговых бань, их построить вновь из Земских изб бурмистрам, «против московских торговых бань», и отдать на оброк «охочим людям», и по ним брать поручные записи. Далее – с 1 января 1704 г. «всех городов» банные сборы ведать Семеновской приказной палате и со старых, и с вновь построенных бань. Сибирскому приказу указ предназначался, поскольку касался в том числе и Сибири.

Возникает вопрос: в один и тот же день выходят два именных указа – один подробный, вручающий банные оброки Ижерской канцелярии, а другой краткий, но предусматривающий то же для Семеновской приказной палаты? По нашему мнению, последняя являлась «верхним» учреждением и выполняла роль приказа. Ижерская канцелярия же – инстанция подчиненная, в данном случае – ее часть, занимавшаяся оброком с бань. И. А. Желябужский даже назвал, кто ведал им: стольник А. С. Синявин (что подтверждается нашими источниками).

Именно ему 9 февраля 1704 г. был предназначен именной указ. Здесь снова отмечено, что «всего Московского государства бани» и с них сборы «ведать» в Ижерской канцелярии. В нем даны распоряжения в городах и селах, у всяких чинов людей, вплоть до крестьян «домашние бани переписать», то есть распоряжение об их «сломе» в городах и некоторых поселениях отменено. Теперь и с домашних бань следует брать денежный сбор: с думных чинов и гостей по 3 р., с дворян, приказных, торговых людей, «церковного чина» и «боярских людей» по 1 р., а с крестьян по 5 к. с бани в год, Кто захочет построить бани – подавать челобитные в Ижерскую канцелярию. Если кто построит баню, не бив челом и желая не платить оброк – с того брать пени по 50 р. с бани.

Известный именной указ 9 января 1705 г. переименовал Семеновскую приказную палату в Ингерманландскую канцелярию.

Ранее, 5 января, последовал именной указ, состоявшийся уже в ней. Он был посвящен уменьшению ставок оброка с домовых бань во всех городах и уездах «с маломочных и скудных служивых, с драгун, с детей боярских, однодворцев, солдат и пушкарей, казаков, ямщиков и иных нижних чинов людей, а именно, с церковных дьячков, пономарей, сторожей и с просвирниц, у которых домашние есть бани, а на прошлый 1704 год с тех бань за скудостью против указанных рублевых денег не

платили и платить с правежа нечем». С этих категорий населения, с домашних бань, теперь предусмотрен оброк по 15 к. с бани в год. О гостиной сотни торговых людях «справиться с Ратушей». «При справке», кто имеет «пожитков» на 50 р. и более, и с их домашних бань брать оброк в 1 р. в год, а у кого «пожитков» меньше 50 р. – с них брать по 15 к. У кого с домашних бань раньше велено брать по 3 р. в год, то же продолжить. А кто от чего-либо «придет в убожество и скудость», и с них оброчные деньги «складывать».

Новый именной указ, состоявшийся в Ингерманландской канцелярии 12 июня 1705 г., снова касался размера оброчных денег: в городах, с дворцовых, патриарших, архиерейских, монастырских, помещичьих и вотчинничьих, и иных чинов людей с крестьян и деловых людей с домовых бань на 1705 г. и впредь платить оброк по 10 к. в год. То есть частновладельческие крестьяне разных категорий стали платить в два раза больше (с 5 до 10 к.)

В ответ на реляции из городов воевод и земских бурмистров А. Д. Меншиков 13 июня объявил свой «приговор». В канцелярию (ясно, что Ингерманландскую) те прислали переписные книги всяких чинов людей домовых бань. Часть из них являлись общими, то есть ими пользовались лица из нескольких дворов. И встал вопрос: брать оброк с бани, или с каждого пользующегося ею человека? Меншиков смилостивился и велел брать оброк «с одного человека за одну баню, а не со всякого человека порознь». По сведениям известного петровского дипломата, князя Б. И. Куракина, ежегодный доход с торговых и домашних бань составлял тогда 40 тыс. р., П. Н. Милюков приводит цифру в 50–55 тыс. р.[76]

Имея в виду русскую традицию париться в бане, когда, в идеале, она должна была быть у каждого двора, и богатого, и бедного, оброк с домовых бань со всего государства составлял достаточно внушительную сумму.

Подробный именной указ, объявленный из Семеновской приказной палаты 6 января 1704 г., касался рыбных ловель: во всем государстве, которые были на оброке и «безоброчные», а также данных помещикам и вотчинникам «за службу по жалованным грамотам» в вотчинные или поместные оклады, «вместо четвертной пашни, а иные в угодья». Словом – «все, что ни есть, взять на великого государя и отдавать из Ижерской канцелярии дел рыбных ловель» откупщикам на оброк с торга из наддачи, «с добрыми поруками, кто больше даст». Если новых откупщиков не будет, то рыбу ловить по-прежнему. В городах и уездах у владельцев взять списки по переписным книгам и сверх

них в новопостроенных селах и деревнях выяснить, сколько, где рыбных ловель «в реках, речках, озерах и истоках», указать размеры рек и водоемов, какой бывает улов, какими снастями и на каких судах, по сколько человек промышляют. Если кто «ложно что скажет, то будет бит кнутом и сослан на каторгу». Где рыбные ловли «безоброчные», там велеть их оброчить с торга из наддачи, с которой с оброчников каждый раз «прикладывать» откупных пошлин по 5 к. на каждый 1 р. Со всего откупа брать в год печатных пошлин по $^1/_8$ к. с 1 р., а с челобитных по 26 к. в год с человека. Оброк откупщикам платить за те рыбные ловли в Москве, в «Ижерской канцелярии дел рыбных ловель». Челобитные писать на гербовой бумаге и брать за лист по 2 к.

Далее указаны суммы годовых оброков с рыбных ловель, считая расстояние от Москвы: в 100 верстах по 20 р., в 200 верстах по 40 р., в 300 верстах по 60 р., в 400–500 верстах по 150 р., в самых дальних местах по 300 р., а больше той суммы не требовать. Если кто-либо «в не оброчных» водах будет ловить рыбу «утайкой или насильно», то его приводить к местным воеводам и приказным людям и по розыску «править в десятеро», а если дойдет до пытки – пытать. Для надзора за правилами ловли и уплатой оброка местные бурмистры должны выбирать голов и целовальников. Если откупщики с торга будут давать по 10 р., то им отдавать воды на 1–2 года, по 100–300 р. – на 2–3 года, если же 500 р. и больше – на 5 лет, а больше этого срока не давать.

В конце указа отмечено, что следует описать и «пруды с саженной рыбой» (то есть прудовые хозяйства) и отдавать их местным крестьянам также на оброк. Ведомости об оброчных делах отсылать в «Ижерскую канцелярию дел рыбных ловель» губернатору А. Д. Меншикову. За нарушения в отчетности грозили смертной казнью, а за «понаровку» и напрасную «посяжку» – торговой казнью «без пощады».

Как и с банными сборами, подробный указ сосуществовал с общим. Так 18 января именной указ, объявленный из Семеновской приказной палаты Разряду, отмечал, что во всем государстве рыбные ловли с оброком и денежными доходами ведать в этой палате. В нее следовало присылать окладные книги и всякие ведомости. Подьячие, которые ранее занимались этими вопросами, направлялись сюда же к губернатору А. Д. Меншикову. Специально рыбными ловлями ведал, по И. А. Желябужскому, П. В. Кикин, о чем указано и в источниках.

Состоявшийся в Ижерской канцелярии 30 сентября именной указ предписывал с оброчников рыбных ловель брать сказки на гербовой бумаге, а имена их поручителей записывать в книги.

Оттуда же 11 октября вышел именной указ, обращавший внимание на случаи, когда прежние владельцы рыбных ловель «за стачками и заговором» не захотят их взять себе на откуп. Тогда их следует отдавать им на оброк.

1 января 1705 г. вышли «Статьи об отдаче рыбных ловель на откуп», повторявшие положения указа 6 января 1704 г. Отмечено, что «сказки» о рыбных ловлях воеводы за своими руками должны присылать в Москву, в «Ингерманландскую канцелярию к делам рыбных ловель». Во всех городах и уездах по рекам и речкам следует описать «плавучие садки с рыбой» и положить на их владельцев оброк – требовал именной указ, составленный в той же канцелярии 1 июня. Сюда же следовало присылать и описи. 2 ноября подобный указ касался ловли рыбы «самоловами» и взимания с них оброка. А. Д. Меншиков 2 января 1706 г. «приговорил», чтобы воеводы на местах проверили: нет ли «сверх росписи» рыбных ловель, если есть – то их описать и допросить владельцев, с какого года они ими владеют. Отдавать те ловли на оброк дворцовым крестьянам на 2–3 года. Если они не захотят, – то «охочим людям» с условием уплаты оброка дважды в год: через полгода и в конце года. В целом, князь Б. И. Куракин, писал, что «рыбная канцелярия» могла в год собирать до 100 тыс. р. П. Н. Милюков определял сбор более скромными суммами: и 22, и 65 тыс. р.[77]

Передача на оброк, сумма которого за речку или озеро могла доходить до 500 р. в год, делала рыбные ловли, так же как видим, весьма доходной статьей бюджета. Рыбу-то ловили повсеместно, и она являлась постоянной составляющей пищевого рациона всех категорий населения.

Из Семеновской приказной палаты 25 января 1704 г. был объявлен именной указ Разряду. Во всех городах и уездах с домовых «пчельных заводов» и «бортных ухожаев» следует брать оброки и «переоброчивать» новые. Для этого сбора устроить «особый приказ и писать его Семеновской канцелярией». Дела эти «ведать» Парамону Старцеву. Ему «для посылок» придать из московских чинов людей и подьячих, сколько понадобится. Об условиях оброков и переоброчек сказано в данных Старцеву из Семеновской приказной палаты статьях. Ему же с мест должны быть посланы оброчные и окладные книги «тем оброчным статьям бортным ухожаем и пчельникам со всего Московского государства и черкаских», кроме «гетманского владетельства». Как видим, оброк собирался и с домашних пасек («пчельные заводы», «пчельники»), и с промысла по сбору меда у диких пчел («бортные ухожаи»). Данной канцелярии не подвластны только личные промыслы малороссийского гетмана.

Именной указ 1 февраля 1705 г. предписывал во всех городах и уездах, на кружечных дворах, «имать… в Ингерманландскую канцелярию медового сбора» с винной продажи «поведерные пошлины против Московского отдаточного двора» с ведра и полуведра по 1 к. с четверти (с бутылки), а с четверти и кружки по 0,5 к. Правда, сказано, что пока те деньги берут земские и кабацкие бурмистры «с товарищи». 12 июня специально в «Пермь Великую», архимандриту Пыскорского монастыря был послан именной указ. В нем сказано, что ранее в Посольский приказ был передан такой же указ из «Ингерманландской канцелярии медового сбора» «за приписью» П. Старцева о взимании соответствующих доходов. И для этого из Москвы послан особый «сборщик».

Уже из Главной Ингерманландской канцелярии «канцелярии медового сбора» 23 декабря 1706 г. объявлен именной указ. «Медовая канцелярия» теперь должны была «отослать» в Ратушу сборы с мастеровых и работных людей, и с лавочных сидельцев, с торговых площадей поземельное, и с струговых и лесных пристаней привальное и отвальное, с скотины и кож, с весов, с квасов и уксусные, с сусленых промыслов. Ратуша с 1707 г. будет «ведать» этими различными сборами, которые курировала «канцелярия медового сбора».

Наконец, 25 января 1709 г. вышли «Статьи о сборе денежных доходов с домовых и пчельных заводов, с бортных ухожаев и с оброчных земель»: 1. На оброчные статьи новый откуп давать на 2–3 года. И на откупщике, помимо откупных денег, брать четвертные и печатные пошлины, однако в первый год «не все сполна», а полностью – в последующие годы. 2. На откуп давать и пустующие земли. 3. С лесных «бортных ухожаев», с которых ранее брали в разные приказы мед, теперь брать по 1 р. 10 к. за пуд меда. Там, где землевладельцы лес вырубили под пашню и поселили села и деревни, все равно брать «бортевой» оброк в 1 р. 10 к. 4. В городах и уездах у разных чинов людей потребовать «сказки», в которых отметить: когда с «домовых пчельных заводов» и «бортных ухожаев» в год сколько платили «с улья», и сколько их убыло и прибыло. Кто сведений не даст, с того «доправить» по 4 к. «с улья и борти». Кроме того, предписано «досматривать в бортных ухожаях и пчельниках, как молодые пчелы откроются в улье в августе, в сентябре, а по осмотру переписать и взять по 4 к. с улья и борти», и «учинить» соответствующие книги. В них отмечать, у кого пчелы «перевелись», а также у кого «пчельные заводы и бортные ухожаи явятся в утайке», и за то брать с них «втрое», а на «ослушниках, которые в переписи и во взятии денег учинятся ослушны» –

«вдвое». Денежную казну с «пчельных заводов и бортных ухожаев» присылать к Москве в Ижерскую канцелярию. Князь Куракин определял годовой доход от этой статьи в 70 тыс. р. По П. Н. Милюкову – цифры разнятся: то 18, то 61 тыс. р.[78]

Если промысел по сбору меда диких пчел известен «испокон веков», то домашнее пчеловодство отмечено с XVI в. Понятно, что мед как необходимый продукт питания, да и как одна из важных статей экспорта, особенно в Средневековье, получали везде, где водились пчелы (кроме районов Крайнего Севера). Если иметь в виду приведенные денежные расценки: по 1,1 р. за пуд меда там, откуда в казну этот мед раньше поступал натурой, и по 4 к. с «улья» или «борти» в Великороссии и Малороссии, ввиду многих, многих их тысяч – опять-таки годовые сборы, как видим, были не малые.

31 января 1704 г. в «Ижерской канцелярии о мельничном сборе» «состоялись» особые «Статьи»: 1. Мельницы, которые по описям «явятся разоренными», и их можно возобновить, то их строить за счет казны. Если это будет «тяжело», то их отдавать на откуп из переоброчки «с торга и строения». 2. Кто будет бить челом в Москве о мельницах и даст с торга больше всех, тому их отдать и взять поручные записи. 3. Отданные с торга на 2–5 лет мельницы, а урочные года еще не вышли, все равно переоброчивать вновь на 1–2 года «с вольного торга». При этом смотреть, чтобы торг «с заговором» не был. 4. Даже, если откупщики заплатили деньги вперед, а урочные годы на владение мельницами на вышли, все равно мельницы поставить на торги на год, кто даст большую сумму. Те же бывшие владельцы об отданных вперед деньгах должны бить челом в тех приказах, в которых тогда мельницы им были отданы. 5. Кто после даст большую сумму – мельницу ему. 6. На откупщике из оброчной суммы сразу брать половину, а в конце года – остальное. 7. Взятые ранее на этот год деньги в приказ, оттуда забрать. 8. Если у помещиков, вотчинников и всяких чинов людей «явятся» мельницы: пильные, мучные водяные и ветровые, железные и пороховые заводы на их землях – то с них брать ¼ часть доходов. 9. Если мельницы в Великороссийских городах за «черкасами» стоят на государственных или жалованных им землях, то с них также брать ¼ часть дохода. 10. Вновь на оброк отдать мельницы-колтовки (ветряные) в «низовых городах» у татар, чувашей, черемисов, мордвы. 11. За построенные посадскими людьми на государственных землях мельницы, взятые в казну, платить за строение им «по рассмотрению». 12. Отданные «из строения» мельницы на государственных землях «против записей» переоброчивать и отдавать на 1–2 года с «вольного торга». Далее

сказано о кормовых деньгах и накладных расходах посланным для исполнения этих «статей» стольникам, дворянам, подьячим и солдатам. С воевод и бурмистров в городах, которые будут в этих делах «ослушны» – править пени. Если откупщиков не найдется, то мельницы отдавать выборным головам и целовальникам, а мельничные оклады править на них и всех посадских людях. «Статьи» завершаются назначением править мельничное дело Степану Коровину (И. А. Желябужский ошибочно говорил о Кикине, которому мельницы даны вместе с рыбными ловлями). Коровин возглавил особый «приказ», который назван тогда «Семеновской канцелярией мельничного сбора». При нем определены 6 старых подьячих и 24 молодых, 2 сторожа и 25 солдат «для рассылок». На расходы из Семеновской приказной палаты ему выданы 300 р.

После «статей», 4 февраля, был принят именной указ, повторявший их вкратце. Кроме того, сообщено о составлении на местах «сказок»: какие мельницы, сколько в них жерновов, на каких стоял реках и урочищах, и сколько с мукомольных приходится оброчных денег и «лопаточной муки». «Сказки» подаются в «Семеновской канцелярии мельничного сбора». Объявленный из приказа Большого Дворца 17 марта «Семеновской канцелярии мельничного сбора» именной указ сообщал, что при оброке мельниц платятся откупные пошлины по $^{1}/_{32}$ к. с 1 р., да с челобитной по 25 к. с человека. Также сказано, что в дворцовых мельницах Москвы и уезда «малывали» хлеб на государев обиход, а в монастырских – на монастыри «безденежно». Это продолжать и впредь, но «мельничные деньги» брать с тех, кто хлеб на мельницы привозит, «за помол».

Мельницы, на которых были верные целовальники, мельники и работники, по именному указу 17 мая на оброк не отдавались, но сохранялся тот же порядок, а вышеперечисленным «учинить жалование из Семеновской канцелярии, из мельничных сборов». Из тех же денег покупать и чинить «мельничные снасти». Прибавлено, что ¼ часть доходов идет в казну и с мельниц протопопов, попов и причта соборов и церквей, построенных на их землях. Также разрешено строить из оброка пильные мельницы.

Именной указ 30 июня касался, помимо доходов и оброков с мельниц, еще и платы за помол муки, то есть «помольных денег», своими и посторонними людьми. Речь шла о, так называемой, «лопаточной муке»: с каждой четверти муки (8 пудов) в пользу владельца мельницы шла «лопата», то есть свыше 5 кг. С дохода от этой «лопаточной муки» владелец мельницы также платил в казну ¼ часть в Семеновскую канцелярию. В тот же день другой

именной указ определял, чтобы последняя организовала переоброчку мельниц помещиков и вотчинников, если доход с них был ниже дохода с монастырских мельниц, стоявших на одних и тех же речках. При этом владельцы мельниц обвинялись в том, что в городах они давали сильно заниженные сведения о доходах. Так говорилось, что на помещичьей мельнице в год хлеба мелют по 5–10 четвертей, и только для себя, а на посторонних не работают. В иных случаях доход определен всего лишь в 30–50 к.! Повторял положения указа 30 июня о «лопаточной муке» именной указ 23 сентября. Также пояснялось, что на некоторых мельницах как в Великороссийских, так и в «Украинных» городах за помол «емлют хлебом, а не деньгами». Велено там эту практику продолжить, при этом «лопаточной муки» «не накладывать».

Уже в «Ингерманландскую канцелярию мельничного сбора» посылать деньги предписывал указ 17 января 1705 г. Речь также шла о монастырских мельницах, доход с которых являлся единственным средством поддержания жизни монахов некоторых монастырей. Даже на те мельницы приказано положить оброк, а монахам бить челом о своих нуждах в Монастырский приказ. Наконец, 10 сентября именной указ уже упомянул о мельницах в городах на стрелецких, пушкарских, казачьих и солдатских землях. С них тоже предписано взимать оброк. П. Н. Милюков определяет этот доход то в 45, то в 71 тыс. р.[79]

Практически, все мельничное хозяйство страны должно было приносить доход в особую канцелярию, сначала подведомственную Семеновской приказной палате, а затем – Ингерманландской канцелярии. Причем имелись в виду все мельницы: и водяные и ветряные. Конечно, огромное число было мукомольных мельниц. Но к рассматриваемому времени уже имелись десятки промышленных заведений, в том числе и лесопилок, которые назывались мельницами ввиду использования в качестве двигателя мельничных колес на речных плотинах. А по сути это были мануфактуры. Основная масса владельцев мельниц (прежде всего помещики и вотчинники) была обязана платить в казну ¼ часть своих мельничных доходов. Другие вносили оброк. В любом случае казенные доходы от мельниц не уступали тем, которые поступали от рассмотренных выше статей.

«В Семеновскую канцелярию, к сбору конских пошлин» именным указом, объявленным из Разряда Сибирскому приказу 23 февраля 1704 г., велено в Москве приводить «к записке» лошадей, о которых будут говорить, что «их поймали». Если о них челобитных не будет три дня, не более недели, то тех лошадей продавать, а деньги направлять в канцелярию (как и с такой же

операции в городах), к губернатору А. Д. Меншикову. «Ингерманландская канцелярия сбора конских пошлин» по именному указу 14 февраля 1705 г. стала ведать сбором в Москве и городах с извозчиков в размере $^1/_{10}$ доли их дохода. Раньше им занималась «канцелярия медового сбора».

В 1706 г., 1 января, «Новоуказные статьи» о сборе пошлин с «продажных и меновных лошадей и лошадиных кож» были отправлены целовальнику Емецкого стана, Двинского уезда. Составлены они были в Семеновской канцелярии, в 1704 г. для отсылки «на Двину». Вот их пункты: 1. На «конских площадках» брать пошлину с продавцов лошадей по 5 к. с лошади. Если кто не купит, но возьмет лошадь на время, то за нее, по оценке, брать по 5 к. с 1 р. цены. На лошадей покупателям давать из книг выписи. А с «записки» выписей, если лошади куплены в других местах, брать по 2 к. с лошади. 2. Если кто-нибудь купит или обменяет лошадь «утайкой», без уплаты пошлины, то с него пеня – «в пятеро». 3. В книгах записывать возраст и приметы лошадей, а также имена покупателей и взятые пошлины. К записям прикладывать руки покупателей и продавцов, а также поручителей. Если последних нет, то брать пени по указу. Если будут взиматься лишние деньги – «смертная казнь». 4. Пени «в пятеро» больше, чем положенные пошлины, взимаются с тех, кто покупать и менять лошадей станет не на «конских площадках», а «по дворам», не платя пошлин. 5. Тот, кто объявит, что купил лошадь в другом месте, должен представить выписи из записных книг. Кто не предъявит выпись – с того пени (см. выше). Особо следить, чтобы не продавали и не меняли государевых «орленых» (то есть с соответствующим «тавром») лошадей. Их отбирать и «разыскивать», откуда их привели. Далее сказано о сборе пошлин «неоплошно» и об их не расходовании без указа. За нарушения – наказание, вплоть до смертной казни целовальникам, «корыстующимся» пошлинными деньгами или собирающим их не по указу. На тех же «площадках» с конских кож определено брать пошлину по 5 к. с кожи. За нарушения – те же наказания. Князь Куракин говорил о доходе по этой статье в 50 тыс., П. Н. Милюков сообщал о 64 и 75 тыс. р.[80] Если учесть, что лошади были необходимы в любом хозяйстве и сделки по их покупке или обмену происходили повсеместно и ежедневно, то соответствующие пошлины составляли крупные суммы. Серьезным «довеском» являлись и пошлины с конских кож.

В 1705 г. стала упоминаться «Ингерманландская канцелярия дворцовых дел». 3 марта именной указ передал в ее ведение и ведение губернатора А. Д. Меншикова Конюшенный приказ, его дела и подьячих. Боярину Т. Н. Стрешневу государь велел послать

грамоты и памяти в города к воеводам и бурмистрам. Отныне они могли что-либо «чинить» и посылать людей в государевы дворцовые города, волости и села по вопросам денежных сборов и хлебных запасов только с разрешения «Ингреманландской дворцовых дел канцелярии». Из нее 5 мая был объявлен именной указ Разряду о том, что «все чины», которые ведает Меншиков в Конюшенном приказе и в «Ингерманландской дворцовых дел канцелярии», по всем делам «ведомы» только там. Все сборы с дворцовых волостей, имеющиеся в «Ижерской канцелярии разных сборов», именным указом 23 сентября предписано срочно отослать вместе с окладными книгами в «Канцелярию дворцовых дел».

В декабре 1706 г. граф Головин объявил именной указ. По нему по домам распускались взятые из 82 городов «проводники» с лошадьми для полевой артиллерии. Вместо них приказано собрать 6 тыс. рекрутов «в извощики» для всей армии.

С дворцовых волостей и сел потребное число рекрутов должна обеспечить Ижерская канцелярия. Из нее 27 июня 1708 г. был объявлен именной указ. Канцелярия обязана следить, чтобы дворцовых городов, волостей и сел крестьяне и бобыли, приходя на работу в Москву к всяких чинов людям, оформляли «наемные записи». За нарушение работодателей ожидали пени, а крестьян и бобылей – наказание. С дворцовых волостей собирался самый большой доход: по П. Н. Милюкову и 129 тыс., и 233 тыс. р.[81] Передача с 1705 г. Ингерманландской канцелярии «ведения» доходами с дворцового хозяйства являлось естественным шагом царя, доверявшего Меншикову и его подчиненным курировать крупные финансовые дела.

«Семеновской канцелярии медового сбора» доверялись и вопросы, не связанные с ее прямыми обязанностями. Так, 1 марта 1704 г., в «Статьях» о сборе внутренних пошлин с хлеба, съестных припасов, всяких изделий и продуктов сказано, что в Москве купцов и всяких чинов людей, которые станут товары продавать и менять «утайкой», не в положенных местах, а по улицам и переулкам беспошлинно, отсылать в «Семеновскую канцелярию медового сбора» и брать с них пени, «против указного числа вдвое». Туда же в Москве предписано являться мастеровым, работным и гулящим людям, которые беспошлинно подряжаются на разные работы. Приведены расценки: с плотников, «крашенинных бойцов», каменщиков, портных, сапожников, кормщиков и иных мастеровых людей «имать у записи» по 20 к., а с «кормящихся всякой черной работой» – по 6 к. в год с человека. Похожие «Статьи» от декабря 1705 г. упоминают уже «Ингерманландскую канцелярию медового сбора». Сюда следует

приводить купцов, которые привозят в Москву и пытаются вывести из нее товары беспошлинно. Если они предъявят таможенные выписи, то их, записав в книгу и взяв с купцов «с воза» по 5 к., отпустить. Кто подобных выписей «не положат», то их отправлять в таможню для «правежа» пошлин. В городах подобной работой занимались воеводы. Отметим также, что, если доход от постоялых дворов составлял 4–9 тыс. р., то также курировавшийся канцеляриями ясачный сбор мог давать до 188 тыс. р.[82]

О представляемых нами органах власти имеются иные свидетельства их деятельности. Так 7 февраля 1704 г. в Семеновскую приказную палату велено присылать ежегодно по 300 пудов ревеня (один из «заповедных товаров», не обращавшихся в свободной торговле), покупаемого в сибирских городах для казенных нужд. Государь 6 марта распорядился посланным из Москвы в города для переписи «постоялых и наемных дворов» стольникам, дворянам, подьячим и солдатам «прогоны», а также «кормовые деньги» солдатам выдать из Семеновской канцелярии. Меншиков 7 февраля 1705 г. объявил именной указ, освобождавший старшину и казаков пяти Слободских полков от сборов, «принадлежащих» Ингерманландской канцелярии. Именной указ, объявленный из Разряда 15 сентября 1706 г., передавал в ведение Ижерской канцелярии отписанные в казну за «доимки» и «всякие вины», а также выморочные поместья и вотчины с населением и «порозжие» земли. 4 марта 1708 г. Меншиков передал Стрешневу именной указ. По нему Ингерманландские канцелярии «совокупляются в одну», которая «учреждалась… на Потешном дворе» (символично!) в Москве. Наконец, именной указ 8 марта 1710 г. предписывал на тот год собрать по 12 к. с посадского и крестьянского двора в Ижерскую канцелярию на дело седел «со всем убором, и на перевязи, и портупеи, и лядунки с ремнями»[83].

Мы видим, что расцвет активности действовавших под эгидой Меншикова канцелярий приходится на период 1704–1706 гг. (правда, В. О. Ключевский писал только об Ижерской канцелярии)[84]. Во всяком случае, к 1708 г., когда были образованы губернии, их работа уже почти не видна. Следующим шагом становится создание Петром I в 1711 гг. Сената. Налицо уже новая структура власти, отвечающая за сбор доходов с территорий государства: Сенат-губернии.

Глава седьмая. Оружейная палата. «Молодое вино в старые махи»

В данной главе мы обратимся к Оружейной палате. Считается, что эта структура могла появиться в XVI в. В XVII столетии она получила дальнейшее развитие и занималась как хранением, так и изготовлением вооружения для государей, их окружения, а также для стрелецких и солдатских полков, иконописью, «художественным оформлением дворцов», ведала мастерами «Золотой» и «Серебряной» палат. Подчиненные ей оружейники также работали в московской Бронной слободе, в Туле и Устюжне Железопольской. Это – те «старые мехи», о которых сказано в заглавии. «Молодое вино» – это новые функции палаты, приданные ей Петром I все с той же целью повысить доходы казны.

Вначале речь пойдет о гербовой бумаге (ее тогда называли «клейменой» или «орленой», поскольку типографским способом на ней изображался в верхнем углу герб государства – двуглавый орел). История ее появления – почти детективная, и связана с уже упомянутым нами «прибыльщиком», с Алексеем Александровичем Курбатовым.

Коротко – о нем. Курбатов являлся холопом боярина Б. П. Шереметева. Причем Алексей уже в 1694 г. (в 31 год) исполнял функции юриста при своем барине, то есть был достаточно образованным человеком. Шереметев взял его в путешествие по Европе 1697–1698 гг., которое для нашего героя, способного впитывать новое и прогрессивное, не прошло даром.

И. А. Желябужский пишет, что в 1699 г., «января в 19 день, на первом часу дня, явилось в Ямском приказе подкидное письмо… и то письмо запечатанное подписано: «Поднесть благочестивому государю нашему, царю Петру Алексеевичу, не распечатав». И на письме в другом месте написано: «Вручить сие письмо Федору Алексеевичу Головину». «А то письмо явилось оброненной бумаги от прибыльщика» Курбатова. «И за ту прибыль дано ему дьячество и велено ему служить в Оружейной палате, и сборы всякие ведать». Ниже Желябужский отмечает, что 23 января государь указал ввести «во всех крепостных делах» «бумагу под гербом… и то печатное дело и денежный сбор ведать в Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи». Этот рассказ Желябужского, в той или иной мере, приводят историки, писавшие об этом, не преминув отметить, что Курбатов просто предложил использовать европейскую практику[85].

В. О. Ключевский считал «известие» князя Б. И. Куракина, что в первое время доход от продажи гербовой бумаги мог составить до 300 тыс. р. в год, «очень преувеличенным». В 1724 г. сбор от нее был «рассчитан всего» на 17 тыс. р. По нашим сведениям, Сенат в 1713 г. считал, что долг Казанской губернии за проданную гербовую бумагу составил 20 тыс. р., а в 1711 г. со всех губерний за это «довелось» взять 101 тыс. р. В 1714 г. из Оружейной палаты в губернии послано гербовой бумаги на 84 тыс. р.[86]

Именные указы 1699 г. вводили гербовую бумагу, объясняли, в каких случаях и как ее использовать, и определяли ее цену.

Первый указ, 23 января, сообщал, что в Москве и во всех городах, для пополнения казны и для «укрепления во всяких делах крепостей, и чтоб впредь во всяких крепостных делах между всяких чинов людьми споров, а от ябедников и составщиков воровских никаких поставов и продаж, и волокит никому не было, держать на Москве во всех приказах, и в городах, и в пригородках, и в волостях, где приказные избы есть, бумагу под гербом» Великого государя Московского государства. На той бумаге «писать вотчинные и явочные, и дворовые, и на людей крепости, и сделочные записи, и заемные кабалы». Как видим, прямо было сказано, что гербовая бумага вводится для пополнения казны, и уже во вторую очередь для безопасного оформления сделок.

Далее, вводились три ее вида, в зависимости от размеров герба: сделки «в больших деньгах», которые более 50 р., на бумаге «под большим гербом». Если сделки меньше 50 р., а также «челобитные мировые на площади, или где инде», писать на бумаге, которая под гербом «величиной против золотого» (монеты). Челобитные, «сказки», также в приказах в челобитных делах выписки писать на бумаге, которая за печатью «вполы золотого».

«Печати делать и бумагу печатать, и то печатное дело, и денежный сбор ведать в Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи». Бумагу разослать в Москве в приказы и на ней писать с 1 марта. А из приказов посылать в города, сколько в котором приказе будет надобно. За бумагу «имать» деньги в Оружейную палату, которая «под большим клеймом» – по 10 к., под «средним» – по 1 к. и под «меньшим» – по 0,5 к. за лист.

Если после введения гербовой бумаги в Москве и в городах «появятся какие крепости не на такой бумаге, и тем крепостям «не верить». А на тех, у кого подобное появится, «имать» пошлины «вдвое или пеню».

Прошло время и потребовался новый указ, 13 октября. В начале в нем повторялись основные положения предыдущего. Новым было то, что на листе бумаги стали ставить два «клейма», для «раздирки столбцов». Дело в том, что, по традиции XVII в., еще продолжали писать на узких листах, как это требовал обычай склеивания их в столбцы. Поэтому лист разрезали вертикально на два узких, и теперь на обеих половинках ставили «клейма». В этой связи изменили стоимость листа: под «большим» гербом он остался в 10 к., но, соответственно, каждый столбец – по 5 к., «средний» лист стал стоить 2 к., а его столбец – 1 к., а «меньший» лист теперь стоил 1 к., а его столбец – 0,5 к.

Кроме того, государю «учинилось ведомо, что многие всяких чинов люди» покупают в Москве гербовую бумагу, а в городах продают по более высокой цене. Также стали писать крепости и другие документы, используя только первый, «клейменый», а остальные листы – простые. Сказано, что крепостям, челобитным и «сказкам», писанным не на всех «клейменых» столбцах, «не верить». Из Оружейной палаты отослать в «палату бурмистерскую» всю бумагу, предназначенную для отправки в города. Деньги же за нее взять у бурмистров сразу. Последние уже бумагу посылают в города «без мотчания». Продают ее там городские бурмистры по установленным ценам. Также им смотреть, чтобы не имела хождение «воровская» (поддельная) бумага. Кого с ней обнаружат – расспрашивать, а тех людей и «распросные речи» отсылать в Оружейную палату.

Указ 13 ноября предписал гербовую бумагу «под большим клеймом» продавать по 20 к. за лист, а ее столбец – по 10 к., то есть повысили цену и этого ее вида. Расширили сферу использования гербовой бумаги: писать на ней в таможнях и на ярмарках, «по объявлении товаров выписи и разные записи, и духовные». Венечные памяти писать «под средним клеймом». Однако теперь изменили адресатов в городах, кому посылали на продажу бумагу: не бурмистрам – а воеводам. Последних следовало предупреждать, чтобы в этом деле «имели… всякое радение и сверх указа для своих корыстей цены не прибавляли», и передавали бы ее тем, кому она нужна. Для продажи бумаги воеводы должны «выбрать» из приказных или из городских «знатных» людей, два человека на год. «Считать» их помесячно, а их имена сообщать Оружейной палате. Деньги посылать «немедленно» с нарочными. «Буде явится в продаже мешкота» или воеводы «для своей корысти» будут брать за бумагу «лишнее», то им быть от государя «в жестоком наказании и в вековечном разорении», поместья и вотчины их отпишут на государя. «Изветчики» же, кто о том сообщит, получит из тех

пожитков и имений «к себе милость» государя.

7 декабря указом, «для собрания казны и наибольшего во всяких крепостях укрепления», под прежним клеймом «большого герба» велено писать крепости до 1 тыс. р. «Особое клеймо» сделать для бумаги, где будут писаться крепости до 10 тыс. р., и столбец будет стоить 25 к. Но этого мало! Указом предусмотрено еще «клеймо» для бумаги, где будут записываться сделки свыше 10 тыс. р. «и во многие тысячи рублей». Цена такого столбца 50 к. [87]

В 1700 г., вначале, 14 января вышел «Приговор» Ратуши, который определял, что в Москве и во всех городах, «где есть судебные Земские избы, и в таможнях, и на кружечных дворах в истцовых всяких делах сыскные и поимочные всякие памяти писать на клейменой бумаге». На ней также следует писать указы из Ратуши в приказы и в города или обратно посылать из городов «по челобитью чьему». Также из городов в Москву «об истцовых делах писать отписки, или какие ведомости», под «которым орлом пишут челобитные». 24 мая именной указ снова передавал в городах продажу гербовой бумаги бурмистрам, а «воеводам и целовальникам из посадов… не давать». Ранее приводимые нами «Статьи» 22 декабря «о питейном сборе» подтверждали практику письма «на заорленой бумаге» «отписей» или ведомостей из Земских изб, таможен и кружечных дворов, «под которым орлом пишут челобитные». Также «сыскные памяти» писать на бумаге «под клеймом» в 0,5 к.

О расширении сферы использования гербовой бумаги свидетельствовали два именных указа 1707 г.: 15 и 22 октября. «Подрядные записи» на оружейные, адмиралтейские и «строельные», и всякие дела, и в «подводах» для «лучшего в тех подрядных делах исправления и охранения» государевой казны писать на этой бумаге «руками крепостных дел подьячих»[88].

В предыдущей главе мы отмечали, что, первоначально, контроль за работой по составлению различных крепостных актов и взиманию соответствующих пошлин был поручен Ратуше. Но вот 30 января 1701 г. именной указ, данный Разряду, вначале обратился к истории написания «в царствующем граде Москве всяких крепостей». До 1699 г. они «писаны на Ивановской площади». Но 9 декабря того года вышел указ, что крепости пишут «ныне в приказе, где которые надлежат, подьячие». Но по разным спорным делам «бывают многие волокиты и убытки». Иные приказные люди «для своего излишнего мздоимания… вымогают за крепостьми недели по три и четыре, а иногда месяца по два и по три», и этим крепостным людям делаются «дачи великие, против прежних дач Ивановской площади», да и пишут

эти крепости в приказах «подьячие из молодых, малосмысленные», которые не могут составить документ так, чтобы уберечься «от ябедников». Также свидетели «в подписке у крепостей» подбираются такие, «которых сыскать не возможно». Словом – от новшества лучше не стало!

И государь для прекращения всех вышеозначенных нарушений «и для пополнения… казны» определил «Статьи» о написании крепостей. Крепости, которые будут писаны «в подлинных деньгах или в неустойках» выше 50 и в 100 р. «под гербом» в 10 к. на столбце, на вотчины и на дворы, «или на что есть» – за их письмо брать по 15 к. Крепости, которые будут писаны на суммы свыше 100 р. «и во многих тысячах», – за их письмо брать со 100 р. по 10 к. Крепости, которые будут писаны «под гербом» в 1 к. на столбце на суммы до 50 р. – за их письмо брать тоже по 10 к., «а от служилых кабал, что на людей, и от ссудных записей, что на крестьян» – за письмо брать по 15 к.

С приказных поручных записей, «против челобитья в статье и до вершения дел» – брать с малых дел по 10 к., а с иных, «смотря по искам и по гербам, против настоящего». Если у кого по договорам в крепостях «явится письмо больше одного столбца – и за то излишнее письмо, кроме настоящего, имать за излишний всяких столбец» от герба в 50 к. – по 20 к., от герба в 25 к. – по 10 к., от герба в 10 к. – по 5 к., от герба в 1 к. – по 3 к., «а в малых деньгах» брать по 3 и 5 к. «по рассмотрению».

Крепости в указе разделены на статьи. Первая статья – крепости, которые записываются на вотчины и поместья, как на их угодья, так и на крестьян и людей, в Поместном приказе и приказе холопьего суда, в Ратуше – на лавки и лавочные места, в Стрелецком и иных приказах на дворы и дворовые места. Пошлины с них брать в вышеписанных приказах, а у крепостных дел крепости записывать в книгу беспошлинно, а «от записки» с тех крепостей брать «сверх указного числа, с больших» по 10 к., «а с средних и меньших» по 3 и 5 к., «усмотря крепостей и гербов».

Вторая статья: крепости «наемные дворовые», торговым людям «на сидельцев» (лавочных), учеников, работников, крестьян. Их записывать в книгу у крепостных дел и брать с них пошлины по указу. «А от записей в книгу, кроме пошлин, имать в сборный ящик за работу» по 10 к. с крепости.

Третья статья: «кортомные» (наем) на поместные и вотчинные земли, наемные на лавки и лавочные места, товарные, мельничные, «сторожевые» церковные и приказные, и лавочные, и поручные записи, «в банном и в мытенном, и во всяком откупе», поручные на мастеровых людей, у приказов поручные записи,

заемные кабалы и памяти, оружейной казны и всяким воинским и корабельным припасам, и разным запасам, и на всякие строения порядные записи. Их также в книгу записывать, а «от записки имать против крепости первой статьи».

В конце сказано, что всякие крепости писать «в палатке Ивановской площади особливо на то прибранным подьячим» 24 человекам. «А в приказах, и в Ратуше никаких крепостей не писать, и ведать те крепостные дела и подьячих в Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи». О «собрании» казны за письмо крепостей, и о пошлинах и прибыли, взять книги из всех приказов и из Ратуши в Оружейную палату. Подьячим для «прокормления» давать жалование из денежной казны от крепостных дел. Из городов присылать в Оружейную палату записные книги и деньги.

1 марта вышел «Наказ» из Оружейной палаты крепостных дел подьячим. В нем повторялись положения предыдущего указа. Затем сказано, как оформлять крепости. Определено, что из 24 человек – подьячих 20, а 4 человека – «сборщики», которым «за сбор и за надсмотр, и за подписку крепостей со всякой крепости имать»: до 50 р. – по 1 к., в 100 р. – по 2 к., свыше 1 тыс. р. «и во многих тысячах» – по 3 к. Эти деньги «в сборный ящик класть». И за такую государеву «милость» «являть им в собрании тех крепостных дел… казне всякое усердие и верность, а в крепостях ябедническое коварство усмотрять со всяким прилежанием». «Также и писцам никаких лукавств в крепости не вносить и ни малого нигде поползновения в противность указу не чинить». Писать крепости «против образцов крепостям писем, каковы им даны из Оружейной палаты». Если кто «усмотрит… какое в сборе… казны нерадение или… для своих прибытков взятку или иное какое поползновение» и тем учинена будет смертная казнь, «а изветчикам» – «публичная от Великого государя милость».

Объявленный из Оружейной палаты именной указ 6 ноября 1705 г. предписывал «всякие крепости писать подьячим всяких крепостных дел» против указа «на листах, а не на столбцах» (общее изменение в форме делопроизводства). Уточняются пошлины при записи крепостей в книгу. Так первой статьи – «под гербом» в 50 к. – по 20 к., «под гербом» в 25 к. – по 10 к., «под гербом» в 10 к. – по 10 к., «под гербом» в 1 к. – по 3 к. С отпускных на свободу «от письма и с запиской» по 10 к. «С поручных записей, в которых денег не значится», от письма по 10 к. С крепостей второй статьи «писчую пошлину» брать с 1 р. по 1,5 к., с извозчиков брать «с наемных денег» с 1 р. по 2 к. «За переписку», с герба до 50 р. – по 10 к., до 100 р. – по 15 к., свыше 100 р. «и в тысячах» – со 100 р. по 10 к. С крепостей третьей

статьи «за письмо» брать «пошлин поголовных» по 15 к., с неустойки – с 1 р. по 1,5 к., с жилых записей, которые без найма и с наймом, меньше 6 р. – «поголовных» по 10 к., с наемных денег и с неустоек, которые выше 6 р. – с 1 р. по 1,5 к. Если в сделочных записях неустоек нет, а писаны «глухо с убытками», то, в зависимости от клейма, от 10 к. до 1 р.

Наконец, в приведенном в пятой главе именном указе 15 октября 1707 г. сказано, что в 1705 г. крепостные дела приказано вновь ведать Ратуше, «обер-инспектору ратушского правления»[89].

То, что действовавшему уже не одно столетие учреждению с вполне определенным профилем, Оружейной палате, Петр I в 1699 г. придал новые функции, разумеется, не случайно. И «виноват» в этом, прежде всего, Курбатов. Ведь он адресовал свое «подметное» письмо о введении гербовой бумаги не только царю, но и Ф. А. Головину, главе Оружейной палаты. Конечно, Курбатов знал, что этот человек способен оценить подобное предложение к выгоде казны. И в результате ведение вопросами внедрения в делопроизводство гербовой бумаги и извлечения соответствующего дохода было поручено Оружейной палате, а Курбатов назначен в нее дьяком, и занялся своим «детищем». В течение уже первого года был определен круг дел, которые следовало записывать на гербовой бумаге, установлены ее типы в зависимости от стоимости сделки или оценки дохода (ущерба). Власти повысили величину пошлин при покупке бумаги в два раза и ввели в конце года новые ее типы на огромные по тем временам для частных лиц суммы в 1 тыс. и 10 тыс., и более р. В рассматриваемый период, гербовая бумага и доход с нее «ведались» в Оружейной палате, а вообще это нововведение просуществовало в XVIII–XIX вв.

На время, в 1701–1705 гг., Оружейной палате было поручено ведение работ по составлению крепостных актов и получение дохода от них. Именно в этот период определено, кто может этим заниматься, и подробно расписаны различные варианты пошлин как с трех статей крепостных документов, так и с учетом типов гербовой бумаги, для них используемых. Полагаем, что изъятие из ведения Оружейной палаты этой статьи дохода связано с определением Курбатова в Ратушу: ведь прямо сказано, что там ее ведать должен «обер-инспектор ратушского правления», то есть именно он.

Глава восьмая. Главный магистрат

Вначале остановимся на вопросе о положении Московской Ратуши, Ратуш в городах и бурмистров с 1710 по 1720 г., до создания системы магистратов. В. О. Ключевский отметил, что «губернская реформа 1708 г., превратив Московскую Ратушу в управу города Москвы, лишила городовые торгово-промышленные общества с их Земскими избами и выборными бурмистрами высшего сословного учреждения, которое их объединяло». Н. И. Павленко выразился еще более жестко: Губернская реформа «разрушила и недавно созданные органы городского самоуправления… Были забыты недостатки воеводского управления городами… Правительство пожертвовало городским самоуправлением в угоду полицейским и фискальным интересам. Городами вновь стали управлять воеводы»[90].

Приведем ряд указов, где Московская и иные Ратуши, и бурмистры исполняли в то время свои функции. Именной указ 31 декабря 1709 г. предписывал направлять в Петербург «к городовому строению» из городов и уездов ежегодно по 40 тыс. работников (помимо каменщиков и кирпичников), которым следовало собрать «на покупку хлеба и дачу всем» 100 тыс. р. Работников и деньги им из дворов, их не посылавших, собирали с помещиков и вотчинников воеводы, а с посадов и дворцовых, патриарших, архиерейских, монастырских и церковных волостей приказчики и бурмистры. Характерная приписка: «А которые Поморские города ведомы в Ратуше, а воевод нет», с них работных людей и деньги же собирать и отводить в Петербург «на указные сроки из Ратуши». «Учинить» во всех городах и Ратушах ведомости о доходах за 1705–1707 гг. и посылать их к губернаторам, которые отвечают за составление общегубернских ведомостей, определял именной указ 9 января 1710 г. Ведомости о доходах и расходах Ближняя канцелярия обязала 3 июня прислать из губерний, а в Москве из приказов и Ратуши, «по третям года».

«По случаю войны с Турцией» именной указ 13 февраля 1711 г. объявлял о высылке из России турецких подданных. В Московскую Ратушу была послана «память», чтобы живших в столице греков, «не справясь с Посольским приказом», из города не отпускать и «отпускных выписей» им не давать. По сенатскому указу 25 января 1712 г. из Московской Ратуши были отданы на откуп «хомутный» и за наем извозчиков сборы торговому иноземцу С. Фандорту за 6,6 тыс. р. в год.

15 мая 1712 г. в Москве был большой пожар. Сенат 16 мая

распорядился, чтобы Ратуша выбрала двоих «из купеческих добрых людей», знающих «настоящую цену» лесоматериалам. Они должны следить, чтобы торговля ими в Москве не велась «на лишние деньги», то есть дорого. За нарушение указа торговцам и оплошность «надсмотрщиков» обещано наказание и «немалый штраф». Московская Ратуша должна была следить, чтобы, по сенатскому указу 16 июня, с мастеровых людей денежных дворов «не спрашивали» податей в слободах, где они жили, и ни в какие службы бы их не выбирали, поскольку они «на денежных дворах в работах бывают непрестанно». Московский губернатор, князь Ромодановский, в декабре дважды обращался к «охочим людям», кто пожелает взять в городе и губернии различные сборы «ратушского ведения» на откуп. Для этого они должны были подать прошение в Московской Ратуше.

Как известно, с 1713 г., по распоряжению Петра I, началась активная борьба с казнокрадами и взяточниками. В результате обвинения были выдвинуты против Меншикова, иных влиятельных персон и их окружения. Вот 24 апреля объявленный из Сената именной указ приказал «выбрать из царедворцев (дворян “московского списка” – А. Д.) доброго человека и велеть ему» Ратушу и Московскую Большую таможню «счесть» (то есть проверить по приходо-расходным книгам). При «счете» быть двум фискалам. 22 января 1714 г. состоявшийся в Ближней канцелярии именной указ определил сосчитать приходы и расходы «с начала губерний», с 1710 по 1714 гг., губернии, приказы, канцелярии, денежные дворы, «соляной сбор». При этом указано: «Считать прежде канцелярии Военную, Адмиралтейскую, Артиллерийскую и Ратушу Московскую».

Сенат 7 сентября 1713 г. озаботился тем, что «московские слободские люди» являются выбранными и назначенными к разным делам в приказах или в городах. Следовало установить: находились ли они на тех службах «беспеременно» или с переменой. Если на время, то почему они в Ратушу не присланы? Впредь сенаторы определили к тем делам назначать сколько надлежит человек, «переменяясь погодно, за выбором слободских людей». И без того выбора никому их в службы «не имать». Если кого-либо удержат на службе на второй год, и на нем будет «какая доимка», то она будет «доправлена» на том, кто то лицо удержит.

С окончательным переездом Сената в Петербург, он принимает распоряжения, касающиеся Петербургской Ратуши. В вначале, в январе 1715 г., Петр I приказал выделять местной Ратуше на год 1,5 тыс. р. инспектору, дьяку, подьячим и солдатам (о бурмистрах не сказано!) Сенаторы 11 апреля 1717 г.

определили, что о хлебном и соляном жаловании солдатам прибывших в столицу полков ведомости «комисарству» посылаются из Провиантской канцелярии и из Ратуши. 10 марта 1720 г. они же приказали работникам на постройке Ладожского канала отпускать ежегодно по 3 тыс. пудов табака из Петербургской Ратуши.

Объявленный петербургским генерал-полицмейстером Девиером 6 февраля 1719 г. именной указ позволял торговому иноземцу П. Милле «содержать вольный дом» на Васильевском острове, «как и в прочих окрестных государствах». Иметь там «трактир с продажей всяких питей и табаку». Последнее ему следовало покупать из Ратуши, «а каких питей в продаже не будет», то покупать у торговых людей, объявляя в Ратуше и уплачивая таможенные пошлины. Сенатский указ 3 августа 1716 г. касался городских Ратуш. Они не должны были брать пошлины с найма извозчиков, которые повезут в действующую армию мундиры и амуницию.

Объявленный из Сената именной указ 23 марта 1719 г. сообщал о присылке в Петербург «на житье» назначенных к переселению сюда обывателей из других городов. Переселившихся купцов разрешалось отпускать по их делам из города «с объявлением в Ратуше до учреждения Магистрата». Как видим, здесь уже упомянута предполагаемая магистратская реформа.

В новых условиях изменилось и положение земских бурмистров в городах. Так именной указ 28 января 1715 г. объявлял, что посадских людей во всех губерниях ландратам «ни в чем не ведать и ни в какие дела не вступать, а иметь им, ради управления своих дел и сборов земских бурмистров за выборами, с ведома губернаторского». В исках посадские люди должны бить челом на крестьян ландратам, а крестьянам на посадских – земским бурмистрам. И на ландратов, и на бурмистров, если они «учинят кому какую обиду или суд неправый сделают», – бить челом губернатору. Ландраты (с нем. – земские советники) служили в губерниях, числом в 8–12 человек, и входили в губернские советы. В этом указе сказано, что ландраты возглавляли города, где не было гарнизонов и, следовательно, не назначали комендантов и обер-комендантов. А вообще же ландраты стояли «над каждой долей» (собой единицей в 5536 дворов, учрежденной в целях удобства налогообложения). Как видим здесь земские бурмистры состоят в подчинении ландратов[91].

Обратимся к собственно цели нашего исследования в настоящей главе: к Главному магистрату. Первый период его

истории охватывал 1720–1727 гг., то есть его учредил Петр I, он действовал при Екатерине I и был упразднен в начале царствования Петра II. В дальнейшем, второй период истории этого органа начался при Елизавете Петровне и завершился при Екатерине II. Причем мы не рассматриваем вопросы деятельности магистратов прибалтийских городов, которые имели давнюю историю и пользовались правами и привилегиями, дарованными им шведской короной, которые Петр I подтвердил.

Рассмотрим выводы историографии применительно к истории Главного магистрата в 1720–1727 гг. С. М. Соловьев привел в своем труде указ 13 февраля 1720 г. и Регламент Главного магистрата 16 января 1721 г. Автор подчеркнул, что этот орган «имел коллегиальное устройство и непосредственно был подчинен Сенату, и состоял из членов петербургского городового магистрата, которые наполовину были иностранцы». По сути, Соловьев приравнивал Главный магистрат к коллегии, хотя в свой их список он его не включил.

В. О. Ключевский отметил, что в деле магистратской реформы Петр I использовал предложения Г. Фика «о необходимости уставить градские магистраты». Он также упоминает соответствующий указ и Регламент, а также Инструкцию 1724 г. Автор заметил, что в 1699 г. царь «имел в виду устроить наиболее прибыльный порядок сбора казенных доходов, освободив городских плательщиков от воеводских поборов и притеснений. К 1720 г., когда предпринята была магистратская реформа, взгляд его перешел с узкой, фискальной точки зрения на более широкую, народно-хозяйственную: он понял, что необходимо расширить и углубить самые источники государственного дохода».

На «коллежское устройство» Главного магистрата обратил внимание Н. И. Павленко. Было «восстановлено городское самоуправление… Если Ратуша и Земские избы прежде всего выполняли роль центрального и местных казначейств, то первостепенная обязанность Главного и городовых магистратов состояла в отправлении административно-полицейских функций, в обеспечении развития мануфактур и защите интересов купечества». Автор отметил, что, в отличие от остальных коллегий, Главный магистрат частично, а городовые магистраты полностью, состояли «из первостатейных, добрых, пожиточных людей», избираемых горожанами.

Советская историография рассматривала образование системы магистратов как «вторую городскую реформу Петра» (первая – это устройство Ратуши и Земских изб на местах). Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина пишут, что «население городских

посадов вновь изымалось из ведомства местной администрации и подчинялось учреждавшимся в крупных городах магистратам, а в мелких городах – ратушам. Возглавлялись они Главным магистратом, приравненным к коллегиям». Авторы подчеркивают, что магистраты «одновременно» подчинялись Камер коллегии «по линии сбора налогов, а также Мануфактур и Коммерц коллегиям по вопросам городской экономической деятельности. За Главным магистратом оставались учет городского населения, организация внутреннего распорядка и несения повинностей в посадских общинах, а также судебные дела посадских людей»[92].

Подробно вопросами второй городской реформы Петра I и составлением регламента Главного магистрата занимался Я. Е. Водарский. Государь долгое время систематизировал полученную информацию как об органах управления торговлей и промышленностью, так и о самоуправлении городского населения в Европе. Со шведскими регламентами магистратов царя познакомил Генрих Фик. Автор сообщает, что Фик в 1715 г. являлся министром Голштинского герцога Карла-Фридриха, жениха старшей дочери Петра Анны. Советник герцога, Бассевич, рекомендовал Фика как человека способного генералу Вейде, который и написал об этом государю. Хотя Фика современники и историки оценивали по-разному (от признания его больших заслуг, до обвинения в авантюризме и даже шпионаже в пользу Швеции), однако его важная роль в деле привлечения в Россию опытных европейских администраторов, разработке коллежской и магистратской реформ, и составлении регламентов несомненна. Недаром Петр I пожаловал Фику поместье, Екатерина I назначила его вице-президентом Коммерц коллегии, а в 1730 г. он стал ее президентом с чином действительного статского советника (4 класса).

9 мая 1718 г. Фик представил мемориал, в котором предложил ввести в городах магистраты. Петр I наложил резолюцию: «Учинить сие на основании рижского и ревельского регламентов по всем городам». Проект регламента Главного магистрата представил также Фик. Текст обсуждался в Сенате и окончательный вариант был подписал Петром после годового обсуждения 16 января 1721 г. Я. Е. Водарский подробно пишет о перипетиях обсуждения текста и о 12 его редакциях, что представляет собой отдельную тему.

В значительной степени «по стопам» Я. Е. Водарского, идет Н. В. Козлова. Она также касается ранней стадии обсуждения вопроса и создания Главного магистрата. Автор отмечает, что с началом магистратской реформы «города были выведены из-под управления Коммерц коллегии», и приводит известный указ 13

февраля 1720 г., а также регламент Главного магистрата и его редакции. Козлова обращает внимание на то, что, «начиная с февраля 1720 г. Ю. Ю. Трубецкой (обер-президент магистрата – А. Д.) тщетно добивался определения жалования служителям». И 18 января 1721 г. Сенат все же распорядился выдавать им денежное и хлебное жалование. Но вот руководству Главного магистрата «оклады установлены не были». Автор подчеркивает, что «из 14 членов администрации» этого органа было 9 купцов. Но вот руководили Главным магистратом титулованные дворяне: в 1720–1722 гг. – князь Ю. Ю. Трубецкой, а с 1723 г. – князь А. Г. Долгоруков. Особо следует отметить президента петербургского магистрата и заместителя Трубецкого – Илью Исаева. Он пользовался доверием Петра I. Происходившего из московского купечества, Исаева, царь назначил обер-инспектором рижского магистрата (в 1711–1720 гг.), а до этого, с 1705 г., он являлся «управителем» Суконного двора (мануфактуры) в Москве. Однако, Петр I, естественно, и обер-президента выбрал не случайно. Князь Юрий Юрьевич Трубецкой бывал за границей, то есть мог воочию наблюдать деятельность тамошних магистратов. В момент назначения он имел чин бригадира (5 класса), но, поскольку должность обер-президента Главного магистрата (как и президентов коллегий) была приравнена к чину генерал-майора (4 класса), постольку для Трубецкого это стало повышением по службе.

Н. В. Козлова напоминает, что в феврале 1722 г. в Москве, вместе с конторами других коллегий, была устроена и контора Главного магистрата. Однако, в 1725 г. началось сокращение членов Главного магистрата. Так, в русле объявленной при Екатерине I экономии государственных расходов была ликвидирована Мануфактур коллегия. Выдвигался проект сохранения лишь Коммерц коллегии. В начале правления Петра II линия на «умаление» Главного магистрата окончательно возобладала и 19 августа 1727 г. он был ликвидирован[93].

Итак, 13 февраля 1720 г. данный Сенату именной указ предлагал «объявить» бригадира Трубецкого (князя Юрия Юрьевича) «над здешним и прочими магистраты обер-президентом», чтобы он ведал всех «купецких людей» судом, об их делах доносил Сенату «и рассыпанную сию храмину паки собрал». Последняя фраза стала хрестоматийной. Фактически, Петр I признал, что первая городская реформа свою задачу не выполнила. И в конце: «В товарищи» Трубецкому «над здешним магистратом президента определить Илью Исаева». Указ еще не вводил понятия «Главный магистрат». В нем речь идет о магистрате в Петербурге, президентом которого назначен Исаев, а

над ним и прочими «магистраты» поставлен обер-президентом Трубецкой.

3 сентября сенатский указ образовал канцелярию магистратских дел при обер-президенте, которую «проектировал» Фик. Ею руководил дьяк Ф. Богданов. В его подчинении находились несколько подьячих и солдат. На канцелярские расходы им выдано 500 р. Для проведения второй городской реформы следовало «собрать сведения о городах». Сенаторы 13 ноября распорядились, чтобы из них были посланы в канцелярию сведения «о состоянии всего купечества», как только их затребуют. «Судебные функции» в отношении «купецкого корпуса» Сенат 12 ноября передал канцелярии магистратских дел.

Почти через год, 10 января 1721 г., был принят «Регламент или Устав Главного магистрата». Его преамбула состояла из указа 13 февраля. Основная часть этого обширного документа состоит из 25 глав и двух «формуляров» (таблиц), пользуясь которыми в городах должны представить различные сведения о них и их населении. Собственно Главного магистрата касаются лишь несколько глав. Так, в первой главе, «О присяжной должности», сказано, что обер-президент и его подчиненные должны быть «верными слугами» государя и его наследников, всячески блюсти «пользу и благополучие» страны, провести магистратскую реформу и отвечать за работу местных магистратов. Здесь же приведен и текст присяги. «О главных магистрата делах» сказано во второй главе. Это: создание в городах магистратов, которые «снабдить добрыми уставами», добиться там «правосудия» и «доброй» полиции, «размножать» купечество, мануфактуры и ремесла. В главе 11, «О купечестве и мануфактурном деле», Главному магистрату, совместно с Коммерц и Мануфактур коллегиями, вменено в обязанность «приводить в лучшее состояние» торговлю и промышленность. При этом имеющиеся «уставы», если необходимо, следует усовершенствовать. Хотя вопросами сбора налогов занимается Камер коллегия, но и Главный магистрат (в соответствие с главой 12) должен «иметь попечение» и делать представления коллегии, если в городах от поборов «будет явное отягощение». Пока в городах магистраты не устроены, Главному магистрату следует посылать корреспонденцию на имя губернских властей (глава 16). Когда же магистраты заработают, то указы будут посылаться им непосредственно. С другими коллегиями Главный магистрат имеет «сношения в делах». Если возникнут трудности, то доносить Сенату. Также Главный магистрат должен всемерно заботиться об умножении числа ярмарок и вообще торговли

(глава 17). «О членах» Главного магистрата сказано в главе 24. Обер-президенту не положена особая канцелярия, но она состоит при петербургском магистрате. Штат включает бургомистров, ратсгеров и прочих чинов. Их них половина, или «сколько сыщется», – иноземцы, в особенности знающие русский язык. Последняя, 25 глава, предписывала ежегодно присылать в Главный магистрат рапорты из городовых магистратов, в которых подробно отражать состояние городской жизни, экономики, численность и занятия населения, городские доходы и расходы. На основании этих рапортов в Главном магистрате напишут «генеральное доношение» в Сенат, а в Коммерц, Берг и Мануфактур коллегии направят ведомость по интересующим их вопросам.

Большинство глав посвящено городам, их населению и устройству там магистратов. В 3 главе «О состоянии городов» приказано прислать из них подробные ведомости, в которых охарактеризовать природно-географическое состояние, их хозяйство и занятия жителей (о чем уже ранее говорилось). «Собрать выбылых из слобод» городских жителей требовала 4 глава. Речь шла о том, что всех горожан, которые не ходят исполнять «службы» и платить подати, вышедших из городских слобод и записавшихся в другие «чины», а также в крестьянство, «собрать и написать в те же слободы и в тягло», откуда они вышли. Пятая глава посвящена «разделению городов» на 5 частей: 1 часть – «большие, главнейшие города»: Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига, Ревель, Архангельск, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород и прочие, в которых 2–3 тыс. дворов «и выше». 2 часть – «внутренние города и к ним средние приморские»: Выборг, Нарва и прочие, в которых 1–1,5 тыс. дворов и выше». 3 часть – «внутренние города и к ним малые приморские города, яко Пернов», и другие, в которых 500–1 тыс. дворов. 4 часть – города небольшие, в которых 250 дворов «и больше». 5 часть – все малые города и слободы, «где есть».

Одна из самых пространных, 6 глава касалась «определения магистратов и в них президентов». Она начиналась с констатации факта, что «такое магистратское новое дело (как будто не было земских изб и Ратуш! – А. Д.) невозможно везде вдруг в одно время учредить. Поэтому реформа начинается с Петербурга, Москвы и других больших городов. Там из гостей, гостиной сотни, «гостиных детей» и из «первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей» «сочинять магистраты, а в магистратах из оных президентов». Магистраты – «для расправы и апелляции вместо надворного суда» (то есть прямо сказано, из кого выбирать верхушку магистратов, которые имеют судебные

функции по отношению к горожанам). На следующей стадии – выбирать в магистраты бургомистров и из тех же горожан – и ратманов. В целом, городовые магистраты – «начальство городское… будут правление иметь, суд и добрый порядок содержать». О результатах выборов следует сообщать местным властям: губернаторам и воеводам. 3–4 человека из этих избранников, которые могли бы «здесь (в Петербурге – А. Д.) инструкцию видеть и выразуметь», должны явиться в Главный магистрат, где определят, что они «достойны» своих постов. После Главный магистрат направляет в соответствующий город указ, что выбранные президент, бургомистры и ратманы – есть «начальство их города» и горожане должны быть у них «в гражданской покорности». Затем члены магистрата и все граждане «чинят присягу», а первым Главный магистрат дает инструкцию как «поступать и должность отправлять».

Далее в главе отмечено, сколько членов магистрата должно быть в городах в соответствие с их делением. В 1 части: президент и 4 бургомистра, во 2 части: президент и 3 бургомистра, в 3 и 4 частях: 2 бургомистра, а в прочих – по одному бургомистру. Всем бургомистрам «придаются» ратманы: в больших городах по два, в средних и меньших, «смотря по состоянию места». Если кто из магистратских «впадет в какое важное прегрешение, или от какого случая впадет в убожество, и ему там быть невозможно, или умрет» – то выбрать другого, достойного. Если кто из иностранных купцов в приморских городах «пожелает записаться в гражданство и учинит присягу верности», то его можно избрать в магистрат. Президент, бургомистры и ратманы освобождены от городских служб и к другим делам, кроме магистратских, «их не отлучать».

Глава 7 предполагала «разделение гражданства» на гильдии. Любопытно, что гражданами Регламент считал не всех городских жителей. Так шляхетство, «служители у дел», духовенство и иностранцы в число граждан не входили. Установлены две гильдии. К первой отнесены банкиры, «которые дают на векселя деньги», знатные купцы, которые имеют большие отъезжие торги и многими товарами в рядах торгуют, доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, «золотари», серебренники, «иконники» и живописцы. Вторая гильдия: торгующие мелочным товаром и «харчевыми припасами», портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, «рещики», токари и прочие. Первая и вторая гильдии – это «регулярные граждане». В их число не входили «подлые люди, обретающиеся в наймах и в черной работе». Далее: «каждое художество и ремесло» имеет свои особенные цехи со старшинами во главе. У них должны быть книги, куда вписаны

«уставы и привилегии». Отмечен также такой порядок: из «олдерменов» (старост) выбирать в ратманы, а затем в бургомистры. Необходимые уставы («регулы») для городов «сочиняют» в Главном магистрате с объявлением Сенату (глава 8).

Специально «о власти магистратской» сказано в главе 14. Городовой магистрат – «глава и начальник есть всему гражданству». Он судит граждан, содержит в своем «смотрении» полицию, собирает с граждан положенные доходы и передает средства по определению Камер коллегии, «учреждает» городское хозяйство, печется о нуждах граждан и ходатайствует о «гражданской пользе» перед Главным магистратом. Магистрат в своей компетенции не подчиняется губернаторам и воеводам. Также военные и гражданские начальники не могут судить граждан и самовольно занимать в городе квартиры. Магистратские служащие за заслуги царем могут быть пожалованы дворянством. При городовых магистратах должны быть «служители»: секретарь, потребное число приказных и прочих, которых магистрат сам назначает (глава 23). Глава 15 предполагала возможные споры между магистратом и гражданами. В этом случае арбитром выступал Главный магистрат и судил обе стороны по существующим законам.

Вопросы суда выделены в 9 главу. Хотя гражданские суды в губерниях и провинциях состоят в ведомстве Юстиц-коллегии, граждан во всех судебных делах (кроме «великих государственных дел») ведает магистрат. Там, где было положено по 4 бургомистра, один из них специально занимался судом с приданными ему товарищами из магистратских членов. Если споры касались только граждан, то «розыск» чинит магистрат. О приговоренных к смертной казни следовало сообщать Главному магистрату и ожидать его решения. Прочие же наказания вольны осуществлять городовые магистраты. В малых городах, где нет магистрата, но лишь бургомистр, апелляцию на его решение подавать в ближайший магистрат, а на него – Главному магистрату. В судебных делах граждан с лицами иных чинов «розыск» чинят совместно надворные судьи и президенты магистратов. Если они не смогут решить дело, то обращаться первым в Юстиц-коллегию, а вторым – в Главный магистрат. «Полицейским делам» посвящена 10 глава. Полиция в городе создается после решения Главного магистрата, что она там необходима к поддержанию «добрых гражданских порядков». Кроме поддержки этих порядков, полиция борется с разбойниками, ворами, насильниками, обманщиками, принуждает граждан к «трудам и честному промыслу», не

позволяет установиться дороговизне в продуктах, «предостерегает все приключившиеся болезни», следит за чистотой улиц и в домах, запрещает излишества в домовых расходах и явные прегрешения, «надзирает нищих, бедных, больных, увечных, прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, воспитывает юных в целомудрии и чистоте». (Словом – забот много!) В конце сказано, что полиция учреждается «осмотрительно», чтобы «вместо чаемого поправления города и граждане в тщетный убыток и разорение не пришли».

Специально вопрос о военных постоях в городах рассмотрен в 13 главе. Городовой магистрат выбирает особых квартирмейстеров. Из военных коллегий заранее подаются сведения о постоях в городах. Причем определено, сколько тот или иной город может выделить квартир под постой. «За продерзости» военнослужащих должны наказывать их командиры. Если же последние «учнут обиды делать» гражданам, то о них сообщается Главному магистрату, который, вместе с коллегиями, вырабатывает решение по военному артикулу. В случае же обид, нанесенных квартирантам гражданами, с последними разбирается местный магистрат. В конце особо отмечено, чтобы квартиранты-военнослужащие в городе не торговали, но только за городом.

Главы 18–19 посвящены открытию в больших приморских и прочих «знатных» городах товарных бирж и назначению торговых маклеров. «Смирительные дома и больницы», а также «сиротские дома» должны строить городовые магистраты и содержать «своим иждивением» (глава 20). То же сказано о и «малых школах», которые должны быть во всех городах, где обучали бы чтению, письму и арифметике (глава 21). Слово «Ратуша» использовано в Регламенте только применительно к соответствующему зданию (глава 22). В больших и средних городах следует иметь подобные постройки на площади или в другом удобном месте. Магистрат их строит из «земских доходов». Ратуши должны быть двухэтажными: на первом этаже – лавки и амбары, а верхний этаж – «для управления дел».

Апрельский 1721 г. Манифест «О призыве шведов на службу», между прочим, предполагал, что кто из них «российский язык знает и искусен в магистратских и гражданской полиции делах довольно искусство имеет, то может о себе в Главном магистрате… известить, дабы в магистратах в больших городах употреблен быть».

Как мы видели, Регламент Главного магистрата не отметил ранги магистратских служителей. О них сказано в сенатском указе 24 ноября, который определил, сколько подвод полагалось

военному и чиновнику в соответствии с его рангом. Так 10 подвод получал обер-президент над магистратами, чей ранг приравнен к генерал-майору. Президенты столичных магистратов могли рассчитывать на 5 подвод, как и армейские майоры. Табель о рангах, принятый 24 января 1722 г., также приравнял к майору и коллежскому асессору президента столичного магистрата. Бургомистр такого же магистрата соответствовал чинам капитана и титулярного советника. Бургомистр, но городового магистрата приравнен к капитан-лейтенанту или коллежскому секретарю, а ратман столичного магистрата – к лейтенанту и губернскому секретарю. Причем отмечено, что магистратские должности нельзя «за вечный чин почитать», ибо отставленный уже его не имеет.

«Высочайшая резолюция» 27 сентября на «докладные пункты» Главного магистрата подтверждала, что купцов иные органы власти ни в чем ведать не должны. При этом Петр I писал о «Ратушском ведомстве» над посадскими, вспомнив, очевидно, о былом. Также подмечено, что иностранных купцов ведают в Главном магистрате и с посадских людей следует брать подушную подать в размере 1 р. 20 к.

В 1724 г. вышла «Инструкция магистратам». Те ее положения, которые повторяли содержание глав Регламента, мы не воспроизводим. Обратимся к изменениям и уточнениям, которые есть в данном документе. Теперь точно определен состав магистрата: президент, два бургомистра, четыре ратмана и при них канцелярские служители: секретарь, канцелярист, два подканцеляриста, четыре копииста, четыре сторожа. Повторено, что, по возможности, «управляться» меньшим числом служителей. В старосты и товарищи выбирать на 1–2 года. Президент магистрата должен исполнять все указы Главного магистрата: «вершенные» записывать в книгу, а «не вершенным» «держать роспись на столе». Исполнять указы положено в течение недели. В тех случаях, когда для этого необходимы «дальние справки», срок исполнения до одного месяца. Если же и этого срока не хватит, то писать в Главный магистрат о причине задержки. Последний может дать еще последние две недели, после которых следует наказание «смертное» или ссылка на галеры и лишение всего имения. Дела челобитчиков также решать «без мотчания», но не более полугода. За просрочку каждого дня штраф по 30 р. Если же при этом «учинился убыток», то его «доправить» на виновном.

Соблюдать противопожарную безопасность, для чего иметь положенное число инструментов. Поддерживать на улицах и в рядах чистоту и содержать мосты «в добром состоянии». Больше положенной с граждан подати в 1 р. 20 к. ничего не брать без

указа из Сената. Если подобный указ будет получен, то сборы сверх подушных денег разложить по гильдиям, чтобы не было излишних от них тягот. Вести окладные книги, где должны быть указаны все подати на каждом гражданине. На канцелярские расходы употреблять «не окладные» сборы.

Защищать граждан, купцов и ремесленников, от «помешательства» в торгах и занятиях со стороны приезжих людей. Также последних ни в чем «не утеснять». Использовать обедневших граждан и «подлых» людей в качестве служителей при таможне, кабаке, гостином дворе, чтобы они «могли пропитание иметь и подати платить». Желающим отъехать из города по делам магистрат выдает паспорта или пропускные письма, которые по возвращению отбираются и в книгу делается запись. Также и приезжих, не имеющих подобных документов, в свои дворы не пускать и им следует покинуть город в течение трех дней.

Если после смерти родителей останутся малолетние дети, даже при наличии душеприказчиков, магистрат должен «прилежно» следить, чтобы дети были «в добром призрении и воспитании», и оставшиеся после родителей пожитки бы сохранялись. Если душеприказчиков нет, то магистрат должен их определить. Та часть пожитков, которая «портится», должна быть продана «с публичного торгу», а деньги пойти на содержание детей. Пожитки умерших, после которых не осталось наследников, по указу могут быть взяты «на потребу города». Вдовы, пожелавшие выйти замуж за людей иных чинов, должны продать свой двор, «заводы», а также уплатить все «доимки» по податям.

Сенатский указ 13 декабря 1725 г. определил, что переписка губернаторов и воевод с городовыми магистратами должна вестись «промемориями», что подчеркивало их равный статус. Тут же снова отмечено, что в магистратские дела губернаторам и воеводам «отнюдь не вступать». Однако уже шел пересмотр магистратской реформы и 15 марта 1727 г. состоявшийся в Верховном Тайном Совете указ Екатерины I, наоборот, «для лучшего посадским охранения магистраты губернаторам и воеводам подчинить по-прежнему». Такой же указ, но уже Петра II, 18 августа, ссылаясь на предыдущий, повелел «Главному магистрату не быть, а учинить только для суда здешнего (петербургского – А. Д.) купечества в Ратуше одного бургомистра и с ним двух бурмистров», кроме тех, которые были ныне в магистрате членами. Им «переменяться погодно» и выбирать новых купечеству из «добрых и знатных людей». Дела иностранных купцов переходят в Коммерц-коллегию[94].

Разумеется, по требованию купечество, поддержанному Главным магистратом, 13 апреля 1722 г. вышел объявленный из Сената именной указ. В нем было сказано, что впредь к таможенным, кабацким, соляным и иным сборам, а также «к счету и отдаче денег из посадских людей не выбирать». Отныне у тех дел быть «у больших главным командирам», а в товарищах у них быть отставным офицерам и дворянам, а «у меньших» – отставным унтер-офицерам и солдатам «беспеременно». Военная коллегия обязана предоставить для этого «достойных людей». К ним «в команду» магистраты должны выбрать «из раскольников и бородачей в целовальники» и в другие подобные службы. Но вот все же в коллегии и канцелярии «для оценки товаров» магистраты также должны выбрать «из исповедавшихся посадских людей добрых и искусных, достойных». За учиненное ими там преступление их отсылать к суду в магистраты, где должны присутствовать и два члена коллегии, чтобы суд был «нелицеприятен». Виновным экзекуцию чинить в их присутствии. Истраченные виновными деньги «доправить» на поручителях по ним и принять в коллегии или канцелярии.

Сенатский указ 5 июля 1723 г. вначале сослался на вышеупомянутый и отметил, что тот был принят ввиду «малолюдства». Из купечества к сборам никого не брать, поскольку «многие придут во всеконечную скудость». Если выбранные к оценке товаров купцы задолжают и не смогут вернуть деньги, то какие будут у них пожитки, взятые коллегиями и канцеляриями, отсылать в магистрат, который должен их продать «с публичного торгу» и отослать деньги туда, откуда пожитки присланы.

Сенатский указ 13 апреля остался, в значительной мере, «на бумаге». Так Сенат 9 декабря отмети, что Камер коллегия донесла ему, что смена у сборов посадских людей на отставников и «раскольников» буксует: во всех губерниях и провинциях последних лишь 475 человек, а к сборам не хватает 6522 человека. Поэтому Камер коллегия просила Сенат на 1724 г. сохранить присутствие у сборов посадских и освобождать их по мере их замены отставниками и «раскольниками». Об абсолютной необходимости нахождения у таможенных сборов посадских Сенат, по представлении Коммерц-коллегии, писал 15 февраля 1724 г., особенно в Петербурге и Архангельске. Вновь о трудностях в исполнении указа 13 апреля Сенат высказывался 21 декабря. К сборам на тот момент было привлечен всего лишь 971 отставник, а «в добавку» надлежит прислать 3319 человек. И сенаторы вновь, на 1725 г., определили привлекать посадских людей к сборам, которых все же должны заменить отставники по

мере их присылки на места.

Поняв, что указ 13 апреля исполнить невозможно, 7 июля 1725 г. Сенат, уже в правление Екатерины I, принял указ. Камер коллегии было приказано «снестись» с городовыми магистратами по поводу сборов (кроме кабацких), которые вновь полностью ложатся на плечи посадских людей, им подчиненных. При этом определялись оклады этих сборов по их средним значениям. Камер коллегия, «снесясь» с городовыми магистратами, подала сенаторам ведомость о сборах (кроме кабацких) по 22 провинциям: Севской, Пошехонской, Костромской, Смоленской, Пензенской, Уфимской, Тверской, Свияжской, Казанской, Симбирской, Калужской, Новгородской, Арзамасской, Астраханской, Вятской, Великолуцкой, Нижегородской, Тульской, Вологодской, Орловской, Переславль Залесской и Ярославской. Всех доходов с этих провинций – 1,2 млн р., а указанных сборов – 383 тыс. р. Однако удалось собрать 435 тыс. р., на 42 тыс. р. больше, то есть «явился прибор», за который магистраты могли быть «награждены».

Сенат 12 сентября 1726 г. приказал послать указ в Главный магистрат, чтобы к оценке товаров и «мягкой рухледи» в Сибирскую канцелярию определить из купеческих людей, к тому достойных, двух человек погодно. 22 августа сенаторы и кабацкие сборы снова передали посадским людям, а где их нет – дворцовым, монастырским и черносошным крестьянам. Правда, вновь высказано все-таки намерение заменить их отставниками, как мы понимаем, до конца не выполнимое. Еще раз к этому вопросу обратились 24 февраля 1727 г. Состоявшийся в Верховном Тайном Совете именной указ отметил, что привлекаемым к сборам отставникам платится из Камер коллегии жалование в размере 70 тыс. р. в год, «чего прежде не бывало», а пользы от этого никакой нет, «кроме ссор и кражи, которые подают причины к великим розыскам и кровопролитиям». Словом – с отставниками лишь проблемы. Приказано полностью переложить сборы на плечи магистратов под контролем губернаторов и воевод. Магистратам же обещано все, что собрано «сверх положенных окладов», оставить «на общую пользу городовую»[95].

В 1718 г. начались работы по проведению «переписи» (первой ревизии), которые завершились введением подушной подати. «Граждан, купецких людей», которые вышли для своих торговых промыслов из прежних в другие города, Сенат 19 июля 1722 г. распорядился, по донесению Главного магистрата, из прежних жилищ до указа «не выселять». Магистрату о них «учинить ведение», из каких городов вышли и какие подати платили, и то

же на новых местах проживания. По тому «ведению» Главный магистрат должен учинить «уравнение» и внести сведения при донесении в Сенат. Последний 28 ноября 1723 г. сослался на донесение генерал-фискала Мякинина, что выявлены 207 человек из тех, что переведены из Азова (когда он был возвращен туркам), и «пришлые» из разных городов. Они к купечеству «не присовокуплены» и податей не платят. Сенаторы подтвердили запрет принимать в посад и торговать унтер-офицерам и солдатам. Также в ходе переписи «явились» у посадских людей дворовые люди. Главный магистрат подал «сказки», в которых они записаны. Эти сказки следует подать Мякинину.

По указу 1722 г. с купечества положены подушные деньги в размере 1 р. 20 к. То же платят и «разночинцы», записанные в цехи, то есть, фактически, посадские люди. Сенат 16 сентября 1724 г. указал, что эти деньги собирают магистраты а где их нет – бурмистры «с товарищи». Собранное отправлять «в рентереи» (хранилища казны) трижды в год. Магистратам и бурмистрам об этом рапортовать Главному магистрату. 7 марта 1726 г. сенаторы приказали послать ему указ, чтобы он уже направил указы в городовые магистраты «с крепким подтверждением» об отдаче собранных подушных денег в «рентереи» сполна и без «доимки», и о том бы они рапортовали Главному магистрату. Последний должен строго следить за подчиненными магистратами, а «ослушников» – штрафовать по указам. Строго-настрого 15 февраля 1725 г. Сенат подтвердил запрет на расходование «не положенной в штат суммы» без своего указа. Причиной такого распоряжения стало извещение Штатс-конторы о «немалых расходах» в провинциях, а также сомнение, что городовые магистраты «таможенные сборы… в таких ли окладах примут, как показаны из Камер коллегии?»[96]

На основании поданного из Главного магистрата донесения Сенат 16 июля 1722 г., в дополнение к указу 22 апреля, приговорил записывать в цехи, кроме «мастеровых и ремесленных людей из купечества и разночинцев, дворовых и приезжих людей», еще и синодальных, архиерейских, монастырских и «вотчинников» людей по «отпускным письмам», которые выпускают продукцию на продажу или на заказ. Если же последние делают продукцию только своим хозяевам, то их в цех не записывать и на продажу или на заказ работать им запретить. 4 октября сенаторы посетовали, что в Москве, по объявленному в июле распоряжению, чтобы «всяких ремесел и мастерства люди… какого бы звания ни были», москвичи и приезжие или иностранцы явились бы в Главный магистрат немедленно, а кто промедлит – уплатит штраф и получит запрет на работу, «явилось малое

число». Приказано «публиковать» об этом вторично, чтобы не явившиеся пришли в Главный магистрат к 10 октября. На ослушниках будет взят штраф в 10 р. и им будет запрещено заниматься «их художеством и ремеслом».

Сенаторам стало известно, что на посадах живут и работают пришлые из-за рубежа мастера, и живут своими дворами или в чужих домах, и желают записаться в цехи. 20 декабря 1723 г. последовал указ их записывать и быть им в ведении магистратов, и подушную подать платить наравне со всеми. О таких записавшихся ведомости присылать в Главный магистрат. Подьячих из купечества, положенных «в тягло», по его же представлению Сенат 8 марта приказал отпустить на места прежнего проживания. Еще 21 октября 1721 г. состоявшийся в Сенате именной указ распорядился, чтобы пленным шведской армии, проживавшим в городах, магистраты составляли списки, и эти «сказки» посылали бы в Сенат. Из городов Европейской России они должны быть посланы в 3 месяца, из Астрахани – в 4 месяца, а из Сибирской губернии – в 5 месяцев. Из самых дальних мест – в 7 месяцев. Но до указа пленные оставались на месте[97].

Объявленный из Сената именной указ 26 сентября 1721 г. предписывал построить в Москве «к первому зимнему пути» триумфальные ворота «для пришествия» государя «в Тверских каменных воротах… в Китае у Казанского собора… на Мясницкой улице, на прежнем месте у Земляного города». Вторые ворота строились на средства Синода, который также должен был составить чертеж всех построек. Первые и третьи построить Строганову, гостям и гостиной сотне, и всего государства купечеству. «Для скорого исправления» в последнем случае деньги выдавались из Штатс-конторы, а ей должны быть возвращены в том же году «по расположению Камер-коллегии из магистрата» (Главного).

Относительно отвода квартир и постройки казенного жилья высказался именной указ 27 апреля 1722 г. «Для окладных сборов» Главный магистрат, вместе с коллегиями, строит «дворы умеренные». Посланным из Юстиц-коллегии «для розысков» жить у воевод или приказных людей. Для «колодников» иметь тюрьмы. Вообще квартиры давать из магистрата квартирмейстерам «против Регламента». Особо отмечено, что «курьерам», даже не имевшим указа из Главного магистрата, но имеющим «верную подорожную», также квартирмейстеры в городе отводят жилье под постой. Известно, что Петр I почти сразу же, как начал строиться Петербург, заботился о переселении туда не только дворян, но и купцов и ремесленников. Вот и сенатский указ 23 января 1724 г. упомянул императорское распоряжение строить на

Васильевском острове дворы для приезжих купцов. Их «расположение» должен был определить Главный магистрат, чтобы к весне 1725 г. начали строить. Кто из переселенцев в таком доме жить не захочет, то «волен» продать его посторонним людям, русским или иностранцам, либо отдать «в наймы».

Купеческих детей послать в Ревель и Ригу для обучения арифметике и немецкому языку планировал сенатский указ 9 июня 1725 г. Главный магистрат при этом доносил, что 8 ноября 1723 г. об этом был дан указ Коммерц-коллегии. И предполагалась отправка не менее 15 человек. На место отучившихся посылать новых. Однако, поскольку всех послать невозможно, то следует организовать обучение в Петербурге. Вообще же предполагалась посылка по 20 человек. Теперь Главный магистрат определил выбрать у людей «добрых и пожиточных» 43 детей и послать их в Петербург на казенное содержание. Кто из купцов пожелает послать своих детей сверх этого числа на своем иждивении, то таких предлагалось еще 12 человек. Сенат приказал, прежде отправки в Ригу и Ревель, обучить детей арифметике и немецкому языку на месте. Потом их можно отсылать на учебу в Ригу, Ревель и «в чужие края». Все должны содержаться «на купеческом коште», а Главному магистрату над ними «иметь смотрение», чтобы учились в Риге и Ревеле «с прилежанием».

«Быти при сочинении Уложения» (нового законодательства), по мнению Главного магистрата, Сенат приказал двум его членам. Поскольку в магистратских членах «нужда», им присутствовать лишь на тех заседаниях, где будут обсуждаться «права о купеческих делах».

В Москве, наряду с конторами коллегий, была образована в феврале 1722 г. и контора Главного магистрата. Правда, ее единственным присутствующим являлся ратсгер И. Семенников. Но вот 15 июля 1726 г. контора была ликвидирована под тем предлогом, что в древней столице имеется местный магистрат «в довольных персонах», и всех, состоявших при той конторе, послали в Петербург, а дела передали в московский магистрат. Ввиду общего курса на экономию расходов при Екатерине I, это коснулось и магистратских служителей. Так состоявшийся в Верховном Тайном Совете именной указ 23 мая (повторен 2 июня) распорядился не выдавать жалование приказным людям Вотчинной, Юстиц-коллегий, надворных судов и магистратов. Им предложено «довольствоваться от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что даст по своей воле» (то есть брать взятки). Правда, этих приказных предупредили: «Токмо для излишних взятков тем челобитчикам в делах их волокиты, также

ничего в противность регламентам и указам отнюдь не чинить, и того смотреть за ними тех мест судьям». За нарушения «подьячих» наказывать[98].

Главный магистрат поставил перед Сенатом вопрос: в случае «похищения» денежной казны, в котором обвиняются выборные от купечества и подьячие, при том, что казенные сборы подведомственны Камер коллегии, кому «следование и решение чинить» – последней или Главному магистрату, а в городах бурмистрам? Сенаторы 30 апреля 1722 г. определили, что о «похищенных» казенных сборах следствие «чинить» в Камер-коллегии, а не в магистрате. По донесению Главного магистрата Сенату как быть с присланными ему из коллегий и канцелярий «для продажи описанными за вины пожитками», которых «немалое число», сенаторы 12 ноября 1723 г. приказали определить из магистратских членов, с придачей им купецких людей и подьячих, «сколько пристойно». Принятые пожитки записать в приходные книги, «всякие порознь ценой» и о продаже их «сочинить инструкцию». Для их хранения построить «хоромы и анбар в пристойном месте» (в Петербурге), а пока их «скласть» в амбар морской таможни на Троицкой площади. Перед публичной продажей этих пожитков «публиковать для известия» о них. Торги производить в присутствии магистратских членов. Пожитки переходят к тем, кто с «публичного торгу» даст большую сумму, а деньги заплатит сразу.

По сенатскому приказу 13 декабря 1725 г. купеческих крепостных людей также следует ведать «судом и расправой» как и самих купцов, то есть в Главном магистрате. 1 февраля 1726 г. сенаторы указали, что суды между купцами «по партикулярным письмам, векселям и по записным книгам и счетам, так и в бесписьменных торговых делах, и в поклажах, и ссудах», по мнению Главного магистрата, «производить по-прежнему купеческому обыкновению таможенным судом». То же касалось и таких же дел купцов с людьми «других чинов».

Главный магистрат в сентябре 1721 г. подал донесение в Сенат. В нем он жаловался на нарушения указов и Регламента в том, что купцы (кроме «великих государственных дел») ведомы судом в магистратах. Приведены примеры «обид»: во Владимирской и Шацкой провинциях от воевод, в Вязниковской слободе по постойным делам и от «юстицких судей». От них же «обижены» елатомские бурмистры и посадские люди. Вообще в разных губерниях и провинциях местные власти и военные нарушают права магистратов и купечества. Главный магистрат посылал по этому поводу указы, но «по ним не токмо не исполняют, но и о получении их не отвечают, и от того

купечеству чинится разорение». Сенаторы приказали по всем указанным случаям провести «розыск», а местным властям на посланные из Главного магистрата указы отвечать «под опасением штрафа»[99].

Главный магистрат подал сенаторам «мнение»: давно заведенные фабрики и мануфактуры устроены и «в совершенное действие» приведены, и «прибытки» имеют. Поэтому их владельцы вполне могут исполнять «городские службы». У тех же предприятий, которые заведены «вновь», содержатели и компаньоны от служб «уволены». Однако, например, фабрика находится в Москве, а компаньоны живут в разных городах и они могли бы там также «с прочими гражданами служить, а судом и расправой по Регламенту быть в магистрате». Сенат 8 ноября 1723 г. привел именной указ 31 октября. Петр I определил: владельцам старых предприятий «в гражданских службах и в податях быть в магистратском ведомстве». Владельцев же новых предприятий «от службы и от дел уволить». Но о тех, кто из них живет в других городах «без всякого компанейского служения», Главный магистрат должен доносить Сенату, который вопрос рассмотрит. Если «подлинно», то их тоже «отдавать в магистратское ведомство».

По именному указу 1721 г. псковским купцам следовало возить свои товары к портам, к Нарве или Петербургу – «кто куда похочет». А в Нарву «браковщиков» товаров должен направить Главный магистрат. Петр I 13 января 1724 г. утвердил сенатский доклад. В нем сказано, что сукна на мундиры для армии следует покупать отечественного производства. Если же не хватает, то Коммерц-коллегия, «снесясь с магистратом», этот вопрос решает. А Военной коллегии следует им послать о том ведомость заблаговременно. Именной указ 22 января требовал, чтобы городовые магистраты, а где их нет – бурмистры давали свидетельства по поводу платежеспособности поручителей по подрядчикам из разных городов, приезжающих в Петербург. За «неправое» свидетельство угрожали «взысканием». Губернские власти сообщали Сенату, что бургомистров и ратманов из городовых магистратов к подрядам «допускать не смеют», поскольку те состоят «у дел». Но в провинциях лучшие люди из купечества как раз и находятся на тех должностях, и без них «надежных» откупщиков и подрядчиков будет мало. Камер коллегия считает, что их можно допустить к этим делам. Сенаторы 25 июня 1725 г. разрешили бургомистров и ратманов допустить к откупам и подрядам, если они не находятся «в камерирском ведомстве» (в котором откупа и подряды состоят).

Сенату стало известно, что петербургский магистрат

«опубликовал в народ» указ, чтобы иноземцы и российские подданные, привозившие на кораблях хлеб из-за моря, а также из Риги и Выборга, не продавали этот хлеб в розницу, но привозили бы «на мытные дворы» для оптовой продажи. А с «мытных дворов» купцы бы продавали рожь с прибылью в 10 к., а ржаную муку – 20 к. на 1 р. цены. Однако «для недороду в России» в 1723 г. позволено хлеб из-за моря привозить беспошлинно, а в 1724 г. – «в пошлинах со многой убавкой». Магистрат действовал согласно «Морского устава», не разрешавшего с кораблей продавать товар в розницу. Но вот 8 августа 1724 г. сенаторы объявили указ Петра I 4 августа, что «для хлебного недороду» эта розничная продажа хлеба разрешена. Ввиду того, что солдаты не стоят на караулах у московских гостиных дворов, Сенат 24 февраля 1725 г., по предложению Военной коллегии, снял солдат с караулов у петербургских гостиных дворов и предложил Главному магистрату занять в этой службе «лавочников».

Император, по приговору Сената, указал 16 января 1725 г.: купцам и всяких чинов людям «для всенародной пользы» муку, крупу, солод и толокно, «и всякий молотый и толченый хлеб» в городах и поселениях продавать на вес и умеренными ценами. Главный магистрат в Петербурге, вместе с Главной полицмейстерской канцелярией, должен получать ведомости о ценах помесячно[100].

Фактически, первая городская реформа (создание Московской Ратуши и Земских изб, позже Ратуш в городах) была признана Петром I неудачной. Основной ее задачей было развитие городского самоуправления, вывод горожан из-под власти воевод, прежде всего, в интересах пополнения казны. Поэтому Московская Ратуша рассматривается в историографии как центральное «казначейство», а Ратуши в городах – как местные «казначейства». С губернской реформой посадские люди вновь перешли под управление губернаторов и воевод.

Вторая городская реформа, создание Главного магистрата и магистратов в городах, происходила уже в другое время: победно завершилась Северная война, а вопросами сбора доходов, развития промышленности и торговли занимались Камер, Мануфактур и Коммерц-коллегии. Магистраты означали восстановление вновь системы городского самоуправления. Главное – это суд над «гражданами» происходил в них. Однако городовые магистраты были подчинены не только Главному магистрату, но и указанным коллегиям в пределах их компетенций. Попытка освободить купечество от сборов различных доходов ни к чему не привела. В новых условиях Главный магистрат стал лишним. Этот орган вполне можно было

упразднить, вновь подчинив городское самоуправление (городовые магистраты) местной власти, что и было сделано при Петре II.

Заключение

Древнерусский воевода являлся военным командиром, а стоящий во главе целого армейского корпуса – полководцем. С середины XVI в. средневековая система управления территориями посредством посланных на «кормление» наместников и волостелей уходит в прошлое и к XVII столетию на ее место приходит воеводское управление, когда воевода представлял военную, административную и судебную власть в городе и уезде. В начале Нового времени он олицетворял собой «бюрократический порядок местного управления» и исполнял распоряжения центральных органов власти – приказов. Имея в своих руках всю полноту власти над обывателями, воевода, обычно, не мог удержаться от искушения пользоваться ею в своих корыстных интересах. Особенно этим грешили сибирские воеводы. Их лихоимство, беззастенчивое притеснение местного, в основном нерусского, населения вынуждало центральную власть к проведению расследований их преступлений, тщательной проверки вывозимого ими из Сибири скарба и конфискации заповедных и неявленных в таможне товаров.

Петр I был прекрасно осведомлен о недостатках воеводского управления. Побывав в европейских государствах, он познакомился в том числе и с особенностями местного управления. В самых передовых из них был особенно силен торговый капитал. Англия, Франция, Нидерланды уже во всю эксплуатировали свои колониальные владения и возглавлявшее города купечество, особенно в прошедших этап буржуазных революций Нидерландах и Англии, представляло собой большую силу. Вернувшись в Россию, царь в 1699 г., в преддверии крупных реформ и начала Северной войны, изъял из власти воевод посадское население и государственных крестьян. Ввиду того, что требовалось резко повысить доходы казны, Петр считал, что, избавив, прежде всего, купечество от воеводских злоупотреблений можно будет рассчитывать на резкий рост бюджетных поступлений.

Начиная с 1706 г. воевод стали сменять коменданты. Позже они закрепились в городах столичных, пограничных и имевших большой гарнизон. Ввиду необходимости усовершенствования системы налогообложения в 1715 г., вместо уездов, губернии были поделены на «доли», представлявшие собой территориальные единицы с определенным количеством тяглых дворов. Во главе «долей» были поставлены ландраты. И коменданты, и ландраты исполняли функции воевод, какими они

были с 1699 г. Причем воевод постепенно отзывали по мере назначения комендантов и ландратов.

В 1719 г. наступил последний период воеводского управления в петровскую эпоху. Воевод стали назначать во главе провинций. Теперь они имели в своей власти несколько дистриктов (уездов) и фактически стали самостоятельными местными начальниками, напрямую сносившимися с Сенатом и коллегиями, и исполняющими их распоряжения. Губернатор реально пользовался властью в провинции своего губернского города. Комендантыоставались в тех городах, где они закрепились ранее. Ввиду того, что после первой ревизии перешли к подушной системе налогообложения, надобность в ландратах, представлявших подворное обложение, отпала.

На местах действовали не только отмеченные выше управленцы. Петр I инициировал и новые формы власти. С 1699 г. в городах власть над посадским населением осуществляли бурмистры, заседавшие в Земских избах, а позже – в Ратушах. Вначале они подчинялись московской Ратуше. Эта совокупность мер названа первой городской реформой. До перехода с 1708 г. к губернской системе Ратуша давала основную часть казенных доходов. Некоторые авторы называли ее даже прообразом Министерства финансов. Одновременно государь стремился повысить отдачу от целого ряда доходных статей: продажи табака, сборов мельничного, банного, рыбного, медового, конского и др. Они поручались Преображенскому приказу, Семеновской приказной палате, Ингерманландской канцелярии и т. д. Действовавшая уже давно Оружейная палата занималась организацией работ по составлению крепостных актов и получением дохода от них. Созданный в 1720 г. Главный магистрат и вводившаяся система городовых магистратов относятся ко второй городской реформе времени Петра I. Система городского самоуправления, введенная еще ратушской реформой и с реформой губернской в большой степени разрушенная, теперь была восстановлена.

Мы видим, что, как ни маневрировал Петр I в своем стремлении резко повысить сбор доходов: ограничивал власть воевод, вводил новые бюрократические должности комендантов и ландратов, поручал управление городским населением ратушам и магистратам, избираемым из верхушки посадского населения, задействовал различные канцелярии и палаты в целях мобилизации доходных статей – все же от воеводского управления, с его известными издержками, государь не отказался. Более того в конце своего правления, он, фактически, приравнял воевод-глав провинций к губернаторам с исполнением все тех же

военных, административных и судебных функций.

Список источников и литературы

Источники

1. И. А. Желябужский. Дневниковые записки // Рождение империи. М., 1997.

2. О. А. Плейер. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 г. // Лавры Полтавы. М., 2001.

3. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3–7.

Литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. М., 1997.

2. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинции. 1719–1727. М., 1902.

3. Его же. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1.

4. Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.

5. Демкин А. В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711–1717 г. М., 2017.

6. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.

7. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2; М., 1967. Т. 3.

8. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.

9. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.

10. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2–3.

11. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

12. Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2.

13. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. М., 2007.

14. Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007.

15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.,

1960. Кн. 4; М., 1962. Кн. 7–8.

16. Центральный Государственный Архив Древних актов СССР. Путеводитель в четырех томах. М., 1991. Т. 1.

Список имен

Алексей Михайлович – царь
Алымов К. – воевода
Анисимов Е. В. – историк
Аничков В. – воевода
Анна Петровна – царевна
Арчил Вахтангович – царь

Баскаков П. – воевода
Бассевич – советник
Богданов М. – гостиной сотни
Богданов Ф. – дьяк
Богословский М. М. – историк
Брюс – обер-комендант

Вараксин С. – «прибыльщик»
Вейде – генерал
Водарский Я. Е. – историк
Волконский Г. – князь

Гагарин – князь, комендант
Глебов – воевода
Голикова Н. Б. – историк
Головин Ф. А. – боярин
Гудфеллоу Ч. – английский консул

Демкин А. В. – историк
Долгоруков А. Г. – князь, обер-президент

Екатерина I – императрица
Екатерина II – императрица
Ершов В. С. – вице-губернатор

Жабин И. – староста
Желябужский И. А.
Жидовинов И. – «прибыльщик»

Захаров В. Н. – историк
Зимин А. А. – историк
Зиновьев А. – воевода

Иван Грозный – царь

Иван V – царь
Исаев И. – президент

Каменский А. Б. – историк
Карл-Фридрих – герцог
Кикин П. В.
Кислягина Л. Г. – историк
Ключевский В. О. – историк
Козлова Н. В. – историк
Колтовский – комендант
Коровин С.
Кулешов – воевода
Куракин Б. И. – князь
Курбатов А. А. – «прибыльщик»
Курбский А. – князь

Левадиани А. – грек
Леонтьев С. – инспектор

Меншиков А. Д. – светлейший князь
Милле П. – иноземец
Милославские
Милюков П. Н. – историк
Михаил Федорович – царь
Морев И. – воевода
Мусин-Пушкин – граф, сенатор
Мякинин – генерал-фискал

Нарышкины
Наталья Кирилловна – царица
Немчинов – гостиной сотни
Нестеров А. Я. – обер-фискал

Павленко Н. И. – историк
Павлов М. – воевода
Петр I – император
Петр II – император
Писарькова Л. Ф. – историк
Плейер О. А. – дипломат
Преображенский А. А. – историк

Ржевский В. – воевода
Римский-Корсаков Я. – комендант
Ромодановский Ф. Ю. – князь

Свиньин – воевода
Семенников И. – ратсгер
Серов Д. О. – историк
Синявин А. С.
Синявин Л. – воевода
Соловьев С. М. – историк
Софья Алексеевна – царевна
Старцев П.
Стрешнев Т. Н. – боярин

Трубецкой Ю. Ю. – князь, обер-президент
Трусов М. – воевода

Украинцев – воевода

Фандорт С. – иноземец
Федор Алексеевич – царь
Фик Г.

Худоваров Г. – посадский человек

Черников В. – воевода
Чернышев – генерал-майор
Черкасский – князь, губернатор
Черкасский А. М. – князь, воевода
Черкасский М. Я. – князь, боярин
Черкасский П. М. – князь, воевода

Шемберг фон – генерал
Шеншин Л. – воевода
Шереметев Б. П. – боярин
Шустовы

notes

Примечания

1

Богословский М. И. Областная реформа Петра Великого. Провинции. 1719–1727. М., 1902; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4.; М., 1962. Кн. 7–8; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2–3.

2

История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2; М., 1967. Т. 3.

3

Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2; Каменский А. Б., От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. М., 2007.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1; Центральный Государственный Архив Древних актов СССР. Путеводитель в четырех томах. М., 1991. Т. 1; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999; Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006; Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007; Демкин А. В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711–1717 гг. М., 2017.

5

Полное Собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3–7.

Рождение империи. М., 1997; Лавры Полтавы. М., 2001.

7

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 17–18, 34–35, 37–38; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 178–180, 322; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 86–88, 91–92, 257–262.

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3. № 1540, 1542, 1579, 1585, 1594–1595, 1650, 1670, 1738; Т. 4. № 1792, 1822, 1835–1836.

9

Соловьев С. М. Указ. соч. М., 1962. Кн. 7. С. 81–82, 92; История СССР. М., 1967. Т. 3. С. 64; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 39–40.

ПСЗ. Т. 3. № 1443, 1474, 1518, 1523, 1530.

11

ПСЗ. Т. 3. № 1511, 1522, 1526, 1531, 1533–1535, 1545, 1547, 1561, 1578, 1588, 1596, 1598, 1601, 1606, 1610, 1626, 1629, 1652, 1655, 1665, 1672.

ПСЗ. Т. 3. № 1476, 1494, 1627, 1639, 1653.

13

Там же. № 1408, 1470, 1497.

ПСЗ. Т. 3. № 1338, 1412, 1442, 1449, 1490, 1510, 1515, 1557, 1570, 1576, 1580, 1623, 1645.

15

ПСЗ. Т. 3. № 1465, 1506, 1508, 1524, 1544, 1568, 1668.

16

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3. № 1674–1675, 1699, 1704, 1708, 1715.

17

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 70; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 128; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 47–48; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 503; Кн. 3. С. 6; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 100; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 92–93.

ПСЗ. Т. 4. № 1784, 1788, 1813, 1922, 2069.

19

Там же. № 1760.

ПСЗ. Т. 4. № 1961, 1965, 1974, 1992, 2015, 2036.

21

ПСЗ. Т. 3. № 1687–1688, 1701, 1718; Т. 4. № 1770, 1778, 1782, 1815, 1817, 1827, 1852, 1871, 1892, 1900, 1935, 1947, 1958, 1969, 1972–1973, 1980, 1983, 1995, 2007, 2018, 2032, 2056; Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 7.

ПСЗ. Т. 3. № 1703, 1717; Т. 4. № 1786.

ПСЗ. Т. 4. № 1850, 1919, 1927, 1986, 2087.

ПСЗ. Т. 4. № 2045.

Там же. Т. 3. № 1692; Т. 4. № 1946, 1967, 2082.

Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 56; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С. 13–14; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 96, 98.

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 4. № 2067, 2130, 2135.

28

ПСЗ. Т. 4. № 2168, 2194, 2223, 2265, 2292, 2295, 2306, 2323, 2346, 2349, 2385, 2439, 2484; Т. 5. № 2647, 2666, 2685, 2698, 2707, 2744, 2754, 2776, 2787, 2799, 2863, 2865, 2879, 2887.

ПСЗ. Т. 4. № 2089, 2095, 2105, 2108, 2139, 2147, 2180, 2204, 2214, 2227, 2240, 2284, 2289, 2300, 2310, 2340, 2346, 2448.

Там же. Т. 5. № 2879.

31

Очерки русской культуры. С. 72; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 14–15; Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 100–101; Демкин А. В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711–1717 гг. М., 2017. С. 51, 58.

32

ПСЗ. Т. 5. № 2900, 2990–2991, 3003, 3025, 3034, 3036, 3078, 3081, 3101, 3113, 3118, 3161, 3168–3169, 3234, 3240, 3242–3243, 3249.

Там же. № 3159–3160.

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5. № 3294; Т. 6. № 3890.

ПСЗ. Т. 6. № 3686, 3702.

ПСЗ. Т. 5. № 3295–3296, 3304.

ПСЗ. Т. 5. № 3477, 3479.

ПСЗ. Т. 6. № 3571, 3951, 3967, 4073; Т. 7. № 4404, 4534.

39

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727 гг. М., 1902. С. 42–43, 81–82, 129–149, 185–186, 203–205, 236; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 235–236, 238–239; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 72; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С. 34–35, 37–38; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 157–158, 166–169.

ПСЗ. Т. 5. № 3381, 3390, 3432.

Там же. Т. 6. № 3508, 4100.

ПСЗ. Т. 5. № 3466; Т. 6. № 3495, 3500, 3603, 3508.

Там же. Т. 6. № 3648, 3709, 3736, 3832, 4050; Т. 7. № 4630.

ПСЗ. Т. 5. № 3474; Т. 6. № 3492, 3707, 3747, 3762, 3782, 3796, 3901; Т. 7. № 4294, 4399, 4520, 4522.

ПСЗ. Т. 6. № 3647, 3768; Т. 7. № 4248, 4533, 4640.

Там же. Т. 5. № 3444; Т. 6. № 3640, 3651, 3831, 3868, 4134; Т. 7. № 4311.

ПСЗ. Т. 5. № 3443; Т. 6. № 3587; Т. 7. № 4313, 4636.

ПСЗ. Т. 6. № 3631, 3803, 3816.

Там же. № 3766, 3825.

ПСЗ. Т. 5. № 3445; Т. 6. № 3597, 3654, 3743, 3857, 3926, 3939; Т. 7. № 4181, 4371, 4535.

ПСЗ. Т. 6. № 3614, 3662, 3839; Т. 7. № 4178.

Там же. Т. 6. № 3739, 4135.

ПСЗ. Т. 5. № 3453; Т. 6. № 3917, 3935.

Там же. № 3362; Т. 6. № 3488, 3591; Т. 7. № 4225.

ПСЗ. Т. 5. № 3378, 3459; Т. 6. № 3636, 4082.

Там же. № 3475; Т. 6. № 3575, 3811, 3903; Т. 7. № 4272, 4335.

ПСЗ. Т. 5. № 3407; Т. 6. № 3487, 3506, 3582, 3655, 3794, 3826, 3872, 4007; Т. 7. № 4591.

ПСЗ. Т. 5. № 3275, 3282, 3308, 3319, 3334, 3415; Т. 6. № 3601, 3647, 3665, 3754, 3757, 3995, 4052.

Рождение империи. М., 1997. С. 318; Лавры Полтавы. М., 2001. С. 410.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 589–590, 594.

61

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 505, 563; Кн. 3. С. 6–9, 39–40.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 86–89.

63

История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 228; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 47–49; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 45; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 100; Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 181.

64

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3. № 1674–1675, 1683, 1685–1686, 1696–1699, 1704, 1706, 1708, 1715, 1718–1719, 1733; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 116–117.

ПСЗ. Т. 4. № 1740, 1742, 1744–1745, 1750, 1763, 1770, 1773–1775, 1777,

1786, 1788, 1798, 1801, 1808, 1813–1814, 1816, 1819, 1833, 1853, 1861, 1865, 1875, 1895, 1922, 2001–2002; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 147; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 7. С. 591.

Милюков П. Н. Указ. соч. С. 147; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 8. С. 72–74, 324–327; Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 9; Лавры Полтавы. С. 410; Серов Д. О. Указ. соч. С. 175, 180–182.

ПСЗ. Т. 4. №.2028–2030, 2033, 2043, 2045, 2055, 2059, 2064, 2066, 2074, 2076, 2087, 2099, 2119, 2127, 2129, 2133, 2153, 2160, 2163, 2165, 2187, 2202–2204, 2208.

Милюков П. Н. Указ. соч. С. 147; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 8. С. 351–352; История СССР. С. 229; Очерки русской культуры. С. 53–55; Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 9–12; Серов Д. О. Указ. соч. С. 183–184.

ПСЗ. Т. 4. № 2218, 2220, 2228, 2307.

Там же. № 2247; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 8. С. 352.

71

Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 59.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 216–217; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 46; Центральный Государственный Архив Древних актов СССР. Путеводитель в четырех томах. М., 1991. Т. 1 (далее – Путеводитель). С. 106; Рождение империи. М., 1997. С. 279–280.

Очерки. С. 46; Путеводитель. С. 158.

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 3. № 1570, 1580, 1590, 1622, 1628, 1637; Очерки. С. 46; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 150–152; Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998. С. 107–109.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. М., 1905. С. 156; Очерки. С. 50–51; Рождение империи. С. 343; Серов Д. О. Указ. соч. С. 180.

ПСЗ. Т. 4. № 1954–1955, 1968, 2010–2011, 2058, 2060, 2125; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160; Рождение империи. С. 342.

77

ПСЗ. Т. 4. № 1956, 1958–1959, 1994–1995, 2007, 2056, 2079, 2086, 2125; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 567; Рождение империи. С. 342.

ПСЗ. Т. 4. № 1961, 2024, 2057, 2128, 2222; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 567.

ПСЗ. Т. 4. № 1965–1966, 1974, 1981–1983, 1993, 2016, 2071, 2125; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160; Рождение империи. С. 342.

ПСЗ. Т. 4. № 1969, 2032, 2085; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160.

81

ПСЗ. Т. 4. № 2039, 2048, 2063, 2075, 2131, 2200; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160.

ПСЗ. Т. 4. № 1972, 2084; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 159–160.

ПСЗ. Т. 4. № 1967, 1973, 2027, 2120, 2191, 2258.

Ключевский В. О. Указ. соч. С. 567.

85

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 591; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 49; Центральный Государственный Архив Древних Актов СССР. Путеводитель в четырех томах. М., 1991. Т. 1. С. 78; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 564–565; Рождение империи. М., 1997. С. 312–313; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 102; Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 173–176.

Ключевский В. О. Указ. соч. С. 564–565; Демкин А. В. Петровский Сенат и управление территориями Российского государства в 1711–1717 гг. М., 2017. С. 163–164.

ПСЗ. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 3. № 1673, 1703, 1717, 1730.

ПСЗ. Т. 4. № 1744, 1786, 1819, 2160, 2162.

ПСЗ. Т. 4. № 1833, 1838, 2080, 2160.

90

История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 229; Ключевский В. О. русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С. 38.

91

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 4. № 2240, 2244, 2270, 2317, 2472, 2529, 2610–2611; Т. 5. № 2672, 2711, 2763, 2879, 2881, 3035, 3079, 3299, 3339; Т. 6. № 3540.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 455, 468–469; История СССР. С. 233; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 72; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 38–41; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 138–139.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 112–127; Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 195–220.

ПСЗ. Т. 6. № 3520, 3708, 3778, 3855, 3890; Т. 7. № 4312, 4624, 4811, 5033, 5142; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII. СПб., 1997. С. 135–138; Козлова Н. В. Указ. соч. С. 124–126; Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 220–222; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 206–208.

ПСЗ. Т. 6. № 3966, 4059; Т. 7. № 4262, 4388, 4477, 4620, 4751, 4950, 4955, 5016.

ПСЗ. Т. 6. № 4059; Т. 7. № 4373, 4565, 4656, 4846.

ПСЗ. Т. 6. № 3839, 4054, 4102; Т. 7. № 4182, 4395.

ПСЗ. Т. 6. № 3830, 3982; Т. 7. № 4439, 4731, 4734, 4889, 4897, 4933; Козлова Н. В. Указ. соч. С. 125; Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 222.

ПСЗ. Т. 6. № 3832, 3992; Т. 7. № 4358, 4812, 4828; Вождарский Я. Е. Указ. соч. С. 221.

ПСЗ. Т. 6. № 4062; Т. 7. № 4352, 4408, 4544, 4633, 4666, 4740.